

Кулаков В.И.

**Провинциально-римские и германские фибулы I в. до. н.э. – IV в. н.э. в
материальной культуре населения Янтарного берега**

Калининград-2014

ББК 63.400

УДК 902.01

К90

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор

Г.И. Берестнев

Кандидат культурологии, доцент, заслуженный работник культуры РФ

В.А. Шахов

Кулаков, Владимир Иванович.

К90 Провинциально-римские и германские фибулы в материальной культуре населения Янтарного берега I в. н.э. - IV в. до н.э. / В. И. Кулаков. - Калининград, Информационно-издательский сектор КИТ филиала РМАТ, 2014. - 134 с., ил., карт.
- Библиогр.: с.48-61 (202 назв.). - 100 экз. - [Б. ц.].

Предлагаемая книга является первым в истории отечественной науки исследованием иноэтничных «импортов» (в нашем случае – наиболее престижной детали убора мужчин и женщин – фибул), поступивших в эпоху римского влияния в юго-восточную Балтию в результате янтарной торговли. Находки фибул как деталей материальных культур представителей различных племён античной Европы и Барбарикума для археологии эстиев, предков пруссов, стали маркерами не только межплеменной торговли, но и точками на различных путях этой торговли, связывавших эстиев и их соседей. Выявление этих путей, представленное в данной книге, является прекрасной базой для составления современных туристских маршрутов по следам древних торговых караванов. Текст сопровождается иллюстрациями и подробными картами расположения находок на береговой линии Балтии и на её речных трассах.

Печатается по решению Совета Калининградского института туризма – филиала

Российской международной академии туризма

ББК 63.400

УДК 902.01

© Кулаков В.И., 2014

© Информационно-издательский
сектор КИТ филиала РМАТ, 2014

ISBN 978-591-726-072-3

Содержание

Введение.....	4
I. Историография.....	4-14
II. Древнейшие фибулы предков пруссов.....	14-21
III. «Импортные» фибулы I в. до. н.э. – II в. н.э.....	21-30
IV. Провинциально-римские пластинчатые застёжки и умбоны/фалеры.....	30-32
V. «Чудовищные» фибулы.....	32-39
VI. Фибулы с луковичными навершиями на Балтике в фазах C₁-D₁.....	39-46
VII. Фибулы с подогнутой ножкой.....	46-48
Заключение.....	48
Литература и архивные данные.....	48-61
Сокращения.....	61
Список подписей к рисункам.....	61-69
Рисунки.....	70-116
Приложение	117-131

Провинциально-римские и германские фибулы I в. до н.э. - IV в. н.э. в материальной культуре населения Янтарного берега

Введение Показатели иноэтничного влияния (предметы торгового импорта, трофеи, договорные и свадебные дарения и проч.) в любой археологической культуре Евразии – важный аспект материальной истории носителей этой культуры. Этот аспект помогает лучше датировать археологические комплексы и культурные слои, в которых он найден, позволяет охарактеризовать характер контактов с соседними племенами и дальними соседями, указывает на пути и специфику сложения племенной и дружинной аристократии, в обиходе которых скапливаются такие предметы. Их изучение – непреложная задача для исследователя, задавшегося целью собрать максимум данных и носителях определённой археологической культуры и пытающегося реконструировать этапы развития сообщества, которое составляют эти люди.

Глава I. Историография провинциально-римских и «варварских» «импортов».

Наука археология изучает следы деятельности древних жителей Земли до- и раннеисторического периодов, отложившиеся в земле в виде элементов материальной культуры. Среди их массива у «варварских» (ввиду двоякости этого термина в русском языке берём его в кавычки) племён Европы в эпоху римского влияния (I-IV вв. н.э.) важное место занимают предметы иноземного и инокультурного происхождения. Ввиду того, что зачастую не ясно, каким образом они попали в исследуемый регион (являются ли результатов обменных или торговых операций, служат брачными или договорными дарами, захвачены в бою в качестве трофея и т.д.), то эти не связанные своим происхождением с автохтонами предметы считаются импортом условно. Таким образом, термин «импорты» эвентуален и для территории, исследуемой в предлагаемой научной теме – для юго-восточной Балтии. В начале нашей эры эта территория, ограниченная устьями рек Вислы и Немана, Балтийским морем и Мазурским Поозерьем, фактически выходившая за пределы известного античным авторам *Barbaricum* (*Germania Libera*) (Суворов В.С., 2002, с. 18), была занята носителями самбийско-натангийской группы (сокращённо – СНГ) западнобалтской культуры (Кулаков В.И., 2003а, с. 21).

Природные богатства, которыми славна юго-восточная Балтия, заключаются в значительных по своему объёму залежах янтаря-сукцинита, который являлся прекрасным продуктом для межплеменного обмена во все исторические эпохи. Варшавский коллега Мариан Качиньски считал, что жители Янтарного берега торговали также кожей, мехами и невольниками (Kaczyński M., 1989, s. 159). Янтарь - природный поделочный и лечебный

(Andrée K., 1937, S. 113) материал - залегают как под слоем грунта, где янтарные слои достигают мощности до 12 м (Wielowiejski J., 1997, S. 220), так и представлен в виде подводных жил, постоянно разбиваемых волнами Балтийского моря и выбрасываемых на берег. Этот продукт поступал с Янтарного берега в Италию уже в эпоху гальштатта (Navarro J.M., 1925, p. 497-500). Как показывают анализы химического состава античных изделий из янтаря, средиземноморские страны в римское время использовали в основном балтийский янтарь (La Baume W., 1935, S. 15). Правда, его значительная часть происходила из месторождений на полуострова Ютланд, откуда вверх по течению р. Эльба/Лаба шёл путь янтарных караванов в Италию (Domański G., 1999, s. 179)..

Античные авторы упоминают эстиев, обитавших на берегах Балтии. В.С. Суворов высказал интересную догадку о том, что эстии (древнегерм. «/живущие на/ востоке») – это этникон обитателей западной части полуострова Самбия, и носившее политическое характер обозначение всего населения Балтии по имени самбийских эстиев (Суворов В.С., 2000, с. 70). О роли в торговле с Римом населявших юго-восточную Балтию эстиев прямо пишут римские историки. Плиний Старший сообщает в своей «Естественной истории»: «И поныне жив еще римский всадник, посланный туда (на янтарный берег) для приобретения янтаря Юлианом, ведавшим устройством гладиаторских игр при принцепсе Нероне. Он обошел местные торговые пункты и берега и привез такое огромное количество янтаря, что сетки, защищавшие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр» (Плиний Старший, 1937, с. 49).

Публий Корнелий Тацит описывает жизнь эстиев так: "Что касается правого побережья Свевского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык – ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов... Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью. Больше того, они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях единственные их всех собирают янтарь, ... ведь они долго лежал вместе со всем, что выбрасывает море, пока ему не дала имени страсть к роскоши. У них самих он никак не используется: собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену" (Тацит Корнелий, 1969, с. 372).

Таким образом, оба важнейших для истории Европы античной эпохи римских историка

уже в I в. н.э. отмечают устойчивые контакты эстиев с купцами Средиземноморья и даже упоминают многочисленные «торговые пункты» (*emporía*), на которых в ареале эстиев велась торговля янтарём. Такие же, очевидно, «торговые пункты» были размещены и на Главном (Великом) янтарном пути, пролежавшем по рекам Висла и Дунай (Bouzek J., 2003, fig. 1).

Впервые предмет, являющийся римским «импортом» («изготовленный из металла божок, представленный в позе Исида и найденный в некоем прусской кургане, на мраморной подставке») был упомянут в перечне антикварных предметов в конце XVIII в. (Anonim, 1783, S. 11). Впоследствии бронзовые изваяния римских воинов в шлеме было зафиксировано на могильнике (?) Bieskobnicken/Охотное (Зеленоградский р-н) (Hollack E., 1908, S. 216) и в коллекции Prussia-Museum (Nowakowski W., 2000, s. 227, рис. 4d). Не исключено то, что скульптура из Prussia-Museum может представлять бога Марса.

Первым среди специалистов на важную роль предметов иноэтничного происхождения для изучения древностей юго-восточной Балтии обратил внимание Отто Тишлер, подлинный отец прусской археологии. На материалах, добытых им при раскопках, произведённых в 1879 г. на грунтовом могильнике Dollkeim/Коврово (ныне – Зеленоградский р-н), он создал, используя типологический метод анализа, хронологическую таблицу для Средней Европы первой пол. I тысячел. н.э. (Tischler O., 1880, S. 82). По завершению I-ой Мировой войны Оскар Альмгрен, используя, как член Общества «Пруссия», возможность работать с фондами Prussia-Museum, создал при помощи указанной выше методики свою общеизвестную типологию фибул эпохи римского влияния (Almgren O., 1923), широко используя, в частности, материалы могильников Самбии. В ознаменование 100-летнего юбилея первых разработок О. Альмгрена в Кляйнмахнове (земля Бранденбург, ФРГ) была проведена международная конференция, материалы которой, посвящённые современным проблемам изучения провинциально-римских и прочих фибул, были оперативно изданы (100 Jahre Fibelformen, 1998).

XX век стал временем формирования и издания каталогов римских «импортов» в землях западных балтов. Первым таким каталогом стал перечень этих «импортов», известных на начало XX в., изданный Максом Эбертом (см. Приложение 1). Уже в предвоенное время каталог М. Эберта дал возможность представителям прусской археологической школы выдвинуть предположение о том, что янтарная торговля с Римом сделала Самбию в начале нашей эры ведущим регионом в ареале западных балтов (Engel C., 1933, S. 197).

Мощное «готское» влияние, которое реконструировалось на Самбии благодаря радикальному сходству её погребальных древностей и материалов могильников

вельбарской культуры любовидзской фазы, объяснялось Карлом Энгелем феноменом янтарной торговли. Херберт Янкун вообще считал эстиев, упоминавшихся на Янтарном берегу римскими авторами, германским народом (Jankuhn H., 1933, S. 57). Очень может быть, что древних германцев, как посредников Рима в торговле с эстиями, привлекала на Самбию перспектива участия в добыче и торговле янтарём. С обеих сторон германо-балтской границы, пролежавшей в древности по р. Passarge/Pasłęka, имеются комплексы смешанного этно-культурного происхождения (правда, относящиеся к началу эпохи Великого переселения народов - Warnikam/Первомайское, погр. 1, 4; клады в Hammersdorf/Młoteczno - Engel C., 1942, S. 160). Упомянутый автор поражался тому безбрежному потоку римских товаров (монеты, бусы, украшения, бронзовые и стеклянные сосуды), хлынувших в обмен на янтарь в ареал эстиев. В свою очередь, кроме янтаря в Южную Европу они поставляли, как считал Карл Энгель, рабов (Ibid., S. 158, 159).

В послевоенное время временные рамки этапов В-Е, выделенных О. Тишлером для интересующего нас римского периода, уточнялись рядом ведущих европейских археологов (Eggers H.J. 1951; Eggers H.J., 1955, S. 196-244; Godłowski K, 1970, p. 42-56; Lund Hansen U., 1987, S. 39). В своих работах, посвящённых древностям юго-восточной Балтики, я пользуюсь разработками Уллы Лунд Хансен (Кулаков В.И., 2003, с. 12). Каталог М. Эберта лёг в основу балтийской части другого каталога, подготовленного для всего Barbaricum Гансом-Юргеном Эггерсом, классиком германской археологии (Eggers H.-J., 1951). Итоги за полвека исследования римских импортных фибул в Барбарикум начала нашей эры подвела группа европейских авторов, опубликовав серию статей под общей рубрикой в Энциклопедии германских древностей (Fibeln und Fibeltracht, 1994, S. 411-608). Провинциально-римские фибулы и их варварские дериваты заняли в древностях юго-восточной Балтии столь прочное место, что сочетание их подтипов и вариантов позволило провести детальную периодизацию внутри фазы В для вельбарской и пшеворской культур (Ołędzki M., 2004, S. 279-290).

В современной польской историографии укрепляется мнение о том, что на фазе В₂ группы носителей вельбарских древностей продвигаются на восток по берегу Вислинского залива и оказываются в среднем течении р. Passarge/Pasłęka (Ciesliński A., 2010, S. 137).

В. Новаковски, ведущий польский специалист по древностям эстиев, разделил римские импорты в юго-восточной Балтии на следующие группы::

Группа I – фибулы типов Jezerine, A.239 – фазы А₃-В₂ (30-25 гг. до н.э. – 70-80 гг. н.э.).

Группа II – фибулы типов A.69, A.72 – фаза В₂ - начало фазы В₂/С₁.

Группа III – фибулы групп Almgren VI, VII – вторая пол. II – сер. III в. н.э.

Группа IV – фибулы типа A.190 – ок. 230 г. н.э. – сер. V в. н.э.

Если предметы групп I и II, относившиеся к раннеримскому времени, были продуктами янтарной торговли, то находки позднеримского времени из групп III и IV частично являлись данью (лат. *domatium*) властей Рима «варварским» воинским отрядам (Nowakowski W., 1985, s. 84-101). Тот же автор изучил контакты носителей пшеворской и западнобалтийской культур (Nowakowski W., 1994, 373-388). Правда, «импорты» «варварского» происхождения, которые могли поступать к жителям Янтарного берега от племён-соседей, В. Новаковски в основном считал результатом совместно проводившейся германцами и балтами янтарной торговли (Nowakowski W., 2009a, s. 64, 76), повторяя тем самым сходный по смыслу тезис представителей прусской археологической школы (Engel S., 1942, S. 179, 180). Ныне некоторые польские археологи ставят под сомнение наличие вещественных доказательств связи носителей «богачевской культуры» Западных Мазур с обитателями Самбии (Szymański P., 2009, s. 62).

Новейшим сводом римских «импортов», найденных в земле эстиев и хранящихся в музеях России, является недавно опубликованная статья автора этих строк (Кулаков В.И., 2010a, с. 281-287).

Важнейшим по своим качествам товаром, поступавшим из Средиземноморья в обмен на янтарь в ареал СНГ, были римские монеты. Информацию об их находках на территории имперской провинции Восточная Пруссия издал шведский нумизмат Стуре Болин (Bolin St., 1926). В послевоенное время сформировались две концепции использования римских монет в Балтии как средства денежного обращения (С. Табачиньски) или как депозит цветного металла (К. Маевски) (Przewoźna K., 1968, s. 77).

Опираясь на сообщение Плиния Старшего о некоем римском всаднике, посетившем Янтарный берег в эпоху Императора Нерона, Вильгельм Герте считал, что римская торговля с эстиями янтарём начинает набирать обороты с середины I в. н.э. Основным товаром, поступавшим из Средиземноморья эстиям, были предметы из состава набора украшений (нем. *Schmuckartickel*) (Gaerte W., 1929, S. 206). Правда, в современной науке утвердилась точка зрения об ослаблении со II в. н.э. интереса римских торговцев к Янтарному берегу (Okulicz J., 1973, s. 338).

Также с упомянутым Плинием римским всадников связывал оживление янтарной торговли Херберт Янкун. В предвоенное время он первым из европейских археологов обратил внимание на норико-паннонские пояса как показатель торговли эстиев с Подунавьем (Jankuhn H., 1933, S. 3-62). Продуктами этой торговли, ведшейся эстиями с Нориком и Паннонией в начале нашей эры, кроме поясов он считал «крыльчатые» фибулы (Jankuhn H., 1950, S. 56). Работы этого немецкого коллеги, выводы которого активно

поддержали польские коллеги (Okulicz J., 1976, s. 191-198; Kaczyński M., 1989, 160), ознаменовали рост в первые послевоенные годы роста интереса европейских археологов к проблеме деятельности пролежавшей в римское время по рекам Висле и Дунаю трассы янтарной торговли. Основным польским исследователем этой трассы, названной «Главный янтарный путь», является ректор Гуманитарной Академии в г. Пултуске Ежи Веловейски, воссоздавший вислинский отрезок этой трассы по отдельным находкам, связанным с янтарной торговлей (Wielowiejski E., 1970). Его перу принадлежит исчерпывающая историография этой интереснейшей исторической проблемы (Wielowiejski E., 1981, s. 129-145). Расцвет контактов эстиев по Вислинскому пути наступает во второй пол. I в. н.э. и завершается с переселением части носителей вельбарской культуры (посредников в янтарной торговле) в Поднепровье в нач. III в. (Wielowiejski J., 2000, S. 149).

Первым из русских археологов, проявивших интерес к изучению античного «импорта» в юго-восточную Балтию, был Владислав Всеволодович Кропоткин. Он собрал все доступные ему в 70-х годах XX в. предметы античного «импорта» с территории СНГ. Их список был невелик: фрагмент венчика бронзового сосуда из городища Сраам/Грачёвка (на самом деле представляет собой, скорее всего, обломок бронзового блюда типа Hansa-Schüssel XI-XIII вв.), бронзовый черпак типа Н.-J.Eggers 160 из могильника Kirpehnen/Поваровка, римская «крыльчатая» фибула из могильника Eisliethen, пластинчатая фибула из могильника Gauten/Путилово, эмалевая фибула из могильника Greibau, «крыльчатая» фибула из могильника Rodmanshöfen/Калиновка, однотипная фибула из Tilsit/Советск (Кропоткин В.В., 1970, с. 91). Анализируя клады римских монет, найденные на территории Калининградской области, В.В. Кропоткин не находит в их составе серьёзных отличий на общем фоне нумизматических контактов Рима и племён Восточной Европы, пик которого приходится на правление Императора Траяна (Кропоткин В.В., 1961, с. 35).

Тем не менее контакты западных балтов Янтарного берега и римских провинций были настолько плотными, что Ян Ясканис считает, что провинциально-римское влияние читается даже на погребальном обряде эстиев, имея в виду прежде всего рост доли трупоположений на Янтарном берегу с I в. н.э. (Jaskanis J., 1974, s. 254). Эта высокая степень иноземного влияния на обычаи обитателей Самбии и её окрестностей связана, очевидно, с ментальностью аборигенов. Они относились к пришельцам, в том числе – к торговцам, с особым вниманием и доброжелательностью. Как писал два века тому назад отец прусской исторической науки Иоганнес Фойгт: «Гость был для северных народов счастьем, ниспосланным богами...» (Vojgt J., 1827, S. 546).

Торговля с технически прогрессивными носителями античной культуры оказала серьёзное влияние на развитие материальной культуры эстиев. Людями, знакомыми с имперскими новациями в производстве, была принесена на родину традиция употребления токарного станка. Более того, изготовленные таким образом янтарные бусы, именуемые в немецкой археологии Тур Раuckenperle, могли служить на Самбии в IV-V вв. эквивалентом разменных денег (Дряхлов В.Н., 1988, с. 143).

Известный ленинградский археолог Марк Борисович Щукин в конце XX в. вернулся к тезису о римском всаднике, посетившем Янтарный берег и упомянутым Плинием. Ежи Колендо считал путешествие этого римлянина «проявлением гигантомании» в стиле Нерона (Kolendo J., 1981, s. 61). Этот всадник, носивший, судя по находке надгробия из Южной Словакии, имя Атилиий Прим, предположительно посетил Самбию до 62 г. н.э. с отрядом из воинов XV легиона и договорился с местными вождями о поставках янтаря (Щукин М.Б., 1994, с. 225). Основываясь на хронологии римских «импортов», М.Б. Щукин выдвинул предположение о том, что с середины I в. н.э. Дунайский путь за янтарём прервался, видимо, носители пшеворской культуры не пропускали в это время янтарные караваны (Щукин М.Б., 1998, с. 198). Ежи Веловейски считает, что римские «импорты» в обход пшеворского ареала поставлялись морским путём из рейнских провинций Империи в III-IV вв. н.э. (Wielowiejski J., 2000, S. 149).

В русской исторической науке к настоящему времени сложилось мнение о том, что древнейшие римские фибулы (в т.ч. – «крыльчатые»), попавшие в Балтию с торговцами янтарём, были деталями исключительно мужского костюма (Колобов А.В., <http://www.ancientrome.ru/publik/kolobov/kolob09.htm#003>). Также элементом, связанным с деятельностью мужчин-воинов, были конские оголовья с бронзовыми наносниками и цепными поводьями, распространившимися на Самбии в I-III в. и явившиеся яркими показателями янтарной торговли эстиев с населением Подунавья. Западногерманская коллега Сюзанна Вильтберс-Рост убедительно доказала кельтское происхождение этих оголовий, впоследствии ставших принадлежностью римских воинских коней (Wilbers-Rost S., 1990, S. 101). Автор этих строк десять лет тому назад выдвинул предположение о принадлежности оголовий типа Vimose неким воинам-балтам, контролировавшим северный отрезок Янтарного пути по р. Висле (Кулаков В. И., 2003а, с. 88, 89).

Проблемой янтарной торговли эстиев активно интересуются наши украинские коллеги. Судя по находкам украшений из янтаря в Крыму, торговля народов Балтии с населением Северного Причерноморья существовала уже в I в. н.э. По следам этой торговли в 30 годах III в. н.э. устремились готы-переселенцы (Левада М., 2009, с. 259).

Не так давно калининградская аспирантка нашего Института О.А. Хомякова написала

диссертацию на тему «Женский убор самбийско-натангийской культуры периода римского влияния I-IV вв. н.э. (анализ и хронология)» (2010 г.). К сожалению, в этой далеко не блестящей работе не нашлось места для анализа «импортов», входивших в состав женского убора Янтарного края. Эта интереснейшая тема была лишь мельком упомянута О.А. Хомяковой и в переработанной и опубликованной части упомянутой диссертации (Хомякова О.А., 2012, с. 259).

Другой молодой археолог П. Санников систематизировал признаки, отличающие в массе фибул *Barbaricum* продукцию провинциально-римских мастерских (Санников П.В., 2003, с. 159). Тем самым были устранены препятствия и разночтения в выборе материала для изучения «импортов» римского происхождения, поступивших в юго-восточную Балтию из римских провинций.

В. Новаковски неоднократно обращался к идее сбора и анализа римских «импортов» в юго-восточной Балтии, используя как старые публикации (Nowakowski W., 1985, s. 63-101), так и открытые в 1990 г., хранящиеся ныне в Берлине фонды Prussia-Museum (Nowakowski W., 2000, s. 207-235; Nowakowski W., 2001). Ученики В. Новаковского за последние 10 лет активно включились в обработку и публикацию архивалий, связанных с «импортами» римского времени, до 1945 г. хранившимися в Prussia-Museum (Juga A., Szymański P., 2003, S. 57-60). В результате своих многолетних работ В. Новаковски пришёл к выводу о том, что наиболее популярным среди эстиев (да и у остальных обитателей Барбарикум) были римские бусы. Они с самого начала нашей эры нашли прочное место в уборе местных женщин (Nowakowski W., 1995, s. 71). Менее заметное, но не менее важное место в античном импорте в Барбарикум занимают предметы вооружения, включая редкие в Барбарикум клинки мечей (Nowakowski W., 2007, p. 91). Несмотря на многочисленные императорские указы о запрете торговли оружием с варварами, различные детали воинского снаряжения периодически встречаются в археологических комплексах (погребения, святилища и клады) представителей различных варварских племён. Пётр Качановски считал, что оружейный импорт складывался в рамках принципов, приложимых к остальным категориям римских товаров, поступавших на север Европы (Kaczanowski P., 1992, s. 182). Правда, при этом не следует забывать о возможности обретения части (к тому же – не малой) находимого в Барбарикум римского оружия в качестве трофеев, причём – не только у римских легионов, но и у других варваров. Такова может быть судьба части конских оголовий типа Vimose, на фазе B₂/C₁ распространившихся в Барбарикум из дунайских провинций Империи и ставших материальным маркером всадников, контролировавших часть Янтарного пути (Кулаков В.И., 2003а, с. 84). Через 10 лет после моей публикации гипотезы о группе этих

всадников-эстиев к такой оценке социальной роли части элиты эстиев недавно (правда, без сноски на мой текст) присоединился К.Н. Скворцов (Скворцов К.Н., 2012, с. 45). Наши западные коллеги считают конские оголовья типа Vimose (в том числе – и на Самбии) продуктом римской торговли (Lau N., 2008, S. 33), хотя общеизвестно, что конские оголовья такой степени сложности не может являться серийным объектом торговли и должен подгоняться к лошади индивидуально.

Новейшие исследования на территории федеральной земли Саксония (Германия) установили наличие в глубине древнегерманской племенной территории следы походов римских легионов в эпоху Императора Августа. Эти походы связываются с деятельностью римского полководца Друза, вышедшего в 9 г. н.э. из стен Майнца и основавшего в долине р. Везера римский лагерь в уроч. Hünenburg. Из этого лагеря римские войска могли контролировать обширную территорию в междуречье рек Везер и Эльба (Grote K., 2006, S. 28, 29, Abb. 1) и способствовать распространению римских «импортов» в варварской среде. В это время, в эпоху правления Императора Августа к северу от Карнунтума распространению римских импортов также способствовали походы римских военных отрядов (Tejral J., 1997, p. 118). Севернее точек проникновения римских военных отрядов Вислинский янтарный путь («Главный янтарный путь» по Ежи Веловейскому) контролировали вандалы, носители пшеворской культуры (их погребения – трупосожжения с оружием – Магомедов Б., 2001, с. 42), способствовавшие в ходе Маркоманнских войн распространению провинциально-римских фибул и деталей воинского снаряжения к северу от Карнунтума (Tejral J., 1999, Abb. 41, 42). Участие в янтарной торговле выделило в среде вандалов группу аристократии, оставившей «княжеские» захоронения типа Legi Pekarskiej (Czarnecka K., 2004, s. 107-119).

В последние годы польские коллеги глубоко изучили некоторые особенно яркие комплексы вельбарской культуры, расположенные поблизости от ареала эстиев и содержащие римские импорты. Выяснилось, что для германцев дельты р. Вислы фибулы типа АП40, 41, не являвшиеся большой ценностью в римских провинциях, являлись показателем высокого социального статуса их новых варварских владельцев (Natuniewicz-Sekula M., Okulicz-Kozaryn J., 2007, s. 70). Также в Польше в последние годы начато изучение варварских импортов в юго-восточную Балтию, шедших из Причерноморья по так называемому «черноморскому пути», освоение которого было начато ещё в эпоху мезолита. Контакты по этому пути базировались в том числе на обменных операциях, связанных с янтарём и использовались при частичном переселении восточных готов, состоявшемся в нач. III в. н. (Domański G., 1999, s. 181). По черноморскому пути в I в. н.э. поступали из Причерноморья на север Европы прототипы гривен типа Navog или даже

прибыла группа греческих ювелиров, «... работавших прежде на сарматов...» (Щукин М.Б., 1999, с. 176).

Именно по упомянутому пути привозные с запада предметы поступали в Припятское Полесье и в верховья р. Днепра. С.Е. Рассадин, первым из белорусских археологов анализировавший импорт римского времени в указанных ареалах, пришёл к выводу о том, что далеко не все артефакты, являющиеся импортными, можно считать на самом деле таковыми. Большое количество дериватов провинциально-римских фибул могло быть изготовлено в варварской среде, причём – в том числе и на территории совр. Белоруссии (Rassadin S., 2000, S. 411, 412). Вадим Белавец считает, что носители вельбарской культуры были более восприимчивы к материальным новациям, «импортировавшимся» в Восточную Европу с запада, нежели чем племена лесной зоны этого макрорегиона (Beliavets V., 2009, S. 179). Эти новации могли формироваться не только в провинциально-римских мастерских, но и германскими златокузнецами, которые уже в I в. н.э. (как показывает пример с глазчатыми фибулами «прусской серии») перешли к тиражированию наиболее простых в изготовлении фибул, архетипы которых восходили к античным образцам (Санников П.В., 2003, с. 158).

Ежи Окулич, польский мэтр прусской археологии, первым обратил внимание на формирования внутренних для западнобалтского региона торговых путей, связывавших на фазе С, например, Самбию и Мазурское Поозерье (Okulicz J., 1976, s. 201). В моих работах неоднократно указывалось на присутствие продуктов межплеменной торговли на Самбии римского времени, что могло являться в ряде случаев вместе со специфическими чертами погребальной обрядности маркером присутствия на Янтарном берегу групп германского населения (Кулаков В.И., 2003а, с. 246). Их появление было обозначено наличием на самбийских могильниках, начиная с фазы В₁, большого числа вельбарских находок. Их В. Новаковский посчитал результатом «импорта», поступавшего на Самбию с Ютланда (Nowakowski W., 2008, s. 75). За «обнаружение» на Самбии групп германского населения автор этих строк был упомянут в современной литовской историографии как сторонник «германизации» самбийско-натангийской культуры (Jovaiša E., 2012, p. 305). Высказанное мною в развитие идеи М.Х. Шмидехельм (правда, она считала инициатором торговых операций «готские» поселенческие группы в устье р. Вислы - Schmiedechelm M., 1931, S. 404) положение о существовании сформировавшегося в I в. н.э. на базе торговли янтарём пути «Самбия-Вирумаа» (Кулаков В.И., 2003а, с. 128, 129, рис. 38) позднее независимо было подтверждено польскими и литовскими археологами (Banitė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., 2005, p. 105-120). Распределение на карте мест находок импортных изделий по микрорегионам западнобалтского ареала позволило начать недавно В.

Новаковски выявление локальных отрезков (точнее – ответвлений) Вислинского янтарного пути (в частности – в Мазурском Поозерье – Nowakowski W., 2009, s. 114).

Ведущей чертой предлагаемой читателю работы является не только типологизация римских и «варварских» «импортов», найденных в земле эстиев, но и выделение отрезков торговых путей через картирование выявленных типов находок – актуальная задача, стоящая ныне перед исследователями западнобалтских древностей римского времени.

Глава II. Древнейшие фибулы исторической Пруссии

Начало изучение фибул, наиболее ярких и массовых деталей материальной культуры древних обитателей Пруссии, исторического региона юго-восточной Балтии, восходит к третьей четверти XIX в. Тогда отец прусской археологии Отто Тишлер, опираясь на результаты раскопок грунтового могильника Dollkeim/Коврово (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), полученные им в 1879 г., в рамках типологического метода исследования археологических источников выделил «хронологические ряды погребений», соответствующие фазам А-Е, и легшие в основу современной хронологической схемы европейских древностей I тысячелетия н.э. (Кулаков В.И., 2004а, с. 10). Основой выделения упомянутых «хронологических рядов погребений» прежде всего стали находимые в погребальных комплексах фибулы. Материалы, хранившиеся в кон. XIX - нач. XX вв. в Музее «Пруссия», принадлежавшем во второй пол. XIX в. Обществу по изучению Древностей «Пруссия» (Кулаков В.И., 2011а, с. 5-7), способствовали возникновению типологии фибул римского времени (Almgren O., 1923), принадлежавшей перу члена этого Общества Оскара Альмгрена.

К концу XX в. археологи, изучавшие древности юго-восточной Балтии римского времени, относящиеся к самбийско-натангийской группе западнобалтской культуре (современные польские археологи по недоразумению именуют её «kultura Dollkeim-Kowrowo» – Кулаков В.И., Витязь С.П., 2007, с. 6) пришли к выводу о том, что предметы «импорта» Римской Империи (их изучением в послевоенное время занимались преимущественно польские коллеги – Wielowiejski J., 1979, s. 136-145), среди которого были представлены украшения (в том числе – фибулы), поступали в Янтарный край первоначально посредством деятельности кельтских торговцев. По пути, проходившему по р. Висле, из дунайских провинций Империи эти предметы доставлялись в обмен не только на янтарь-сырец, но и на мех, воск, возможно – рабов (Kaczyński M., 1989, s. 159).

Первые формы застёжек, известные в археологии западных балтов на территории, в античное время связываемой с племенем эстии, представлены находками латенского круга

древностей. Прежде всего к этому кругу относится случайно обнаруженная на могильнике Kruglanki, woj. warmińsko-mazurskie бронзовая застёжка, дужка которой украшена умбоном и заканчивается литой имитацией пружины. Аналогов этой находке, связанной с ареалом будущей «богачевской» культуры римского времени, в древностях западных балтов нет. По справедливому мнению В. Новаковски, в этой фибуле кон. I в. до н.э. – нач. I в. н.э. соединились кельтские и местные традиции (Nowakowski W., 2009, s. 109). В прямом отношении к кельтским древностям относится фибула из клада эпохи раннего железа из Sprindt, Черняховский р-н (Nowakowski W., 2009, s. 109, рис. 1,3). Высокая степень присутствия в Балтии кельтского «импорта» указывает на активные торговые контакты обитателей Янтарного берега с западом Европы. Действительно, в кельтских «княжеских» погребениях Среднего Рейна уже в ранне-латенское время янтарные изделия (в том числе – точёные на токарном станке бусины) широко представлены (Keller J., 1965, Taf. 32-34).

Также уникальными являются находки проволочных типов фибул, которые В. Новаковски опубликовал в своей монографии 1996 г. (Nowakowski W., 1996, Taf. 88,1, 2, 4-7). Фибула из могильника Покровское, Зеленоградского р-на (**рис. 1,2**) относится к среднелатенской схеме, к типу Амброз «расчленённые» (Амброз А.К., 1966, с. 12, 13, табл. 1,8), датируемому II-I вв. до н.э. Аналогом этой находке служит фибула из могильника Kirpehnen/Поваровка (Engel C., 1935, Taf. 142.a). Фибулы из Вершково, Клюквенное и Сальского, Зеленоградский р-н относятся к среднелатенской схеме, к типу Амброз «рамчатые, с завязкой» » (Амброз А.К., 1966, с. 19, табл. 3,5) и датируются I в. до н.э. Последняя фибула происходит из курганный насыпи с концентрическими каменными кругами (Tischler O., 1886, S. 168), созданной носителями культуры западнобалтийских курганов. Правда, не ясно, была ли эта фибула перекрыта насыпью или же она связана с впускным, более поздним комплексом.

Если эти латенские формы являлись кельтским «импортом», то следующие, более поздние по происхождению фибулы были изготовлены в мастерских раннего Рима. Имеются в виду две фибулы из Samsburg/Калининград, отнесённые к типу Амброз одночленные «воинские» фибулы с прогнутым корпусом (Амброз А.К., 1966, с. 12, 13, табл. 4,5), датируемые в Восточной Европе I-II вв. н.э. и из могильника Новая Деревня, Черняховский р-н. Последняя отнесена А.К. Амброзом к типу пружинных фибул с гладким корпусом и с завитком на конце приёмника (Амброз А.К., 1966, табл. 5,15). Эти фибулы близки к находкам, определённым О. Альмгренем соответственно как типы AI,7 и AI,20. Одну из фибул из Samsburg/Калининград (**рис. 1,6**) В. Новаковски именует их «галльским типом Nertomarus», относит их к римскому «импорту» и датирует их 20-10 гг.

до н.э.- I в. н.э. (Nowakowski W., 1996, S. 68). Примерно также датировал такие фибулы А.К. Пмброз, именую их по европейской традиции «фибулами бойев» (Амброз А.К., 1966, с. 25, табл. 3,15). Указанным временем может быть датирована и фибула типа Jezerine (рис. 1,7), обнаруженная на могильнике Новая Деревня, Черняховский р-н (Nowakowski W., 1996, S. 68). Эта фибула, как и находка в погр. 3 могильника Kruglanki, woj. warmińsko-mazurskie, близка римским фибулам типа Avcissa (Okulicz J., 1976, s. 200). Йохим Вернер полагал, что этот тип застёжек производился в Италии в последние годы Римской Республики (Werner J., 1961, S. 145). Распространение к северу от Карнунтума вверх по течению р. Морава фибул типа Avcissa в направлении бассейна р. Висла маркирует направление Великого янтарного пути в августинианскую эпоху (Tejral J., 1997, p. 118, fig. 4). Конечные пункты этого пути в нач. I в. н.э. маркируют находки фибул типа Jezerine в ареале эстиев. Их распределение показывает нестандартный путь, которым шли в Балтии носители фибул типа Jezerine: вверх по течению р. Преголи, оттуда – или в Мазурское Поозерье, или вверх по течению р. Инструч, далее – в Нижнее Понеманье, оттуда – в бассейн р. Даугавы (рис. 2). Так паннонские торговцы осваивали межплеменные трассы Балтии.

К сожалению, все эти самые первые фибулы в юго-восточной Балтии не принадлежат к числу подробно документированных находок. Нет ясности в том, найдены ли они в составе погребений аборигенов или же, что не исключено, являются частью инвентаря кельтских пришельцев. Единственные выводы, которые позволяют сделать эти находки, таковы:

1. Самые первые фибулы Балтии найдены непосредственно в западной части полуострова Самбия, на Янтарном берегу или же в Мазурском Поозерье, то есть – в регионах, известных в древности своими янтарными залежами. Это косвенно указывает на интерес производителей этих аксессуаров одежды – кельтов и римлян – к добыче и торговле янтарём. В земле Пруссии эти находки могли оказаться либо в составе инвентаря погребений этих купцов, либо – в качестве деталей уборов эстиев, получивших эти фибулы в обмен на основной продукт, которым была богата эта часть Самбии – на янтарь. При этом, несмотря на бездоказательное утверждение В. Новаковски об исключительно римском «импорте» этих застёжек (хотя, судя по распространению фибул типа Jezerine, они производились кельтскими мастерами – Nowakowski W., 1995, s. 60), нельзя исключать ни самостоятельную деятельность кельтских купцов, ни посреднические функции германцев, при посредстве которых первые фибулы могли попасть к руки эстиев.
2. Состояние материальной культуры местных обитателей раннего железного века, в чьём ареале обнаружены латенские застёжки, подготовило эстиев к процессу использования

этих деталей убора. Иными словами, фибулы, являющиеся ведущим признаком материальной культуры народов *Barbaricum* на протяжении всего I тысячелетия н.э. и даже несколько раньше, были позитивно восприняты эстиями и на долгие века стали важной деталью их убора. Важно понять, какими именно «импортами» старались обладать балты и каким из них стремились подражать их мастера-ювелиры. Ведь, как правильно заметила В.П. Буданова, «они («варвары» - К.В.) выше всего ценили свою племенную самобытность,...если и подражали кому, то только пользующимся большей славой» (Буданова В.П., 2000, с. 111).

Находки фибул указывают на то, что при формировании мужского и женского уборов эстии, как и древние германцы, в эпоху римского влияния ориентировались на античные прототипы (von Richthofen J., 1994, S. 50-59). К сожалению, обнаружение основного массива фибул в ареале эстиев в виде случайных находок или же в составе инвентаря трупосожжений не позволяет определить их место *in situ* в составе убора. Однако, надо полагать, эстии носили фибулы, как и остальные «варвары» Европы на правом плече (застёжка плаща у мужчин) или же на обоих плечах (застёжки платьев у женщин) пружиной вниз и иглой вверх. Эта единственно удобная форма ношения фибул в позднеантичную эпоху подтверждена ныне массой натурных экспериментов (von Richthofen J., 1998, S. 480, Abb. 7).

В центральной Европе ранние формы фибул группы *Almgren I* распространены в верховьях р. Эльба. Т. Грассельт считал, что начало их производства в этом ареале связано с римским «импортом» из лагерей легионов в *Hofheim*, *Vechten*, *Aislingen* и *Asciburgium* (Grasselt T., 1998, S. 30). Лангобарды бассейна р. Эльбы активно восприняли этот новый для них элемент мужского убора и активно производили (Voss H.-U., 1998a, S. 129, Abb. 3a) в своих мастерских (рис. 3) фибулы типов *AI,10-14* в первой половине-середине I в. н.э. (Grasselt T., 1998, S. 37, Abb. 1). Правда, остаётся непонятным, от лангобардов ли или же от кельтов Паннонии попали к эстиям первые фибулы группы *Almgren I*.

На фазах *A₃-B₂*, на волне так называемого словацко-датского импорта в балтские земли прибывают первые провинциально-римские фибулы. К их числу относится бронзовая фибула типа *AXI,236d*, датируемая 40-ми годами I в. н.э. (Böhme-Schönberger A., 1998, Abb. 3), случайно найденная на могильнике *Greibieten*, Зеленоградский р-н (Archiv R. Grenz) (рис. 4,1). В целом фибулы типа *A236* датируются временем «от времени правления императора Тиберия (14-37 гг. н.э.) до начала II в. н.э.» (Обломский А.М., 2010, с. 27). Аналогичная фибула (правда – с отсутствующим иглоприёмником) поступила в фонды Калининградского историко-художественного музея из остатков фондов бывш. *Prussia-Museum*, будучи обнаруженной в 1999 г. в подвалах форта № 3 внешнего обвода

укреплений Кёнигсберга (Санников П.В., Валуев А.А., 2002, с. 558, рис. 1,б). Данная фибула соответствует рисунку из картотеки Херберта Янкуна, относится к подтипу AXI,236h, происходит из погр. 67 могильника Koczek-II, woj. warmińsko-mazurskie Polski и датируется временем ок. 80-180 гг. н.э. (Nowakowski W., 2000, s. 214, рис. 1,e). Следует отметить большое количество железных имитаций таких фибул, распространённых в ареале пшеворской культуры (Godłowski K., 1994a, S. 481).

Родственные этим застёжкам фибулы типа AIV,68 встречаются в качестве случайных находок на Куршской косе (Neu-Lattenwalde ?) и на могильнике Коврово-3 (рис. 4,2,4). В ареале «богачевской» культуры также известны два такие фибулы – из погр. II могильника Kruglanki (рис. 4,3) и из погр. 44 могильника Lisy (Iwanicki P., Juga-Szyumańska A., 2007, tab. I).

Своего максимального распространения в Балтии фибулы типа AXI,236 получают в ареалах поздней фазы оксывской культуры и ранней фазы вельбарской и пшеворской культур (Andrzejowski J., 1998, s. 73), встречаясь в основном в долине р. Висла, маркируя поступление «импортов» из Подунавья по Великому (по польской терминологии – Główny = «Главный») янтарному пути (рис. 5). При этом находка двух фибул на территории Белоруссии (Rassadin S., 2000, S. 402, Abb. 2,14,15) указывает на интерес, проявлявшийся купцами, путешествовавшими по этому пути, к восточному торговому рынку. В ареалах вельбарской и пшеворской культур существует вариант фибул типа AIV,68 с гранёной головкой-держателем пружины, также происходящие из Паннонии и появляющиеся в низовьях р. Висла на фазе B_{1b}-B_{2b} (Prochowicz R., 2003, s. 333).

Характерная для раннеримского времени норико-паннонская «крылатая» фибула типа AXI,238m (рис. 6,3) представлена в погр. 4 могильника Геройское-Рошино, Зеленоградский р-н (Archiv R. Grenz). Этот комплекс, содержащий в своём составе римский «импорт», является древнейшим в ареале эстиев. Традиционно фибула типа AXI,238m датируется временем ок. 50 г. н.э., эпохой Нерона (Böhme-Schönfelder A., 1998, Abb. 4). В своё время вильнюсский коллега М. Михельбертас выдвинул интересное предположение о том, что такие фибулы изготавливались в Норике и Паннонии специально для импортирования в земли западных балтов (Michelbertas M., 1977, p. 41). Однотипная фибула в предвоенное время была обнаружена в предместьях Tilsit/Советск, известна лишь по фото из архива Prussia-Museum и датируется фазой B_{2a} (Nowakowski W., 2000, s. 214, рис. 1,g). Ганс-Юрген Эггерс упоминает также находку фибулы типа AXI,238 в Rodmannshöfen/Калиновка (Гурьевский р-н) (Eggers H.J., 1951, S. 103).

Кроме этих находок, к северу от Судетских гор известны лишь три фибулы такого типа – Nowy Dóbr, woj. chełmińskie; Naumburg, Burgenlandkreis Sachsen-Anhalt и Fröhden, Kr.

Teltow-Fläming, Brandenburg (Andrzejowski J., 2001, s. 15). Зато в южной части совр. Литвы известны находки сразу 7 подобных застёжек (**рис. 7**): Sargėnai, Kaunas, погр. 92, погр. 352; Sandrausiškė, Kaunas, кург. II, погр. 2; Vienragiai, raj. Plungė, кург. B, погр. 3; Pailgotis, raj. Šilalė; Kiaunoriai, raj. Kelmė; Adakavas, raj. Tauragė (Michelbertas M., 2001, S. 62). Этот феномен свидетельствует в пользу весьма раннего начала деятельности Неманского янтарного пути, достигшего своего расцвета в эпоху викингов (Кулаков В.И., 2012, рис. 104).

Примечателен факт отсутствия в исторической Пруссии фибул группы Almgren I. В частности, характерные для бассейнов рек Эльбы и Моравы фибулы типов AI,10-14 не представлены в материале эстиев. Это указывает на факт некоего ослабления контактов между племенами *Germania Libera* и населением юго-восточной Балтии в первой пол. I в. н.э. (Grasselt T., 1998, S. 37).

В погр. б/№ могильника Wolitnik-Fedderau/Приморское, Багратионовский р-н, в труположении с остатками бронзовых деталей головного венчика под многослойной кладкой в виде уплощённой сферы была обнаружена бронзовая фибула типа AI,27 (Nowakowski W., 1996, Taf. 97,9-11). Такие застёжки в 10-40 гг. н.э. были распространены среди германцев нижнего течения р. Эльбы (Leube A., 1998, S. 38, Abb. 1).

Первую крупную серию в раннеримском материале эстиев составляют фибулы типа AI,42, обладающие широкой ножкой и орнаментированным прорезным декором футляром для пружины (**рис. 8,1,2**). Оскар Альмгрен считал западнобалтский ареал родиной для этого типа фибул (Almgren O., 1923, S. 19). Как показывает картирование находок фибул этого типа, на самом деле восходящего генетически к материалу бассейна р. Эльба (Olędzki M., 1998., S. 80), имеется два скопления пунктов находок: дельта р. Висла, входящая в ареал вельбарской культуры и западная часть полуострова Самбия. В бассейне р. Одер расположены пункты находок таких фибул, чётко показывающих регион их генезиса – земли к западу от р. Одер – бассейн р. Эльба. Если на территории вельбарской культуры находки фибул типа AI,42 расположены в основном по берегам рек и соответствуют естественной системе расселения носителей указанной культуры, то скопление таких находок на полуострове Самбия весьма компактно и приурочено прежде всего к малопригодному для проживания водоразделу рек этого микрорегиона – к цепи холмов *Altkgebirge*. Данные холмы отделяют богатое янтарём западное побережье полуострова от его остальной площади (Andrée K., 1937, S. 37). Это нелогичное для поселенческой системы раннеримского времени расположение находок указывает на чужеродность фибул типа AI,42, на их аллохтонизм для материальной культуры эстиев. Они получили эти фибулы в виде вельбарского «импорта», причём – явно вместе с

переселенцами из ареала своих западных соседей. Как правило, самбийские женские трупоположения, включающие в состав своего инвентаря упомянутые фибулы (мужские комплексы с ними крайне редки, например – погр. Do-16 – Кулаков В.И, 2004а, рис. 19), содержат максимум предметов, чужеродных для западных балтов: золотостеклянные и «эмалевые» бусины римского производства, норико-паннонские женские пояса (не исключено – их местные имитации) (**рис. 9**). Ни один из компонентов инвентаря, встреченного с фибулами типа АП,42, не имеет прототипов в культуре западных балтов конца I тысячел. до н.э. Всё сказанное выше позволяет с известной долей осторожности предполагать факт принадлежности фибул типа АП,42 в древностях Самбии «импорту» из вельбарского ареала (Nowakowski W., 2008, s. 55), может быть - переселенцам из ареала вельбарской культуры, освоившим неудобные для проживания и потому легко полученные для освоения холмы Altkgebirge. Чуждость фибул типа АП,42 косвенно подтверждается их распределением на фазе В_{2а} (Olędzki M., 1998, S. 81) на территории юго-восточной Балтии. Оно поразительным образом уподобляется распределению более ранних фибул типа АХI,236а, заведомо являвшихся для эстиев «импортом». В. Новаковский определяет датировку фибул типа АП,42 на Самбии и в прилегающих микрорегионах («kultura Dollkeim/Kowrovo» по польской терминологии) в рамках фаз В₂/С₁-С_{1а} (Nowakowski W., 1996, S. 117), что слишком омолаживает этот материал и представляется неверным выводом. Гипотетическое переселение части восточных германцев на Самбию, принесшее сюда в составе чужеродных вещевых комплексов и фибулы типа АП,42, могло оставить след в местной топонимике. Возможно, известное в письменных источниках название части исторической Пруссии – Ульмеригия (от древнегерм. «xulmaz – «маленький остров на реке» - Namoilika A., 2001, lp. 22. 23), может относиться именно к той части Янтарного берега, которая была заселена в I в. н.э. группами восточных германцев, возможно – ульмеругов Йордана (Буданова В.П., 1999, с. 69, 233). Правда, это «переселение» фиксируется прежде всего появлением женских погребальных комплексов – свидетельством массированного захвата пленниц или же кратковременными матримониальными контактами эстиев с восточными германцами.

Сведение воедино всей доступной к настоящему времени информации о древнейших фибулах Пруссии позволяет сделать следующие выводы:

1. Уже во II-I вв. до н.э. благодаря, очевидно, янтарной торговле в юго-восточной Балтии появляются первые фибулы. Это свидетельствует не только о крепнущих связях эстиев с различными племенами, но и о готовности эстиев присоединиться к традиционной для народов Barbaricum норме использования фибул в качестве деталей мужского и женского уборов.

2. На рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. к эстиям поступают первые образцы изделий провинциально-римских мастерских. Считается, что они располагались в Паннонии и свой товар поставляли торговыми караванами по рекам Морава и Висла.
3. Первая количественно представительная серия фибул типа АП,42 принадлежит на Самбии индивидам, чей погребальный обряд (труположения) и инвентарь не имеют никаких генетических связей в материале эстиев раннего железного века и не находят никаких параллелей среди современного им материала западных балтов. Фибулы типа АП,42 предположительно принадлежат переселенцам из ареала вельбарской культуры и служат хронологическим индикатором для времени этого переселения – для фазы В_{2а}.
4. Характерные для бассейнов рек Эльбы и Моравы фибулы типов АI,10-14 не представлены в материале эстиев. Это указывает на факт отсутствия контактов между племенами *Germania Libera* и населением юго-восточной Балтии в первой пол. I в. н.э.

Глава III. «Импортные» фибулы I-II вв. н.э.

В юго-восточной Балтии, как ни странно, крайне редки находки ранних форм «глазчатых» фибул (нем. *Augenfibeln*). В ареале они представлены лишь в пяти пунктах:

Dollkeim/Коврово, погр. 27с – бронзовая фибула типа **АIII,51** (Кулаков В.И., 2004а, рис. 24).

Dolkeim-Nautzau/Коврово-3, Зеленоградский р-н, случайная находка – фибула типа **АIII,49-АIII,52** (Nowakowski W., 1996, Taf. III,5).

Trausitten/в черте г. Гурьевска, Гурьевский р-н, погр. 13 – КРМ в шкатулке из бересты с бронзовой фибулой типа **АIII,50**, с бронзовой фибулой типа **АVI,142**, с бронзовой с железной накладкой фибулой типа **АП,41**, с бронзовыми деталями паннонского поясного набора стиля *opus interrasile* (Bezzenberger A., 1904, S. 71, 72, Fig. 84a,b, 85; Jankuhn H., 1933, S. 61, Taf. III, oben) (**рис. 10**).

Schlakalken/Ярославское, Зеленоградский р-н, погр. 24а – КРМ с бронзовой фибулой типа **АIII,45**, с бронзовой фибулой типа **АХ,228** (Jaskanis J., 1977, s. 260) (**рис. 11**)

Eisliethen (Зеленоградский р-н), погр. 3 – пара фибул типов **АIII,48-АIII,50** (Kunow J., 2002, S. 95).

Такие фибулы были распространены в самом начале I в. н.э., в рамках правления Императора Октавиана Августа на рейнско-дунайском лимесе и носились, как правило, романизированными германцами и римскими провинциалами, как военными, так и цивильными мужчинами (Kunow J., 1989, S. 105, 111). О.В. Шаров считает, что такие фибулы со времени правления Императора Тиберия носили и римляне (Сорокин П.Е.,

Шаров О.В., 2008, с. 184). Продвижение этих застёжек далеко на восток показывает не только далёкие маршруты торговых караванов, уходивших от Рейна за янтарём, но и ставят под сомнение выводы некоторых английских историков, утверждавших консервативный уклад западных германцев. Питер Хизер, в частности, писал: «Если эбуроны и треверы были в конечном итоге завоёваны, начали изучать латинский, носить тогу и строить города, пользовавшиеся самоуправлением, то с херусками Арминия этого не произошло. В позднеримский период пространство между Рейном и Эльбой по-прежнему не входило в состав империи, его материальная культура не несла на себе никаких характерных примет римской цивилизации» (Хизер П., 2010, 80). Археологический материал западных германцев, в том числе – фибулы группы Almgren III, опровергает этот вывод. Контакт с Римом дал западным германцам мощнейший импульс в развитии их материальной культуры. Он отразился, в частности, в попытке подражания имперским образцам украшений и появлении в результате этого германской продукции квази-римского облика. На восточной границе Barbaricum (рис. 12) «глазчатые» фибулы стали одной из характерных деталей убора носителей вельбарской культуры в низовьях р. Висла фазы B_{1a} и явились показателем их контактов с жителями Самбии.

Результатом этого интереснейшего процесса можно считать и появление фибул типов AIII,55 и AIII,56. Войцех Новаковски выявил распространение этих форм «глазчатых» фибул исключительно на северном побережье Эстонии и связал их производство с упомянутым Тацитом племенем ситонов (Nowakowski W., 1998a, S. 121, 122). Оставим связь этих фибул с трудно локализуемым племенным ареалом на краю Ойкумены на совести варшавского коллеги. Однако важно отметить наличие фибулы типа AIII,56 в составе инвентаря погр. 4 могильника Eisliethen/Геройское-Рощино (Archiv R. Grenz) (рис. 6). Вместе с ней в комплексе присутствовала фибула типа AXI,238m, являющаяся импортом из римской провинции Паннонии ок. 50-100 гг. (см. выше). Напротив, фибула типа AIII,56, судя по выводам В. Новаковски, поступила на Самбию из далёких финно-угорских земель, лежащих на востоке Балтийской акватории, где она датируется фазой B₂ (Nowakowski W., 1998a, S. 122). Эти временем можно датировать погр. 4 Eisliethen/Геройское-Рощино, в инвентарё которого сошлись импорты как и с юга Европы, так и с её северо-востока. Кроме того, обломок «глазчатой» фибулы типа AIII,55 был случайно найден («копателем» ?) на могильнике бывш. Carben (Багратионовский р-н). В публикации он был ошибочно отнесён к типу AIII,57 (Скворцов К.Н., 2012, с. 2, рис. 2,2).

Пожалуй, самым большим количеством в составе фибул на территории СНГ представлены застёжки типов AIII,57-61. Их в нашем массиве насчитывается: AIII,57 – 1

экз., АП,58 – 4 экз., АП,60 – 4 экз., АП,61 – 18 экз. Последние, как правило, встречаются в комплексах вместе с поясными накладками, изготовленными в стиле *opus interrasile*. Так как основной массив «глазчатых» застёжек на просторах Европы располагается в основном на Самбии и в западной части Мазурского Поозерья, то в современной науке утвердилось мнение о том, что эти варианты «глазчатых» фибул появились в ареале эстиев, получив название «прусская серия». В типологии Рудольфа Ямки эти фибулы сведены в серию В (Jamka R., 1964, s. 11-18). Таким образом, очень простые в изготовлении фибулы типов АП,57-61 (корпус в виде прямоугольной раскованной бронзовой пластины с минимумом декора и простейший пружинный механизм) являются древнейшей продукцией мастеров юго-восточной Балтии, разошедшейся по Центральной Европе на фазе В_{2a} (Pfeiffer-Frohnert U., 1998, S. 130). Такие фибулы распространялись на восток от Янтарного берега, вывозимые по рекам Неману и Западной Двине в Поднепровье (Щукин М.Б., 1994б, с. 246). Правда, первичный импульс для производства на Янтарном берегу таких фибул был, скорее всего, дан западными германцами. Именно в их ареале распространены прототипы для глазчатых фибул – типы АП,51-53 (Almgren O., 1923, S. 30).

Поздним вариантом фибул «прусской» серии являются застёжки с тетивой, пропущенной под иглу, распространённые преимущественно среди вельбарского населения дельты р. Висла. Единственная находка такой фибулы в старых раскопках сделана на могильнике Imten/Карьерное (Гвардейский р-н) (Andrzejowski J., Cieślinski A., 2007, s. 283, рис. 6,f),.

На Самбии известны фибулы, родственные застёжкам типа АП,61 и близкие фибулам типа АП,62. От них самбийские находки отличаются лишь наличием рудимента шайбы в центре ножки. Эти фибулы встречены на могильниках Dollkeim/Коврово (погр. 28, 30), Kirrehnen/Поваровка (погр. VI), Lauth/Б. Исаково (погр. 211, 233), Wiekau/Хрустальное (погр. VI, 3, 52), Wolitnik/Приморское (погр. б/№). Одна такая фибула представлена в ареале «богачевской» культуры на могильнике Grunajki (погр. XII).

Фибулы типа АП,68 (тип Амброз «дуговидная шарнирная с рельефной спинкой»), считающиеся провинциально-римским импортом (Prochowicz R., 2003, s. 333), встречены в виде случайной находки на могильнике Dollkeim-Nautzau/Коврово-3 (Nowakowski W., 1995, tab. XVII,7) и на могильнике (Neu) Lattenwalde/Лесной, Куршская коса (Зеленоградский р-н) (Archiv R. Grenz) (см. выше).

Из основного массива сильно профилированных фибул в ареале эстиев известно две находки:

Moritten/Сибирское, Полесский р-н – погр. б/№: труположение с северной

ориентировкой, слева от черепа – лавролистный наконечник копья, второй наконечник копья, на груди – однолезвийный меч с остатками деревянных ножен, бронзовая фибула типа AIV,75 (трубообразная фибула вар. 5), «глазчатая» фибула прусской серии, бронзовая портупейная обоймица, кресало с петлёй для подвешивания к поясу (Jaskanis J., 1977, s. 304) (**рис. 13**).

Tropitten/Кумачёво, Гурьевский р-н - бронзовая фибула типа AIV,75, случайно найденная на территории грунтового могильника (Gaerte W., 1924, Abb. 3).

Ганс-Юрген Эггерс упоминает также в окрестностях Кёнигсберга находку фибулы типа AIV,69 (Eggers H.J., 1951, S. 102).

Их прототипами являются фибулы типа AIV,72, хорошо известные на территории СНГ на могильниках Corjeiten/Путилово (погр. V вместе с фибулой типа AII,42, 29с, 400), Dollkeim/Коврово (погр. 2, 6, 11b, случ. находка), Fürstenwalde/Поддубное (случайные находки), Gr. Ottenhagen/Берёзовка (погр. 23), Piischken (погр. 6/№ с римским кинжалом), Lehndorf (погр. C, 6/№), Warengen (Depot), Wiekau/Хрустальное (погр. XVIII) (**рис. 14**). В. Новаковски считает эти формы застёжек типа AIV,72, имеющие футляр пружины, более поздними относительно однотипных фибул вельбарской культуры, обладающие пружинами без футляра (Nowakowski W., 2008, s. 63). Соглашаясь с тем, что комплексы с этими фибулами (как и с родственными им застёжками типа AIII,42), известные на Самбии, весьма близки по обряду и по составу инвентаря вельбарским, В. Новаковски, тем не менее, самбийские погребения не относит к указанной культуре. Доводом, на котором основывается это важное заявление, является присутствие оружия в самбийских погребениях с фибулами типа AIV,72 (Nowakowski W., 2008, s. 62, 63). Правда, тут слабое знание самбийского материала подводит варшавского коллегу. В женских и в части мужских комплексов, содержащих упомянутые выше фибулы, на могильниках Corjeiten/Путилово и Dollkeim/Коврово оружие отсутствует. Эти комплексы ничем не отличаются от вельбарских погребений любовидзской фазы вельбарской культуры и оставлены на Самбии, очевидно, переселившимися с юго-запада группами восточногерманского населения. Этот тезис, в частности, в современной литовской археологии встречает критику со стороны Евгениуша Йовайши, который, напротив, считает всех носителей вельбарской культуры балтами и декларирует их продвижение в раннеримское время с Самбии в юго-западном направлении, к устью р. Висла (Jovaiša E., 2012, p. 305). Этот парадоксальный вывод вильнюсский коллега сделал на основании широкого распространения балтских гидронимов (к сожалению, плохо датированных) и весьма близкого сходства вельбарского и самбийского погребальных инвентарей раннеримского времени.

Тереза Домбровска считает такие фибулы продуктом производства восточногерманских мастеров фазы B_{1b} – B_{2b} и отмечает их встречаемость практически исключительно в ареале пшеворской культуры (Dąbrowska T., 1998, S. 149, 150). Эти фибулы именуются трубообразными потому, что их ножка, пересечённая не только наборными (как у застёжек типа Prussia-Museum - Санников П.В., Валуев А.А., 2002, с. 558, рис. 1,а), но и имитирующими их литыми дисками, имеет воронкообразное расширение у держателя пружины (**рис. 13**). Указанные расширения из наборных (вырезанных из бронзовых пластин и насаженных на ножку) или литых дисков имитируют рудиментарное утолщение на ножке фибул группы Almgren I, оставшееся от узла, крепившего здесь в I в. до н.э. подогнутый иглоприёмник (**рис. 15, 1-4**). Наборные диски, аккуратно штампованные из прокованного бронзового листа, помещались в центре разъёмной на две части ножки и могли шевелиться или даже легонько позванивать при ношении. С течением времени это рудиментарное утолщение на ножках провинциально-римских фибул исчезает (**рис. 15, 5-8**). Расположение пунктов находок фибул типа AIV,75 в низовьях р. Висла (**рис. 16**) подтверждает выводы Т. Домбровски. При этом самая северная находка расположена в бассейне р. Дейма, уже в ареале эстиев и находится в погребении воина Moritten/Сибирское. (**рис. 13**). Такая принадлежность фибулы типа AIV,75 признана Т. Домбровски весьма редкой для гомогенной для неё пшеворской культуры (Dąbrowska T., 1998, S. 151). К сожалению, вторая находка фибулы типа AIV,75, сделанная вне пшеворского ареала, уже – на Самбии (Tropitten/Кумачёво, Гурьевский р-н) лишена комплекса. Однако в любом случае распространение этой сугубо пшеворской формы фибулы в ареал эстиев должно свидетельствовать о стремлении части восточных германцев к проникновению в зону расселения своих северных соседей. Возможно, это проникновение не следует считать переселением (хотя набор инвентаря погребения в Moritten/Сибирском не характерен для эстиев), а свидетельствует о намерении германцев упрочить торговые отношения с обладателями янтарных месторождений.

Поздние сильно профилированные фибулы сведены в тип AIV,84, характеризующийся превращением дисков, крепившихся на застёжках группы II в центральной части ножки, в слабо заметный литой выступ в виде парных дисков. Эти фибулы первоначально изготавливались в римской провинции Паннонии на Среднем Дунае, где в начале I тысячелетия н.э. среди местных германцев было ещё сильно кельтское влияние (Bouzek J., 2003, p. 163) и «импортировались» по Великому янтарному пути, вниз по течению р. Висла в ареалы пшеворской и вельбарской культур на фазах B₂ и B₂/C₁ (Dąbrowska T., 1992, s. 105, 106). Самыми северо-восточными находками этих фибул в Европе является застёжка типа AIV,84 на могильнике Gaffken/Парусное (Зеленоградский р-н). На врезке к

карте распространения этих фибул показана застёжка из собрания Prussia-Museum, хранящаяся в фондах Калининградского историко-художественного музея и, возможно, происходящая из могильника Gaffken/Парусное (**рис. 17**).

Известные в юго-восточной Балтии римского времени перекладчатые фибулы (нем. die Dreisproßenfibeln, для западных балтов характерен тип AV, 98) имеют широкое распространение исключительно на западной окраине балтского мира и специально в нашей работе не рассматриваются. Восходя к фибулам типов AIV,77 и AIV,88, перекладчатые фибулы формируются в западнобалтской среде на фазе B₂/C₁ и на фазе C₁ подразделяются на два массива – группы Michelbertas 1-3 и группы 1 и 2 «мазурских фибул» (Kulakov V., 2005, p. 23, fig. 41). Характерные для литовской территории фибулы имеют прямоугольную в плане ножку и на ней два небольших расширения. «Мазурские фибулы», напротив, обладают сильно профилированной ножкой с коническим навершием. Перекладчатые фибулы «импортируются» западными балтами в северо-восточном направлении, маркируя большой торговый путь Самбия-Вирумаа (см. ниже), связывавший многие племена, населявшие Балтию в римское время. Позднейшие находки этих фибул датируются на территории Финляндии фазой C₂ (Шаров О., 2006а, с. 193). Несколько ранее такими же маркерами торговли с финно-уграми, как перекладчатые фибулы, стали для обитателей юго-восточной Балтии глазчатые фибулы (Schmiedehelm M., 1931, S. 396, Abb. 2).

Томас Хауптманн справедливо связывает первичный импульс в производстве перекладчатых фибул с восточногерманским населением, обитавшим в низовьях р. Висла на любовидзской фазе развития вельбарской культуры (Hauptmann T., 1998, S. 161). Однако, размещая ряд находок (серия 1, **рис. 18**) таких фибул на Самбии и в её округе, германский коллега делает ошибку. В большинстве своём эти конкретные находки относятся к типу AIV,88 (**рис. 19, 20**), являясь фактически переходным звеном между прототипами перекладчатых фибул и застёжками серии 1. Лишь в погр. 39 могильника бывш. Tengen встречена классическая перекладчатая фибула серии 1 (**рис. 21**). Её позднюю относительно фибул типа AIV,88 хронологию подчёркивают остатки пояса, сделанного в стиле opus interrasile, явно вторичного относительно пояса из погр. «2107» могильника Kirpehnen/Поваровка.

Мнение Т. Хауптманна о германском происхождении прототипов перекладчатых фибул балтов поддерживает ленинградский коллега Олег Шаров, причём – с возможностью «переселения части германского населения» в Балтию. Правда, на Самбии он отмечает «маленькие фибулы Альмгрен 94-96» (Шаров О.В., 2006б, с. 44), которые там среди находок на могильниках весьма редки. В частности, следует отметить находку фибулы

типа AV,96 в погр. Do-84 (Кулаков В.И., 2004а, рис. 44). Эта фибула появилась на Самбии в качестве «импорта» из западной части Балтийской акватории (Almgren O., 1926, S. 63-65), возможно – через носителей вельбарской культуры в качестве «посредников».

Связующим звеном между фибулами типа AIV,72, хорошо известными на Самбии, и застёжками, характерными для поздних фаз восточногерманских древностей Балтии являются фибулы типа AV,111 с характерной только для них ритоннообразной ножкой (рис. 22). Они представлены преимущественно на могильнике Dollkeim/Коврово (погр. 14а, 15, 17, 27а, 34).

К финальной фазе развития фибул группы Almgren V относятся застёжки типа AV,117, характерные плоским Т-образным корпусом, покрытым серебряной плакировкой с псевдо-жемчужным орнаментом. Находка такой фибулы была сделана в предвоенное время в погр. 78 могильника Gr. Ottenhagen/Берёзовка (La Baume W., 1939, Abb. 2).

Характерными для древностей вельбарской и пшеворской культур являются фибулы, обозначенные О. Альмгренем как серия 8 группы V (Almgren O., 1923, Taf. V, типы AV,120-AV,131) и, частично, группы AVI. Познанский коллега Генрик Махаевски разделил этот массив находок на 9 форм с различной датировкой (в рамках II – нач. III вв. н.э.) и с различными ареалами распространения (Machajewski H., 1998, Abb. 2). Ряд фибул, представляющих некоторые упомянутые формы, был обнаружен в ареале эстиев:

Фибулы формы 1 (типы AV,110, AV,111), созданная по влиянием норико-паннонского искусства на фазе B₂ (Machajewski H., 1998, S. 188), встречены в погр. б/№ могильника Kl.Fließ/Изобильное (Полесский р-н) (Кулаков В.И., 2003а, рис. 18), в погр. 7 могильника Siemonen/Сиреневка (Черняховский р-н) (Grunert W., 1935, S. 29, 30, Abb. 40, 41, 44а), в «кург.» 1 могильника Schlakalken-IV/Ярославское-IV (Зеленоградский р-н) (Jankuhn H., 1939, Taf. I, II).

Фибула формы 2 (тип AVI,123), характерная на фазах B_{2b}-B_{2c} для территории среднего бассейна р. Висла, находившейся под пшеворским влиянием, встречена в погр. 29 могильника Schlakalken-IV/Ярославское-IV (Зеленоградский р-н) (Archiv Jankuhn H.).

Фибула формы 3а (тип AVI,124 с узкой ножкой), прототип этих фибул (тип AII,40) характерен исключительно для Скандинавии (Machajewski H., 1998, S. 189), встречена в ареале «богачевской» культуры в погр. VII могильника Grunajki (Tischler O., Kemke H., 1902, Taf. III,3; V,345).

Фибула формы 3b (тип AVI,123 с широкой ножкой), характерная для различных районов Barbaricum, представлена в погр. 119 могильника Gross Ottenhagen/Берёзовка, Гвардейский р-н с ожерельем из стеклянных провинциально-римских бусин (Czilińska-Drapella A., 2009-2010, tabl. 6).

Родственными застёжкам формы 3 являются фибулы типа A VI,126 (Karpenfibeln – нем. «шапкообразные фибулы»), характерные для вельбарской культуры её любовидзской фазы. Распространение этих фибул, изготавливавшихся или из серебра, или покрывавшихся серебром по бронзовой основе, на южных берегах Балтии на фазах B_{2c} и B₂/C₁ показывает прямую связь носителей вельбарской культуры с древнегерманским миром, отражая, например, выдачу отдельных «гото-гепидских» женщин замуж в родственные племенные коллективы. Пара бронзовых фибул типа A VI,125, известных в женском погр. 119 могильника Gr. Ottenhagen/Берёзовка (Гвардейский р-н) (**рис. 23**) (Ibsen T., Skvorzov K.N., 2004, Abb. 16,4,5), и бронзовая, покрытая серебром фибула из погр. (?) «1047» могильника Kirpehnen/Поваровка (Зеленоградский р-н) (**рис. 24**) (Кулаков В.И., 1998а, с. 45) обозначают северо-восточную границу распространения этих деталей германского (Almgren O., 1926, S. 60) женского убора (**рис. 25**).

Фибула формы 4 характерна, как правило, сильно профилированной ножкой и имеет распространение в вельбарском ареале. Входящие в эту группу и родственные указанным выше застёжкам фибулы типа A, VI,128 известны в погр. 2 могильника Lauth/Б. Исаково (Гурьевский р-н) (Skvorzov K., 2007, Taf. 2,1,2).

Фибула формы 8 (тип A V,129, относимый К. Годловским ко времени не ранее 170 г. н.э., к границе между ранне- и позднеримским временем – Godłowski K., 1994b, S. 118), имеющая прямоугольное отверстие в ножке и характерная для западной зоны ареала пшеворской культуры, встреченная как в дунайско-тисском междуречье (Machajewski H., 1998, S. 189), так и на Самбии, в погр. 34 могильника Wiekau/Хрустальное (Зеленоградский р-н) вместе с фибулой формы 9а (близкой типу Karpenfibeln) и с провинциально-римской эмалевой фибулой (Кулаков В.И., 2003а, рис. 23). Такое долготное распространение фибул формы 8 характеризует их как показатель деятельности Янтарного пути по р. Висла на фазе B₂/C₁ (Tejral J., 2003, S. 257, Abb. 12). Находка такой фибулы на могильнике Marvelė (окрестности Каунаса, Литва) (Michelbertas M., 2008, S. 133-137) свидетельствует об интересе купцов и к торговым пунктам в низовьях р. Неман.

Фибулы формы 9а (тип A VI,130) украшены декором «барочных» видов, встречаются, как правило, попарно в женских погребальных комплексах, характерны для вельбарской культуры (Machajewski H., 1998, S. 190) фазы B₂/C₁ и распространены исключительно в дельте р. Вислы, а также в прилежащих микрорегионах (**рис. 26**). Эти фибулы встречены в подъёмном материале на могильнике Grebieten, Зеленоградский р-н (Archiv R. Grenz), в погр. 275 могильника Алейка-3 (Skvortsov K., 2009, fig. 14.1), в комплексе dépôt cineraire могильника Kirpehnen/Поваровка (Зеленоградский р-н) (**рис. 27**) (Raddatz C., 1992/1993, Abb. 16) и в упомянутом выше погр. 34 могильника Wiekau/Хрустальное. Учитывая

принадлежность фибул типа AVI,130 женскому вельбарскому убору, их представленность в комплексах Янтарного берега может быть связана с присутствием там восточногерманских женщин, выданных замуж в соседствующую с вельбарским ареалом западнобалтскую среду.

В целом фибулы форм 1-9, несмотря на свои миниатюрные размеры (дл. ок. 5 см) встречены как в женских, так и в мужских погребальных комплексах. Встречаемость этих форм фибул в ареале СНГ свидетельствует о том, что контакты эстиев с германоязычными носителями вельбарской культуры, начатые в I в. н.э., не прерывались и в эпоху Маркоманнских войн.

Являющиеся дериватами этих застёжек фибулы типа AVI,133 (фактически – пластинчатые и упрощённые копии застёжек типа AVI,130) в ареале эстиев известны в погр. V могильника Kirpehnen/Поваровска (Зеленоградский р-н) (Jaskanis J., 1977, s. 314), в погр. 61 могильника Gr. Ottenhagen/Берёзовка (Ibsen T., Skvorzov K.N., 2004, Abb. 18,2) и на могильнике Imten/Карьерное (Гвардейский р-н) (случайная находка) (Kopienkatalog des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, Mainz). Родственная этим находкам железная фибула происходит из погр. 6 могильника Lauth/Б. Исаково (Skvorzov K.N., 2007, Taf. 6,3), характерная для пшеворских древностей фазы B₂/C₁ (Godłowski K., 1977, s. 119). Данные фибулы, преимущественно относящиеся к женским комплексам «богачевской» культуры в западной части Мазурского Поозерья (**рис. 28**), крайне редки в мужских комплексах СНГ (**рис. 29**) и датируются самым концом фазы B₂ – фазой B₂/C₁ (Nowakowski W., 1998b, S. 198). На Самбии мне известны лишь две такие находки. Я. Анджейовски и А. Цешлински указывают ещё два пункта находок, правда – не именуя их (Andrzejowski J., Cieślinski A., 2007, s. 292, рис. 13). Раса Баните-Ровелл и Анна Битнер-Врублевска датируют их использование обитавшими на Мазурах носителями «богачевской» культуры несколько более ранним временем – фазой B_{2b} и началом фазы B₂/C₁. Упомянутые исследовательницы показывают распространение этих застёжек и их дериватов (шарнирные фибулы с трапециевидной ножкой) в Центральной Литве, в Латвии и Эстонии, что трактуется как показатель контактов западных балтов и финно-угров Балтии по пути Самбия-Вирумаа (Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., 2005, p. 114, 115, 117, fig. 8). Литовская и польская коллеги не знали о том, что «выявленный» ими вектор межплеменных общений, направленный по рекам Балтии, был уже давно опубликован ранее автором этих строк (Kulakov V., 2000, fig. 1). То, что этот путь лежал от Мазурского Поозерья и от Самбии, прямо указывает на основной продукт межплеменных обменов – янтарь. Фибулы (в данном случае – тип AIII,133) служили маркерами этой торговли.

Фибулы типа AVI,133 повлияли на мастеров эстиев при создании ими фибул типа

AVI,137, которые являются локальной, «восточнопрусской» версией коленчатых фибул (Nowakowski W., 1998b, S. 199). 14 годами позже этот же тезис в виде догадки, правда, без сноски на своего варшавского учителя высказал К. Скворцов (Скворцов К.Н, 2012, с. 4). Застёжки типа AVI,137 вторыми после артефактов типа АШ,61 являются продуктом деятельности самбийских мастеров фаз В₂/С₁ и С₁ и, не являясь «импортами», не рассматриваются в данной работе. На Самбии и в её ближайшей округе такие фибулы были найдены на 14 могильниках, на небольшом участке в западной части Мазурского Поозерья – на 9 могильниках (Cieśliński A., 2000, рис. 5). Вслед за К. Годловским О.А. Хомякова считает фибулы типов AVI,133 и AVI,137 типичными для древностей эстиев фаз В₂/С₁ и С₁ (Хомякова О.А., 2012, с. 256). Также продуктом фантазии мастеров-ювелиров юго-восточной Балтии являются фибулы с высоким иглоприёмником и с головкой быка. Они близки фибулам группы Almgrn V и характерны преимущественно для ареала «богачевской культуры» (Andrzejowski J., Cieśliński A., 2007, s. 292, рис. 18).

Глава IV. Римские пластинчатые фибулы и умбоны/фалеры

Показателями прямых контактов населения Янтарного края с имперскими провинциями являются пластинчатые фибулы, находимые в погребальных комплексах СНГ. К ним в первую очередь относятся круглые фибулы с четырьмя миндалевидными прорезями. Благодаря им в центре застёжки образуется ажурный крест. Согласно типологии К. Экснера, эта фибула относится к типу III.24 (Exner K., 1941, Taf. 13,5). Пластинчатая фибула с эмалями из погр. 24 могильника Wiekau/Хрустальное относилась к типу Exner III.26 (Кулаков В.И., 2003а, рис. 23). А.К. Амброзом такие застёжки были отнесены к типу «дужковые шарнирные фибулы» и датированы II-III вв. г.э. (Амброз А.К., 1966, с. 29, табл. 14,10). В погр. 30 могильника Dollkeim/Коврово внешняя поверхность бронзовой фибулы подверглась серебрению (**рис. 30**). В погр. X могильника Kirrehnen/Поваровка такая фибула сохранила бронзовую внешнюю поверхность (Czilińska-Drapella A., 2009-2010, tabl. 38). В обоих случаях римские фибулы сопровождаются в комплексах паннонскими поясами, накладки которых выполнены в стиле *opus interrasilе*. По фибулам типа АШ,62 Агнета Чилиньска-Драпелла датирует комплексы с такими поясами и, соответственно, римские фибулы, с ними встреченные, фазой В₂ (Czilińska-Drapella A., 2009-2010, s. 10). В погр. III могильника Kirrehnen/Поваровка и в погр. 6/№ могильника Lehndorf обнаружены римские фибулы с прямоугольным корпусом. Они имеют или эмалевые вставки (**рис. 31**), или частично покрыты серебряной фольгой (**рис. 32**).

В. Новаковски обнаружил в картотеке Марты Хансовны Шмидехельм информацию о

римской бронзовой умбоновидной фибуле с шестью выступами по окружности, обнаруженной в погр. “Pb” (?) могильника Grebieten (Зеленоградский р-н) Тот же комплекс дублируется в Архиве Рудольфа Гренца (Schleswig). Инвентарь данного трупосожжения составляли: пара гребенчатых «мазурских» фибул, коленчатая фибула типа AVI,137, восемь бронзовых ведёрковидных подвесок, поясной набор в составе железных пряжки и 15 прямоугольных накладок, стеклянные и янтарные бусины. Умбоновидная фибула отнесена к типу Exner 25b и датирована кон. I – II вв. н.э. (Nowakowski N., 2000, s. 127, рис. 2d). Несмотря на отсутствие рисунка, находку такой же фибулы, правда - украшенной эмалевыми вставками, следует отметить в погр. 156 могильника Greibau, (Зеленоградский р-н). Здесь была обнаружена урновая кремация с бронзовым кольцом с завязанными концами, с фибулой типа Tutula (тип AX,222) со следами красной эмали, с монетой Императора Адриана (117-138 гг. н.э.), с арбалетовидной фибулой типа AIX,211, с косой, копьем, точилом (Tischler O., Kemke H., 1902, S. 14).

Редкой для Barbaricum является находка, сделанная в пруду у имения Bregden/Вавилово (Багратионовский р-н) и поступившая в частную коллекцию. Эта находка является римской фибулой типа AX,232 (**рис. 33**) и имеет форму свастики с головами коней на концах мачт. Датировка этой фибулы не ясна. Дериваты таких фибул в виде геометрической свастики известны в ареале лангобардов в IV-V вв. н.э. (Reinerth H., 1936, Taf. 350,7,7).

Умбоновидные и круглые пластинчатые зстёжки (лат. Falerae) – особый разряд предметов материальной культуры римских имперских провинций. Как известно по римским письменным источникам и по изображениям легионеров (рельефные надгробия), сходные по форме и по декору (самый простейший – концентрические окружности) предметы служили с эпохи ранней Империи как украшениями конской сбруи, так и воинскими наградами (Кулаков В.И., 1995, с. 36). Ниже приводится перечень погребальных комплексов СНГ с фалерами:

Dollkeim/Коврово (Зеленоградский р-н), погр. 4 – ИНГ с двумя фибулами типа **АП,42**, фибулой типа **АП,61**, с фибулой типа **АП,62**, с обломком фалеры (Кулаков В.И., 2004а, с. 14).

Dollkeim/Коврово, погр. 30 – ИНГ с фибулой типа **АП,57**, с фибулой-фалерой, с паннонским поясом в стиле opus interrasile, с провинциально-римской круглой пластинчатой фибулой (Czilińska-Drapella A., 2009-2010, tabl. 23).

Corjeiten/Путилово (Зеленоградский р-н), погр. 2 – ИНГ (?) с фибулой типа **АП,58**, с фибулой-фалерой, с обломками двух круглых накладок от пояса типа balteus (Кулаков

В.И., 2011б, рис. 19) (**рис. 34**).

Kunterstrauch/Клинцовка-Кунтерштраух (Зеленоградский р-н), погр. IV – ИНГ в деревянном «саркофаге» с римскими мозаичными бусинами (Кулаков В.И., Казаченко Ж.Ю., 2008, с. 95).

Единственной находкой пластинчатой фибулы (правда, не круглой, а овальной формы) в юго-восточной Балтии в предримскую эпоху была сделана в одном из курганов раннего железного века на север Самбии, у Sct. Lorenz/Сальское (Зеленоградский р-н) (Gaerte W., 1929, Abb. 105,d).

Считается, что находки фибул-фалер являются следами пребывания на Самбии римского воинского отряда во времена Императора Нерона (Koulakov V., 2000, p. 33). Позднейшие комплексы с умбонами из Corjeiten/Путилово Kunterstrauch/Клинцовка-Кунтерштраух можно датировать по фибуле из погр. 2 Corjeiten/Путилово фазой В_{1b} (Кулаков В.И., 2011б, с. 28). Если умбоны из этих комплексов, обладающие астральной орнаментикой, являются продукцией местных мастеров, то умбоны из могильника Dollkeim/Коврово являются, возможно, аутентичными римскими «импортами» и послужили позднее образцами для изготовления мастерами-эстиями упомянутых выше умбоновидных застёжек с астральным декором. Следует отметить, что данный тип украшений не вызвал интереса у обитателей Янтарного берега и на фазе С уже отсутствует.

Глава V. Фибулы отдела “чудовищные”¹

Двучленные фибулы с высоким иглоприёмником составляют особый отдел в массиве украшений ряда древнегерманских племён эпохи римского влияния. Часть этого отдела составляет серия серебряных застёжек крупных размеров (**рис. 35**) с накладными декоративными дисками. Из-за своих крупных параметров и чрезмерного декора в русской и западноевропейской литературе эти застёжки известны как «чудовищные фибулы» (лат. “Fibulae monstruosae”). Различные формы этих деталей убора характерны преимущественно для населения Центральной и Северной Европы фазы С. К востоку от р. Вислы, на границе известной римлянам «земли варваров» (Barbaricum Solum, Germania Libera) с территорией, определённой античным географом Клавдием Птолемеем как «Европейская Сарматия» (Щукин М.Б., 2005, с. 59, 60), находки застёжек указанного отдела отмечались в малом количестве. Их находки на юге Восточной Европы, были

¹ Одежные положения главы опубликованы в: Кулаков В.И., Фибулы серии “чудовищные” в Восточной Балтии // РА, 2009, № 3, с. 94-105.

изучены Анатолием Константиновичем Амброзом, поддержавшим выдвинутую для таких фибул датировку Г.-Ю. Эггерса – со II в. н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 72-74).

Родоначальник изучения провинциально-римских и «варварских» фибул Северной Европы Оскар Альмгрен нашёл фибулам серии Monströse (далее – М) место в Группе AVII «Двучленные фибулы с высоким иглоприёмником» (Almgren O., 1923, Taf. IX). Наиболее яркой чертой фибул М является устройство на спинке, ножке и над пружиной фибулы сугубо декоративных умбоновидных или дисковидных («коробчатых») накладок, весьма ненадёжно крепившихся к корпусу фибулы на тонких шплинтах. Роскошный вид застёжке такой сложной конструкции придавала дополнительно золотая фольга, покрывавшая указанные накладки. Такая специфика фибул М сделала очевидным их церемониальное значение, так как упомянутая весьма хрупкая конструкция к ежедневному или даже к относительно частому употреблению абсолютно не пригодна.

С фибулами серии Monströse генетически связаны застёжки типа AIX, 211, в старых прусских раскопках известные на 14 могильниках – Nowakowski W., 1996, S. 159). Эти детали женского убора роднит S-образно изогнутая ножка, отлитая зачастую в виде уплощённого дрота и высокий пластинчатый иглоприёмник трапецевидной формы. Фибулы типа AIX, 211 характерны для пшеворских и вельбарских древностей фаз B₂/C₁ – C₁ (Woląciiewicz R., 1981, tab. XXIII). Можно с уверенностью предположить факт заимствования кольцевой гарнитуры, характерной для фибул типа AIX, 211 и для их «гепидов» низовий р. Висла. Как правильно показал в своё время М.Б. Щукин, кольцевая гарнитура (названная ленинградским коллегой «филигранным стилем») распространилась среди этого восточногерманского населения уже на фазах B_{2c}-B₂/C₁ (Щукин М.Б., 2005, с. 85). Чуть позже, на фазе C₁ этот стиль распространяется в ареале СНГ (Кулаков В.И., 2005, с. 42). В польском Поморье в незначительном количестве известны фибулы типа AIX, 212, появившиеся здесь из Скандинавии (Kaczmarek M., 1995, s. 254), но отсутствующие на Самбии и в её округе.

К фибулам М по О. Альмгрену относятся: тип AVII,216 «с S-видной спинкой длиной ок. 3 см и иглоприёмником длиной более 3 см», тип AVII,217 – имеет очертания и параметры, сходные с артефактами типа AVII,216, при этом внешнее тонкое ребро пластинчатого паяного иглоприёмника прикрывается накладкой в виде удлинённого овала, тип AVII,220 «с S-видной спинкой длиной ок. 2,5 см», тип AVII,221 - очертания и параметры, сходные с артефактами типов AVII,216 и AVII,217, при этом накладка на внешнее ребро иглоприёмника имеет две дополнительные округлые накладки (**рис. 35**, AVII,216 и AVII,217).

Недавно Мажена Пшибыла предложила следующую версию классификации фибул М:

Группа 1 (25 экз.) – фибулы с центральным декоративным диском, окружённым двумя рядами полос серебряной зерни. Находки группы 1 распространены преимущественно в северной части полуострова Ютланд.

Группа 2 (5 экз.) – фибулы с коническими выступами («лучами») вокруг нижней пластины корпуса застёжки. Указанные выступы украшены псевдозернью. Находки группы 2 представлены в северной части полуострова Ютланд.

Группа 3 – фибулы Г-образной формы, украшены четырьмя розетками. Вариант А (17 экз.) – торец пластинчатого иглоприёмника перекрыт Т-образно припаянной пластиной с серебряной плакировкой. Вариант В (12 экз.) имеет спинку S-видной формы. Находки обоих вариантов группы 3 распространены на о. Зеланд.

Группа 4 – фибулы, восходящие к прототипу AIX,196. Вариант А (10 экз.) – фибулы с декоративным диском в месте соединения спинки фибулы с держателем пружины (восточная часть о. Зеланд). Вариант В – фибулы с накладкой, припаянной на торец пластинчатого иглоприёмника (восточная часть о. Зеланд). Вариант С – фибулы с накладкой на верхнюю часть ножки, снабжённую стеклянной вставкой (о. Зеланд).

Группа 5 – фибулы типу AIX,219 с накладкой на верхнюю часть ножки, снабжённую стеклянной вставкой (о. Борнхольм, Западное Поморье).

Группа 6 (18 экз.) – фибулы с пальцеобразными «лучами», отходящими в стороны от нижней пластины корпуса фибулы. К этим фибулам относятся как находки из могильников на берегу Вислинского (Калининградского) залива, связанных, по мнению автора, с вельбарской культурой (Lund Hansen U., Przybyła M.J., 2010, S. 265), и находки из северо-западной части черняховского ареала. На некоторых фибулах группы 6 на иглоприёмниках встречены изображения мужской бородатой головы.

Группа 7 (3 экз.) – фибулы с «пальчатыми «лучами» и с S-образно изогнутым корпусом, встречены в бассейне р. Днестр.

На современном этапе исследования фибулы М групп 1-7 датируются в пределах фаз C_{1b}-C₂. При этом зеландские фибулы группы 3 считаются прототипами для ютландской и «среднебалтийской» зон распространения фибул М (Lund Hansen U., Przybyła M.J., 2010, S. 271).

Считается, что из Балтии и от низовий р. Вислы застёжки М вместе с мигрирующими группами «гото-гепидов» попадают в Поднестровье, где эти находки известны на раннем этапе существования черняховской культуры как «импорт» из Балтии (Godłowski K., 1994с, S. 485). Необычность вида застёжек М давно привела современных исследователей к выводу о сакральном смысле этих предметов, считающихся важной деталью древнегерманского женского церемониального убора (Levada M., 2000, р. 463). Вместе с

железными гребнями фибулы М для середины III –начала IV вв. н.э. в Восточной Европе считаются подтверждением « ...прямых и непосредственных контактов носителей черняховской культуры с выходцами из Дании; из Ютланда, с островов Зеланд и Фюне» (Щукин М.Б., 2005, с. 147).

Приведённые выше соображения о сакральной значимости фибул М привели Мажену Пшибылу к выводу об их принадлежности к свадебному убору германоязычных носительниц традиций группы Dębczyno (Западное Поморье и о. Борнхольм), выданных замуж в чуждые для них германские сообщества на о. Зеланд и в ареале черняховской культуры (Przybyła M.J., 2011, S. 343, Abb. 24).

Марк Борисович Щукин в одной из своих последних книг упомянул о наличии в Балтии лишь двух находок фибул Monströse (Щукин М.Б., 2005, с. 147). На самом деле в Балтии, как показывают результаты сбора информации в дельте р. Вислы, в исторической Пруссии и на правом берегу р. Немана, наличествуют 7 находок фибул Monströse группы Almgren VII (**рис. 36**). Пункты этих находок находятся в основном вне северо-восточной границы вельбарской культуры, обозначенной большинством исследователей по р. Пасленке (бывш. Passarge-Fluß). В приводимом ниже перечне номера находок фибул М представлены как продолжение нумерации Иоахима Вернера, чья карта (Werner J., 1988, Abb.5) послужила основой для размещения находок фибул Monströse на восточных рубежах Barbaricum.

Перечень

фибул Monströse, найденных в Балтии

7. бывш. Гребитен, Зеленоградский р-н Калининградской обл.(ehem. Grebieten, Kr. Samland), погр. G(Nord)-177 - серебряная, покрытая серебряной фольгой фибула типа AVII,217 (**рис. 37,2**) (Bujack J., 1888, S. 176-180, Taf. V,1a,1b).
8. Веклице (Weklice, stan. 7, woj. Warminsko-Mazurskie), погр. 150 – пара серебряных позолоченных фибул, близких типу AVII,217 (**рис. 38,1**). Накладки на иглоприёмники имеют басменные изображения мужских голов, окружённых псевдо-жемчужным декором. Комплекс датируется фазой C_{1b} и началом фазы C₂ (Okulicz-Kozaryn J., 1992, s. 143).
9. Любешеве (Lubieszewo, stan. 2, woj. Warminsko-Mazurskie), погр. 10 - пара серебряных, частично покрытых золотой фольгой фибул типа AVII,217 (**рис. 39,7,8**). Инвентарь погр. 10 Lubieszewo позволяют датировать его финальной стадией фазы C₂. (Jonakowski M., 2001, s. 186, 187).

Фибулы М из погр. 10 Lubieszewo имеют, как и находки из Weklice, изображения мужских голов на продолговатых щитках, прикрывающих торцы иглоприёмников.

10. Малое Исаково, Гурьевский р-н (ehem. Lauth, Kr. Samland) – серебряная фибула

небольших размеров с позолоченными деталями, обнаруженная в одном из погребений римского времени в 2000 г.

11. Ушаково, Гурьевский р-н (ehem. Brandenburg, Kr. Heiligenbeil) – серебряная фибула с позолоченными деталями, обнаруженная на грунтовом могильнике типа AVII,217 (**рис. 37,1,а-с**). Она была найдена в начале XXI в. «копателями» при выемке погребения вместе (?) с прекрасно сохранившейся римской золотой монетой, превращённой в древности в подвеску (**рис. 37,1,AV**) и с остатком лепной урны с горизонтальными глиняными налёпами. Благодаря своему незнанию русской литературы по археологии эстиев, ни М. Пшибыла, ни К.Н. Скворцов (Скворцов К.Н., 2012), в своих публикациях затронувшие вопрос об этой фибуле, её первую публикацию (Кулаков В.И., 2009, с. 97, рис. 3,1) не упомянули.

12. Литва (Lietuva, Kariomuzejaus Vitauto Didžiojo, Kaunas) – бронзовая фибула типа AVII,221 (**рис. 6,1**), с остатками серебряной фольги от нижней «шайбы» (верхняя «шайба» сохранилась) на овальной накладке на торец иглоприёмника, найденная на территории Литвы без точного указания пункта и условий находки. Эта фибула считается М.М. Михельбертасом «импортом» из Скандинавии, поступившим в Балтию на рубеже фаз C_{1b}-C₂ (третья четверть III в. н.э.) (Michelbertas M., 2000, S. 65, Abb. 2).

13. Polwitten/Polowity, woj. Warmińsko-Mazurskie – серебряная фибула типа AVII,221 (**рис. 6,2**), частично покрытая золотой фольгой, обнаруженная в погр. б/№ (труположение ?) непосредственно перед началом II Мировой войны и поэтому так и не пущенная в широкий научный оборот (Gaerte W., 1937, Abb. 5).

14. Grunajken/Grunajki, woj. Warmińsko-Mazurskie, погр. D – серебряная фибула типа AVII,221 (**рис. 6,3**) (Stadie K., 1919, S. 411, 412, Abb. 184).

Все упомянутые в перечне фибулы относятся к группе Przybyła 6. В типологию польской коллеги не вошли более поздние фибулы типа Matthes B (с полукруглыми пластинами) и Matthes C (с прямоугольными пластинами), восходящие типологически к фибулам групп 1-6.

Авторы новейшей типологии черняховских застёжек группы AVII фибулы М (группа Przybyła 7) с цилиндрическими выступами именуют «борнхольмским» вариантом (явно случайно, по единичной находке Slusegaard-600) и указывают на близость таких артефактов фибуле из бывш. Гребитен (Каталог, № 7) (Гороховский Е.Л., Гопкало О.В. 2004, с. 124).

Специфический признак восточнопоморских и прусских находок фибул типа AVII,217 – накладка в виде вытянутого овала, закрывающая (при помощи пайки) внешний торец пластинчатого иглоприёмника (**рис. 37,2,1**). По периметру накладки и по её вертикальной

оси при помощи покрытого псевдозернью тиснёного орнамента на серебряной фольге проведены линии по всей длине накладки. На фибулах, происходящих с Эльблонгской возвышенности, линия по вертикальной оси венчается на накладке изображением мужской головы без шеи, с причёской в виде вертикально зачёсанных на лоб прядей волос (рис. 38,2). Эти изображения поразительно напоминают кельтские символы конца I тысячелетия до н.э. принесённых в жертву мужских голов.

Указанная схема орнамента на вытянутых накладках фибул М находит аналогии в массиве арбалетовидных застёжек из погребальных древностей самбийско-натангийской культуры (рис. 41,2; рис. 42).

Прототипы фибул типа AIV,71-AIV,75 в виде застёжек типа Prussia-Museum (см. выше) попали на фазе В_{1b} на Янтарный берег из римского Подунавья с торговыми караванами, а отсюда при помощи тесных племенных контактов распространились на Ютланде. При этом традиция фибул типов AIV,71-AIV,75 развивалась и на юго-восточном, и на западных участках побережья Балтики, приведя к появлению застёжек типа Prussia-Museum (Санников П.В., Валуев А.А., 2002, с. 590, 592). На Янтарный берег образцы этих застёжек как прототипы для фибул Monströse, могли попасть в начале позднеримского времени с переселением групп германцев с Ютланда в ходе Маркоманнских войн и после них (конец II – нач. III вв. н.э.) (Кулаков В.И., 2003а, с. 88).

Плотное скопление находок фибул М на балтийском побережье между устьями рек Вислы и Немана, связь этих артефактов с иными фибулами местных германцев (тип Å3) позволяют поставить под сомнение вывод Казимежа Годловского о распространении в Barbaricum застёжек М (их прародиной именовался п-ов Ютланд) из Поднепровья (Godłowski K., 1994с, S. 485). Напротив, ряд находок целых комплексов (преимущественно – женских) западнобалтского происхождения в Днепровском и Днестровском ареалах черняховской культуры позволил М.Б. Щукину сделать вполне справедливый вывод о существовании в III-IV вв.н.э. «моста» обоюдных контактов между Циркумбалтийским (от Норвегии до Янтарного края) и Черноморским регионами (Ščukin M., 2000, p. 357).

Наличие в Причерноморье более поздних, нежели в Балтии, вариантов фибул М заставляет принять гипотезу о северном импульсе распространения данного сакрального для германцев артефакта. После выхода в свет моей статьи о фибулах М эту гипотезу независимо от моего мнения поддержала М. Пшибыла (см. выше).

Действительно, Самбия и дельта р. Вислы, основные зоны распространения фибул М в Балтии, были важнейшими участками сакрального пути, связывавшего восточно-германские ареалы в Поднепровье и Поднепрровье с островными культовыми центрами на

западе балтийской акватории. Как железные гребни, предметы с руническими знаками старшего футарка, фибулы Monströse являлись материальными показателями участия древних германцев (прежде всего – женщин) в культовых ритуалах (Kulakov V., 2001, S. 51, Abb. 5). Тем самым объяснимо скопление фибул М в местах жертвоприношений на островах Фюне и Зеланд, наличие на некоторых фибулах культовых по своему характеру изображений, представленность фибул М в составе женского церемониального убора (Weklice-150). Если культовые церемонии в германских общинах Причерноморья производились по образу церемоний на севере, то и инвентарь для этих актов также производился на юге по северным (в том числе – самбийским) образцам. Таким образом, С.А. Хомякова ошибалась, говоря о фибулах М, найденные на Самбии, что они «...вероятно, являются импортом» (Хомякова С.А., 2010, с. 138).

Впечатляющее скопление фибул М на памятниках археологии узкого отрезка балтийского побережья между совр. городами Гданьск и Зеленоградск, особая специфика местных фибул М (круглые «шайбы» с тремя и четырьмя цилиндрическими выступами, особая форма декора накладки на торец иглоприёмника) имеют явно неслучайный характер, связанный с существованием локальной группы фибул М. Складывается гипотеза о местном происхождении фибул М, изготовлявшихся местными германскими мастерами по образцам, поступившим с о. Зеланд и в позднеримское время распространившихся отсюда вместе с группами местных германцев на запад к общегерманским сакральным центрам, на юго-восток к зерновым житницам Причерноморья и к манящему возможностью скорого обогащения лимесу Восточной Римской Империи. К настоящему времени в европейской археологии, не обладающей комплектной информацией и находках фибул Monströse из ареала эстиев, сформировалось мнение о родине фибул группы в Южной Балтии (Польское Поморье), в северо-западной зоне распространения вельбарской культуры (Przybyła M.J., 2011, s. 335). К восточногерманскому населению дельты р. Висла, как показывают разнообразные находки деталей свадебного убора в виде фибул М группы Przybyła 6, «стягивались» со скандинавских островов и из Сконии невесты, осуществляя матримониальную «миграцию» (Przybyła M.J., 2011, Abb. 22). На самом деле, скорее всего, напротив, фибулы М из Самбии и её окрестностей различными путями (в том числе – в виде жертвоприношений и посредством брачных контактов) оказывались на островах Балтики).

Таким образом, часть будущей исторической Пруссии в эпоху Готских войн могла стать ареалом распространения одного из важнейших материальных показателей традиционного древнегерманского культа – женских «чудовищных» фибул. Это прямо указывает на существование в западной части полуострова Самбия группы (возможно –

количественно незначительной) германского населения, переместившегося некогда с запада.

Косвенный вывод, следующий из краткого анализа фибул М из Восточного Поморья и Балтии, заключается в том, что, несмотря на сложившееся мнение о «балтийско-готской границе» по р. Пассарге/Пасленке, германцы расселялись и к северо-востоку от неё. Балты в римское время не составляли в Янтарном крае подавляющего большинства в составе населения. Напротив, здесь присутствовали значительные группы германцев (что доказано по целому ряду признаков материала самбийско-натангийской культуры – Кулаков В.И., 2003а, с. 88, 286). Их древности, инкорпорировавшие нередко и элементы западнобалтского происхождения (германцы и балты могли существовать чересполосно, как в более позднее время финно-угры и славяне в Восточной Европе), именуемые ныне самбийско-натангийской культурой, включали материальные показатели традиционного германского культа. Среди них не последнее место занимали фибулы Monströse. Вряд ли вслед за М. Пшибылой следует считать их элементом свадебного убора. Скорее всего фибулы М были частью церемониального убора германских женщин, связанных с отправлением культа.

Глава VI. Фибулы с „кнопками“ в Балтии на фазах C₁-D₁²

Одной из характерных черт, определяющих особенности материальной культуры народов Балтии второй четверти I тысячелетия н.э., является традиция ношения фибул с тремя «кнопками». Принципиальным признаком этих фибул с тремя «кнопками» в Barbaricum позднеримского времени и начального этапа Великого переселения народов (фазы C₂/D₁-D₁) является форма «кнопок» в виде маленьких луковиц. В ареале эстиев к востоку от дельты р. Вислы изредка встречаются находки арбалетовидных фибул с грушеобразными «кнопками». Оба варианта фибул с тремя «кнопками» различных форм восходят к провинциально-римским фибулам с «луковичными» навершиями (Zwiebelknopffibeln, далее – фибулы ZK), в IV в. н.э. являвшимися знаком социального статуса римского legionera (Voß H.-U., 1998b, S. 272). При этом очевидно одной из наиболее ранних «варварских» реплик этих застёжек является арбалетовидная фибула из Nidam, тип AVII,163, встречаемая в северо-германских древностях на фазе C₃ (ок. 300/310-350/375 гг. по – Ethelberg P., 1992, Fig. 4). Для выяснения особенностей распространения фибул с тремя «кнопками» и их дериватов в Barbaricum необходимо рассмотреть этапы сложения

² Основные положения главы опубликованы в: Кулаков В.И., 2006. с. 66-79.

провинциально-римского типа фибул ZK.

Один из определяющих архетип фибул ZK признаков – прогиб С-видной дужки фибулы в её верхней части. Впервые в массиве провинциально-римских застёжек он реализуется на пружинных фибулах AI,22. Их вариант - AI,22a – отличается присутствием на концах стержня пружины и на крючке, крепящем верхнюю тетиву (нем. obere Sehne), вполне функциональных полусферических «кнопок»-фиксаторов (**рис. 43**, типы A22, A22a). По двум указанным признакам фибулы AI,22a являются самым ранним примером застёжек с тремя «кнопками». Данные артефакты были распространены на северной окраине Империи в низовьях рек Рейн и Маас на фазах A-B_{1a} = 15/10 гг. до н.э. – 20/25 гг. н.э. (Völling T., 1998, S. 47, 48). Следующие этапы развития фибул с «кнопками» к западу от имперского лимеса обозначают застёжки типов AVIII,185 и AVIII,187. Первая из них – пружинная, вторая (как и более поздние варианты фибул) – шарнирная (**рис. 43**, A185, A187). На позднейшем варианте пружинной фибулы (конец II в. н.э. = фаза B₂/C₁) её ножка украшается локальными боковыми вертикальными фасками.

Фазой C_{1a} датируются образцы восточной версии ранних фибул с тремя «кнопками» - застёжки группы AVII, относимые в рамках украинской археологии к неслуховской серии. Эти упрощённые формы провинциально-римских фибул, снабжённых центральной «кнопкой» для фиксации верхней тетивы, на ранней фазе черняховской культуры могли изготавливаться в мастерской, расположенной в верховьях р. Днестра (Гороховский Е.Л., Гопкало О.В., 2004, с. 125). Не исключено то, что именно фибулы упомянутой выше неслуховской серии стали прототипами для позднейших черняховских и вельбарских фибул с тремя «кнопками».

Особо роскошные фибулы ZK обнаружены в Подунавье, оказавшись там со своими хозяевами в результате трагических событий Маркоманнских войн. Шарнирные фибулы типа AVIII,187 уже являлись вполне сложившимися застёжками ZK, части убора legionera (Voß H.-U., 1994, S. 516). Думается, именно этот социальный аспект фибул ZK стал для «варварских» мастеров, точнее – для их заказчиков из состава германских воинов, решающим аргументом в выборе фибул ZK как престижного образца для копирования.

Даже специфическая для провинциально-римских мастеров эргономика формы фибул ZKF – шайбовидный или стержневой упор для большого пальца правой руки при застёгивании фибула (**рис. 43**, AI,22a, AVIII,187) - была переосмыслена германцами как прямоугольная площадка на ножке у литого иглоприёмника арбалетовидной фибулы (**рис. 43**, AVIII,186) или как проволоочный блок у более поздней (фаза C₃=C₂/D₁) подвязной фибулы вида Nydam. Однако Оскар Альмгрен предполагал возникновение ранних форм

фибул ZK именно под влиянием германских подвязных фибул (Almgren O., 1923, S. 85). В послевоенное время этот тезис был отвергнут рядом исследователей (Амброз А.К., 1966, с. 74). Подвязные «варварские» фибулы, как было показано выше, безусловно вторичны относительно провинциально-римских фибул ZK.

Следующая ступень их развития – фибулы типов AVIII,190 и AVIII,191 (рис. 43). Первый из этих типов отнесён Ф.М. Прёттель к типу 1 собственно фибул ZK (IV в. н.э.) (Pröttel Ph. M., 1991, S. 348-351). А.К. Амброз относит такие застёжки (тип Амброз 13,6) к концу III – началу IV вв. (Амброз А.К., 1966, с. 74). Эти фибулы отличаются тремя крупными «кнопками», похожими не на луковицы, а, скорее, на бутоны цветов. Если фибулы типа AVIII,190 лишены декоративных излишеств и принадлежали, скорее всего, рядовым римским воинам и младшим командирам легионов (в пределах центурии ?), то фибулы типа AVIII,191 поражают роскошью своего оформления и были аксессуарами убора командования римскими воинскими подразделениями. Площадка для упора большого пальца на них оформлена в виде листа аканфа, а большинство деталей застёжки украшено резным или чернёным растительным орнаментом. Им же декорированы и впервые появившиеся у «кнопок» продольные грани. Шарнирный принцип застёжки игл этих фибул включает проволоочный стопор, расположенный в нижней части иглоприёмника и не позволяющий игле выходить из него без необходимости. Изгиб спинки фибулы из полукруглого превращается в дугообразный. В различных местах корпуса фибул в её восковой форме имитируются элементы кольцевого декора застёжек RG (типы AVI,167, Å3). Таким образом, на основе этого признака застёжки типа AVIII,191 можно синхронизировать с фибулами, украшенными кольцевой гарнитурой.

На следующей версии провинциально-римских фибул ZK (нач. V в. н.э.), представленной на знаменитом диптихоне с изображением военачальника Стилихона (рис. 44), детали декоративных картушей выходят за границы ножки. Примитивные подобию картушей – многочисленные боковые фаски – характерны для бронзовых фибул ZK второй трети IV в. в черняховском и вельбарском ареалах, значительно реже – в юго-восточной Балтии.

Грани на «кнопках» представлены на некоторых бронзовых фибулах типа AVIII,190 середины IV в. н.э. из центральной части Великого Янтарного пути (территория Чехии), в дунайских провинций Империи и на роскошных фибулах ZK эпохи гуннских войн (фаза D₂). Таким образом, частично эти фибулы выходят за хронологические рамки нашего исследования. Однако на этом развитие фибул с луковидными навершиями не завершается. В конце V – начале VI вв. «кнопки» с гранями превращаются на фибулах типа Jerusalem (рис. 45,1) в маковидные навершия (Schulze-Dörrlamm M., 2000, Abb. 5,3).

Сходные навершия присутствуют на «звериноголовых» арбалетовидных фибулах западных балтов (**рис. 45,2-5**), испытавших влияние традиций видивариев (Кулаков В.И., 2011б, с. 52).

Таким образом, между эпохами Августа и Теодориха позднеантичные мастера как в центре, так и на окраинах Империи изготавливали фибулы ZK, с течением времени являвшиеся атрибутом сначала рядовых легионеров, затем – высших чинов римской армии, а в итоге ставшие принадлежностью убора «варварской» аристократии (например – короля франков Хильдерика).

Иначе складывалась ситуация с удовлетворением престижных амбиций германских вождей IV в. н.э. Было невероятно сложно для «варварской» знати заполучить фибулы ZK именно римской работы. На фоне массового фибульного материала их элитные образцы (как, например, в погребении 2/1917 Leuna – Voß H.-U., 1998b, Abb. 8,4) выглядят в *Barbaricum* редкими исключениями. Как правило, снedaемые желанием выглядеть как римский военачальник или, по меньшей мере, как центурион или ветеран легионов, германские воины с начала IV в. н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 75) заказывали своим мастерам пружинные (фактически – арбалетовидные) реплики провинциально-римских фибул ZK уже примерно с 300 г. Германские подражания V-VI вв. с левосторонним расположением прорези для застёжки в иглоприёмнике слева отличаются от римских и ранневизантийских фибул, которые использовали прорезь, расположенную в правой стороне иглоприёмника, расположенного своим торцом вверх.

Эти реплики сохраняют основные признаки своих прототипов, провинциально-римских фибул типа AVIII,190 – шестиугольный в сечении стержень-держатель иглы, сфероидные «кнопки», по две фаски с боков ножки. Правда, эти признаки актуальны лишь для застёжек-дериватов из ареалов черняховской и вельбарской культур фазы D₁ (**рис. 46,4-7**). Их связь с более ранними фибулами несвижской серии подчёркивается наличием у тех и других спинок треугольного сечения.

Однако серьёзным импульсом для становления фибул ZK в Восточной Европе было знакомство германских обитателей этих ареалов с римскими фибулами ZK. Оно, очевидно, стало возможным после заключения Императором Констанцием союза с ними в 330 г. (Щукин М.Б., 1999, с. 94). Восточные готы стали федератами Империи и, казалось бы, теперь по праву могли носить застёжки легионеров. Специфичной чертой черняховских и вельбарских реплик фибул ZK является полукруглый щиток, от которого отходит центральная «кнопка». Возможно, генезис этих фибул связан с провинциально-римскими застёжками ZK типа Keller 1 (конец III – начало IV вв.), где центральная «кнопка» заменена овальным щитком (тип известного в античном искусстве

декоративного «щита амазонок») (Schulze-Dörrlamm M., 2000, S. 601, Abb. 2).

Германские племена фризов, хавков, саксов и бургундов, в IV в. разными по численности группами занимавшие территорию в нижнем течении р. Эльба (у южной оконечности полуострова Ютланд, ныне – земля Mecklenburg-Vorpommern), и алеманны в среднем течении р. Рейн, создали свою версию реплик фибул ZK. Они, как и упомянутые восточно-готские изделия, копируют фибулы ZK типов A,VIII,190 и A,VIII,191, но характеризуются гранёными, многоугольными «кнопками» (рис. 46, 1-3). Так западно-германские мастера пытались передать специфику гранёных «кнопок» роскошных римских изделий.

В юго-восточной Балтии, в позднеримское время ещё не вышедшей из круга германских древностей, известны единичные находки не только фибул ZK, но даже их предшественниц типа AI,22 (рис. 47,1,2). Однако несмотря на близость и тесные контакты с вельбарским ареалом цецельской фазы, ожидавшихся было в Янтарном крае находок дериватов фибул ZK с гладкой поверхностью «кнопок» не много (рис. 47,4,5). Интересно, что оба варианта дериватов застёжек в погребении Se-24 (могильник Люблино) совпадают (рис. 47,4). Не исключён факт влияния традиции изготовления «кнопок» с гранями на детали позднейших арбалетовидных «звериноголовых» фибул с маковидными «кнопками» (рис. 45,2,4,5).

Гладкие и гранёные «кнопки» совпадают и в погр. L-25 (Б.Исаково, Гурьевский р-н Калининградской обл.), раскопанным К.Н. Скворцовым (Кулаков В.И., 2006, рис. 5). Фибула ZK из L-25 (рис. 48,7) имеет узкую, дугообразно выгнутую спинку (как и фибулы из Wa-42 и из Se-24 – рис. 47,3,4), делающую её наследницей традиций застёжек типа Laugiasum, характерных для черняховских древностей фазы C_{3b}(C₂/D₁) (Tejral J., 1986, S. 236, Abb. 6). Этот вывод позволяет и фибулу из L-25, и весь этот комплекс датировать фазами C_{3b}(C₂/D₁)-D₁ (ок. 360-400 гг. н.э.).

Этим же временем датируется и фибула из погр. H-59k³, также обладающая узкой и дугообразно выгнутой спинкой (рис. 49,1). Хотя третья, центральная «кнопка» на этой фибуле отсутствует, все её остальные признаки (пропилы-фаски на ножке, гранёные «кнопки» по краям держателя пружины) свидетельствуют о прямом родстве этой застёжки с западногерманскими фибулами-дериватами фибул ZK типов A,VIII,190 и A,VIII,191.

Упомянутые комплексы из юго-восточной Балтии рубежа между позднеримским временем и началом эпохи Великого переселения народов свидетельствуют о том, что

³ Рисунок этого комплекса, случайно обнаруженного на могильнике Гора Великанов (Зеленоградский р-н), предоставлен К.Н. Скворцовым. Эти находки находятся в частной коллекции (г. Калининград).

германцы, обитавшие в Янтарном крае, как и их западные сородичи, активно копировали детали и конструктивные принципы римских фибул ZK конца IV в. Эта дата – *terminus post quem* для появления в исторической Пруссии застёжек с гранёными «кнопками». Их специфическим отличием является зигзагообразное расположение граней на шайбовидной «кнопке», подвергшихся после отливки обработке неким абразивным инструментом типа надфиль. Такой фасетный орнамент характерен для провинциально-римских мастеров эпохи гуннских войн (Kazanski M., 2011, p. 91). Примечательно использование таким же образом декорированных шайб на концах стержня пружины у ранних типов фибул со звездчатой ножкой (тип *Sternfußfibeln*). Данное наблюдение указывает на элемент синхронизации двух типов «варварских» фибул, что важно для их датировки. Застёжки со звездчатой ножкой, отнесённые А. Битнер-Врублевской к типу V, ранее были отнесены автором этих строк к рубежу этапов D₂/D₃ (Кулаков В.И., 1998б, с. 104, 105). Датировка гранёных «кнопок»-шайб на фибулах-дериватах застёжек ZK фазой D₁ позволяет предполагать сложение звёздчатых фибул с такими «кнопками» уже в это время. Как уже отмечалось ранее, фибулы типа *Sternfußfibeln* формируются в микрорегионе Хайллибо (позднейшие прусские земли Натангия и Вармия) и на Самбии под непосредственным влиянием западных германцев. Действительно, по Г.-У. Фосс предшественники этих фибул – застёжки с гранёными «кнопками» типов *Leitkirch* и *Leipferdingen* – распространены на фазе D₁ на севере исторической Саксонии (Voß H.-U., 1998b, Abb. 7). Чуть восточнее на фазе C₃ (ок. 300-350 гг. н.э.) бытовал тип фибул со щитовидными площадками на конце ножки и в центре дуги (тип *Matthes C*) (Voß H.-U., 1998a, S. 149, Abb. 12), также являющихся прототипом для звёздчатых фибул Пруссии. Эти фибулы являются одним из материальных показателей деятельности представителей различных германских племён, обозначенных Йорданом этниконом *Vidivarii* (готск. «люди Видьи» - Кулаков В.И., 2004б, с. 39, 46), образовавших в гуннское время некое «варварское королевство» в низовьях Вислы с центром в микрорегионе Хайллибо. По Вульфстану (IX в.) территория, условно совпадающая со значительной частью ареала распространения древностей видивариев, именуется *Witland*. Скорее всего, это и есть сохранившееся в народной памяти до IX в. название «королевства» Видьи, приобретшего в прусских сказаниях имя «Видевут». Ранее мною уже выдвигалось предположение об англосаксонских корнях этно-культурной группы видивариев, катализировавшей сложение прусской культуры (Кулаков В.И., 1998б, с. 109). Ряд признаков фибул-дериватов ZK, как было показано выше, действительно связан с ареалом расселения саксов (или их непосредственных предшественников – восточных фризов) на заре эпохи Великого переселения народов. Правда, появление этих признаков на вещевом материале

могильников Янтарного края соответствует фазе D₂. Таким образом, или признаки материальной культуры аллохтонов-видивариев формируются в юго-восточной Балтии ещё в конце IV в., задолго до возвращения ветеранов гуннских войн, считавшихся основой для сложения общности видивариев, или эта общность формируется ещё в эпоху Радагайса и уже из дельты Вислы и Самбии отправляется на юг участвовать в разграблении Империи под знамёнами Аттилы. Второй вариант генезиса видивариев кажется более логичным, ибо объясняет, почему в эпоху пост-Недао они не разошлись по землям своих предков, а остались в Хайллибо, на клочке земли Балтии, ставшей им второй родиной ещё за полвека до кровавой зари Каталаунских полей и страшного заката Недао.

Как уже упоминалось выше, после союза, заключённого с германцами Императором Констанцием в 330 г., восточные готы стали выполнять функцию воинов-федератами Империи и по праву могли детали убора легионеров. Среди них – не только «варварские» реплики фибул ZK, но и пряжки от портупей для меча типа *balteus* (рис. 50, слева), имеющих форму Φ . Заметна стандартизация, которой отвечают пряжки, найденные на датских островах и в Западной Литве (рис. 50,1-3). У. Лунд Хансен и вслед за ней молодой литовский археолог Л. Тамулинас предполагают в качестве центра распространения таких пряжек на фазах C_{1b}-C₂ Южную Скандинавию (прежде всего – Торсберг и Иллеруп) (Tamulinas L., 2005, 4 pav.). В этих пунктах, являвшихся озёрными (позднее – болотными) святилищами общегерманского характера, концентрировались культовые подношения из множества германских племенных регионов, в том числе – из Балтии (Kulakov V., 2001, S. 51). Эти пряжки являются результатом развития римских пряжек раннеримского времени (фаза B₁), известных в составе поясов легионеров типа *cinquulum* в древностях Самбии (Koulakov V., 2000, p. 33). Дальнейшая форма развития данных артефактов – «варварские» подражания римским Φ -видны пряжкам – представлены в германских древностях бассейна р. Эльба, нынешнего Мекленбурга и в вельбарском ареале на фазе C₂ в виде пряжек типа M-L E2 (Madyda-Legutko R., 1986, S. 38). В 2000 г. подобная бронзовая пряжка (рис. 50 ,4) была обнаружена в форту № 3 на северной окраине г. Калининграда в числе прочих экспонатов из залов Prussia-Museum. К сожалению, место находки данной пряжки не известно.

Таким образом, получены косвенные археологические подтверждения участия обитателей юго-восточной Балтии в боевых (военное противостояние и трофеи) или административных (служба в легионах, представительский обмен подарками с римскими воинами) контактах с римскими легионами на закате Империи. Об этом свидетельствуют находки (пусть и немногочисленные) «варварских» реплик социально определимых как воинские фибул ZK и Φ -видных пряжек.

Глава VII. Подвязные фибулы

В отличие от фибул Monströse, являвшихся престижной деталью женского костюма, одночленные подвязные, часто – железные фибулы типа AVII,158 являлись очевидно, рядовой деталью женского и мужского убора. Их находки (во всяком случае – опубликованные) в ареале СНГ крайне малочисленны. Возможно, этот феномен связан с крайней примитивностью этих субтильных фибул и, соответственно, их плохой сохранностью в погребальных комплексах. Примером таких застёжек может служить женская (?) фибула из погр. 12 могильника Lauth/Б. Исаково (Skvorzov K., 2007, Taf. 15,9). Как известно, древнейшие подвязные фибулы появляются на фазе C_{1a} в Тюрингии, несколько позднее – на Ютланде. Для Балтии первоначальным ареалом в указанное время распространения одночленных фибул (в том числе – с «верхней» тетивой) является северная часть пшеворского ареала (Кулаков В.И., 2005, с. 39). Уже отсюда прототипы одночастных подвязных фибул попадают в Янтарный край. Такой же вывод справедлив и для более сложных фибул типов AVII,161, 162. К сожалению, примитивность их конструкции не позволяет выявить в массиве подвязных фибул исторической Пруссии «импортные» экземпляры.

Также малочисленны в интересующей нас части юго-восточной Балтии двучленные прогнутые подвязные фибулы с фасетированными зонами на ножке. Как уже отмечалось выше, фасетки на различных деталях «варварского» убора и снаряжения IV в. являлись признаком знакомств их мастеров с приёмами римского ювелирного производства. По европейской типологии такие застёжки относятся к типу AVIII,172/173, имеющему подвязную ножку, и к типу AVIII,178, имеющему литой иглоприёмник. А.К. Амброз свёл указанные фибулы с подвязной ножкой в варианты 2 и 3 серии подгруппы 2 группы 16 фибул с подогнутым иглоприёмником (Амброз А.К., 1966, с. 60, 61). Согласно Е.Л. Гороховскому, эти фибулы, тесно связанные с деятельностью местных мастеров на территории распространения черняховской культуры, при ширине своей спинки до 5 мм датируются временем ок. 270 г., с течением времени они вытеснялись фибулами с шириной спинки более 5 мм и так – по вторую пол. IV в. (Гороховский Е.Л., 1988, с. 56). Фибулы с фасетированным корпусом для второй-третьей четвертей IV в. н.э. являются устойчивым маркером направлений контактов черняховских племён к северо-западу, северу и к северо-востоку от Среднего Поднепровья (Гавритухин И.О., Воронцов А.И., 2008, с. 35). Вектор их распространения в единой древнегерманской этно-культурной среде на северо-западе, пересекая ареал вельбарской культуры (Niezabitowska B., 2007, s.

644), доходит до датских островов, на северо-востоке затрагивает полуостров Самбию (**рис. 49**). Как считает И.О. Гавритухин, «...носителями этого феномена были не мигрировавшие группы людей, а отдельные представители группировок, сохранявших контакты в форме матримониальных связей, миграций идей, мастеров и т.п.» (Гавритухин И.О., 2010, с. 32).

Фибулы с фасетированными зонами на корпусе редки в ареале эстиев. В погр. До-370, в составе комплекса В зафиксирована бронзовая фибула, сохранившая по краям дужки фасетки и в её центре – прорезной косой крест (**рис. 50**, 370-15). По черняховским аналогиям эта фибула датирована временем не позднее нач. V в. Ранее было выдвинуто предположение о том, что её хозяин мог получить данную деталь убора, участвуя в гуннских войнах где-нибудь в Паннонии (Кулаков В.И., 2003б, с. 71). Вторая фибула с фасетками относится к погр. 27 могильника Lauth/Б. Исаково (Гурьевский р-н). Мною (известно, что данный текст был написан с моим прямым участием, но, тем не менее, в нарушении всех норм научной этики опубликован под единственной фамилией Скворцова – Кулаков В.И., 2010б, с. 187) было отмечено, что данная фибула, имевшая фасетки только по краю ножки, является переходной формой между застёжками вар. Амброз 3 и фибулами типа Wiedbaden, датируясь при этом 400-450 гг. (Skvorzov K.N., 2007, S. 129). Таким образом ясно, что фибула из погр. 27 могильника Lauth/Б. Исаково не является «импортом» из черняховского ареала, а представляет собой местное подражание таким застёжкам. Подобные фибулы, отличающиеся треугольной спинкой с прорезанным у пружины косым крестом, известны на территории Польского Поморья позднее фазы C₂ (Schuster J., 2004, S. 90, Abb. 5,1,2).

Традиция изготовления асетированных зон мастерами в ареале вельбарской культуры переносится на фибулы с литым иглоприёмником и с площадкой на изгибе дуги. Такие фибулы, именуемые ныне «тип Грудек 47», изредка встречаются на Самбии на фазах C₂-D (Казанский М.М., 2013, илл. 3) и являются там восточногерманским «импортом».

В завершение - несколько слов о прочих фибулах с литым иглоприёмником. На финальной фазе эпохи римского влияния на Самбии (фаза C₂), в устье р. Вислы и на о. Борнхолм распространяются фибулы с рифлёной спинкой (нем. Raupenfibeln). М.М. Казанский фиксирует находки нескольких экземпляров таких фибул в Галии, связывая их с тем, что «...в составе мигрантов-визиготов находились и представители других народов – носители вельбарской и западно-балтской культурных традиций, то есть гепиды и эстии» (Казанский М. М., 2013, с. 204). Указанное выше распределение фибул с рифлёной спинкой по регионам Балтии не даёт возможности установить, являлись ли эти застёжки для обитателей Самбии «импортом». Во всяком случае, таковым они стали для

запада европы, куда поступили в составе убора женщин (судя по комплексам на территории совр. Франции – Казанский М.М., 2013, с. 203, 204).

Заключение. Представленные выше Главы I-VI показывают на примере фибул различных видов весь спектр поступления «импортов» в ареал носителей древностей самбийско-нотангской группы западнобалтской культуры. Этот спектр поступал в юго-восточную Балтию, в земли, соседящие с вислинской частью *Barbaricum*, в обмен на янтарь и, возможно, иные сырьевые (только ли сырьевые – необходимо уточнять в ходе дальнейших исследований) продукты, добывавшиеся народом эстиев. Линия развития их материальной культуры в эпоху римского влияния привела к тому, что эстии не только были потребителями кельтских (на рубеже I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э.), римских и германских «импортов», но и поставляла соседям некоторые фибулы собственного производства (например – застёжки «прусской серии»). Такой динамичный обмен «импортами» свидетельствует о том, что эстии на протяжении всего периода римского влияния были полноправными членами «варварского» общества Европы, принявшими многие нормы жизни обитателей *Barbaricum*.

Литература:

- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, вып. Д1-30, М.
- Буданова В.П., 1999. Готы в эпоху Великого переселения народов, СПб.
- Буданова В.П., 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов, М.
- Буданова В.П., 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов, М.
- Гавритухин И.О., 2010. К изучению характера связей юга Восточной Европы и центральной части Северной Европы в поздний период римских влияний и эпоху Великого переселения народов // Международная конференция “*Inter ambo maria*. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время”, Симферополь, с. 31-33.
- Гавритухин И.О., Воронцов А.И., 2008. Фибулы Верхнеокско-Донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приёмником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов, Тула, с. 28-85.
- Гороховский Е.Л., 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов, т. 4, Киев, с. 55-57.
- Гороховский Е.Л., Гопкало О.В., 2004. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры. // Археологія давніх слов'ян, Київ, с. 103-130.
- Дряхлов В.Н., 1988. Янтарный путь // Вопросы истории, № 11.

Казанский М. М., 2013ю Арбалетные фибулы эпохи переселения народов в Южной Галии и «северный след» // Археологический сборник, вып. 39, СПб, с. 197-210.

Колобов А.В., Римское военное снаряжение на дальней варварской периферии: проблемы интерпретации // <http://www.ancientrome.ru/publik/kolobov/kolob09.htm#003>

Кропоткин В.В., 1961. Клады римских монет на территории Восточной Европы, САИ, вып. Г 4-4, М.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.), САИ, вып. Д 1-27, М.

Кулаков В.И., 1990, "Звериноголовые" фибулы балтов (V-VII вв.) // Советская археология, № 2, с. 204-214.

Кулаков В.И., 1995. Предшественники европейских знаков отличия // *Avstrvegr*, № 1, с. 36-39.

Кулаков В.И., 1997. Варникам. Древности прусских вождей // *Гістарычна-археалагічны зборник*. № 12. Мінск, с. 143-171.

Кулаков В.И., 1998а. Майцкий регистр фибул из музеев Кёнигсберга // *Гістарычна-археалагічны зборник*. № 13. Мінск. 1998, с. 40-58.

Кулаков В.И., 1998б. *Holibo*. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в. // *Гістарычна-археалагічны зборник*. № 13. Мінск, с. 98-119.

Кулаков В.И., 2001. Козельский микрорегион в среднем железном веке // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья, Калуга, с. 47-54.

Кулаков В.И., 2003а. История Пруссии до 1283 г., Москва.

Кулаков В.И., 2003б. Два поколения воинов До-370 // Чтения, посвящённые 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции, ч. II, с. 67-73.

Кулаков В.И., 2004а. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г., Минск.

Кулаков В.И., 2004б. Культ видивариев // Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда, М., № 1 (34), с. 35-47.

Кулаков В.И., 2005. Подвязные фибулы в юго-восточной Балтии // Российская археология, № 1, с. 37-49.

Кулаков В.И., 2006. «Варварские» подражания провинциально-римским фибулам с «кнопками» в Балтии на фазах C1-D1 // *Archaeologia Litwana*, t. 7, Vilnius, с. 66-79.

Кулаков В.И., 2007. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992-2002 гг., Минск.

Кулаков В.И., 2010а. Римские импорты, найденные в земле эстиев и хранящиеся в фондах музеев России // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки, вып. 1. М., с. 281-287.

- Кулаков В.И., 2010б. *Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Сборник материалов.* Калининград: Янтарный сказ, 2008, 237 с., илл. 500 экз. // РА, № 1, 2010.
- Кулаков В.И., 2011а. История Музея «Пруссия», Калининград.
- Кулаков В.И., 2011б. Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв., Saarbrücken.
- Кулаков В.И., 2012. Неманский янтарный путь в эпоху викингов, Калининград.
- Кулаков В.И., Витязь С.П., 2007. От автора и издателя // Кулаков В.И., Доллькайм-Коврово. Исследования 1992-2002 гг., Минск.
- Кулаков В.И., Казаченко Ж.Ю., 2008. Кунтерштраух: забытый памятник прусской археологии // КСИА, вып. 222, М., с. 90-98.
- Левада М., 2009. От моря до моря (готы между Балтийским и Чёрным морями) // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы, Киев, с. 257-260.
- Магомедов Б., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса, Lublin.
- Плиний Старший о германцах. // Древние германцы: Сборник текстов. М., 1937, с. 47-54.
- Обломский А.М., 2010. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // Постзарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.). Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей, М., 16-35.
- Санников П.В., 2003. Типология и критерии идентичности провинциально-римских фибул // Матэрыялы па археалогіі Беларусі, № 7, Минск, с. 158-160.
- Санников П.В., Валуев А.А., 2003. Сложносоставные римские фибулы из фондов Музея «Пруссия» // Проблемы истории, филологии, культуры, вып. XII, Москва-Магнитогорск, с. 586-593.
- Скворцов К.Н., 2012а. Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Аллейка 3) // Российская археология, № 3, с. 36-49.
- Скворцов К.Н., 2012б. Новые находки памятников римского времени на побережье Вислинского залива // Stratum plus, № 4, с. 1-18.
- Суворов В.С., 2000. Этническая история юго-восточной Прибалтики в названиях племён и народов // Вестник Калининградского Гос. Университета, Калининград, с. 67-72.
- Суворов В.С., 2002. Давным-давно // Очерки истории Восточной Пруссии, Калининград.
- Сорокин П.Е., Шаров О.В., 2008. О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской Земли, СПб, с. 167-200.
- Тацит Корнелий. Сочинения. Т. I. Л., 1969.

Хизер П., 2010. Падение Римской Империи, М.

Хомякова С.А., 2010. Стиль кольцевого декора в материалах самбийско-натангийской культуры позднее-римского периода // Славяно-руское ювелирное дело и его истоки, СПб, с. 128-141.

Хомякова О.А., 2012. Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3, Тула, с. 255-280.

Шаров О., 2006а. О находке перекладчатой фибулы в Старой Ладоге // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур, СПб, с. 176-211.

Шаров О.В., 2006б. О появлении восточнобалтийских перекладчатых фибул // Славяно-руское ювелирное дело и его истоки, СПб, с. 42-45.

Щукин М.Б., 1994а. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе, СПб.

Щукин М.Б., 1994б. О трёх путях балто-черноморских связей в первые века нашей эры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э., Тирасполь, с. 245-247.

Щукин М.Б., 1998. Янтарный путь и вены // Проблемы археологии, вып. 4, СПб, с. 198-208.

Щукин М.Б., 1999а. К проблеме происхождения североевропейского филигранного стиля I-II вв. н.э. // Скандинавские чтения 1998 года, СПб, с. 168-179.

Щукин М.Б., 1999б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина - Констанция или Что такое черняховская культура? // Stratum plus, № 46 СПб-Кишинёв-Одесса.

Щукин М.Б., Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культуры, СПб, 2005.

100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, 1998. Internationale Arbeitstagung 25.-28. Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg, Wünsdorf.

Åberg N., 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit, Uppsala-Leipzig, 1919.

Almgren O., 1923. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Mannus-Bibliothek, Bd. 32, Leipzig.

Andrée K., 1937. Der Bernstein und seine Bedeutung in Natur- und Geisteswissenschaften, Kunst und Kunstgewerbe, Technik, Industrie und Handel, Königsberg.

Andrzejowski J., 1998. Importy rzymskie z cmentarzyska w Sobieniach Biskupich, woj. siedleckie // Korpus znalezisk rzymskich z europejskiego Barbaricum. Polska supplement – tom 1. Nowe znaleziska importow rzymskich z ziem Polski I, Warszawa, s. 72-76.

Andrzejowski J., 2001. Norycko-pannońska zapinka skrzydlowa z Nowych Dóbr na Ziemi

Chelminskiej. Kolejny "import" rzymski znad dolnej Wisły // *Officina archaeologia optima*. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin, Warszawa, 11-17.

Andrzejowski J., Cieślinski A., 2007. Germanie i Bałtowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrogie sąsiedztwo? // *Kultura bogaczewska w 20 lat później*, Warszawa, s. 279-317.

Anonim, 1783. Beschreibung verschiedener Seltenheiten der Natur, der Kunst und des Altertums, welche in dem Cabinette des Commerciensrath Saturgus zu Königsberg in Preußen einige Aufmerksamkeit und Betrachtung verdienen, Königsberg.

Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., 2005. From Aestii to Esti. Connections between the western Lithuanian group and the area of distribution of *tarand*-graves // *Culture and material culture*. *Interarchaeologia*, vol. 1, Tartu-Riga-Vilnius, p. 105-120.

Beliaev V., 2009. Die römischen Importe des südlichen Weissrussland. Eine Untersuchung von dem Hintergrund der kulturellen Entwicklungen des 1.-4. Jahrhunderts // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, Mainz, Bd. 56, S. 159-185.

Bezenberger A., 1904. Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens, Königsberg.

Bliujiene, 2002, The Main Stylistic Features of the Baltic Crossbow Brooches in the Migration Period // *Archaeologia Baltica*, t. 5, Vilnius, p. 145-159.

Böhme-Schönberger A., 1998. Die Provinzialrömischen Fibeln bei Almgren // *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*, Wünsdorf, S. 351-366.

Bolin St., 1926. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen // *Prussia*, H. 26, S. 203-240.

Bouzek J., 2003. The Central European Amber Route during the Latene and Early Imperial Times // *Amber in Archaeology: proceeding of the Fourth International Conference of Amber in Archaeology*, Talsi 2001, Riga, p. 158-163.

Bujack J., 1888. Das Gräberfeld zu Grebieten // *Prussia*, Bd. 13.

v.Carnap-Bornheim C., Ilkjær J., 1996. Illerup Ådal. Die Prachtausrüstungen, Bd. 5-8, Aarhus.

Cieśliński A., 2000. Zapinki kolankowate z Prussia Museum, czyli o możliwościach przywrócenia do obiegu naukowego zabytków ze zbiorów królewieckich // *Światowit*, Nowa seria, t. II (XLIII), rzesz. B, s. 1-14.

Ciesliński A., 2010. Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und oberer Drzwęca, Berlin-Warszawa.

Czarnecka K., 2004. Arystokraci Bursztyniowego szlaku – władcy, wodzowie czy kapłani? // *Wandalowie. Strażnicy Bursztyniowego szlaku*, Warszawa, s. 107-119.

Czilińska-Drapella A., 2009-2010. Próba nowego spojrzenia na "pasy sambijskie" // *Wiadomości archeologiczne*, t. LXI, s. 3-79.

Dąbrowska T., 1992. Die späten kräftig profilierten Fibeln (Almgren Typ 84) in Polen // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter, Kraków, S. 103-109.

Dąbrowska T., 1998. Die kräftig profilierten Fibeln Almgren Gruppe IV, Fig. 74-84 (Trompetenfibeln) – mit einem Ausblick auf die östlichen Formen // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wünsdorf, S. 149-156.

Domański G., 1999. Szlak czarnomorski // COMHLAN. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego w Europie Środkowej dedykowane Teresie Dąbrowskiej w 65. rocznicę urodzin, Warszawa, s. 179-187.

Eggers H.J., 1951. Der römische Import im freien Germanien, Bd. 1, Hamburg.

Eggers H.J., 1955. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im Freien Germanien // Jahrbucher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, Mainz, Bd. 5, Lief. 2, S. 196-244.

Engel C., 1933. Das Samland als altbaltisches Kulturzentrum und seine vorgeschichtlichen Beziehungen zu den Nachbargebieten // Altpreußische Beiträge. Festschrift, Königsberg, S. 182-208.

Engel C., 1935. Vorgeschichte der altpreußischen Stämme, Königsberg, Bd. 1..

Engel C., 1942. Die Ostgermanischen Stämme in Ostdeutschland, die gotische Ostseeherrschaft und das Gotenreich in Osteuropa // Deutsche Ostforschung. Ergebnisse und Aufgaben seit den ersten Weltkrieg, Bd. 1, Leipzig.

Ethelberg P., 1992. To grave fra Højvang, Sønderjylland. Dendrodatering og Absolut kronologi // Kuml 1990, Århus.

Exner K., 1941. Die provinzialrömischen Emalfibeln der Rheinlande // Bericht der RGK, Bd. 29, S. 31-121.

Fibeln und Fibeltracht // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Bd. 8, Lief. 5/6, Berlin-New York, S. 411-608.

von Freeden U., von Schnurbein S., 2002. Spuren der Jahrtausende. Archäologie und Geschichte in Deutschland, Stuttgart.

Gaerte W., 1924. Die Besiedlung und Kultur Königsbergs und seiner Umgebung in vorgeschichtlicher Zeit // Altpreußische Forschungen, H. 1.

Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreussen, Königsberg.

Gaerte W., 1937. Bericht über die Tätigkeit des Prussia-Museums im Jahre 1936 // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit, Bd. 13.

Godłowski K., 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe, Kraków, p. 42-56.

Godłowski K., 1977. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku. Część II // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne, t. 4, s. 7-237.

Godłowski K., 1994a. Ältere Kaiserzeit // Fibel und Fibeltracht // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Bd. 8, Berlin - New York, S. 480-492.

Godłowski K., 1994b. Die Synchronisierung der Chronologie der germanischen Fundstoffes zur Zeit der Markomannenkriege // Markomannenkriege. Ursachen und Wirkungen, Brno, S. 115-123.

Godłowski K., 1994c. Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa und in Osteuropa // Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Bd. 8, Lieferung 5/6, Berlin-New York, 1994.

Grunert W., 1935. Nadrauer Grabungen // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg, H. 20, Insterburg.

Grasselt T., 1998. Die Fibelformen Almgren I,10-14 – Geschichte und Stand der Forschung // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wünsdorf, S. 29-38.

Grots K., 2006. Das Römerlager im Werratal bei Hedemünden (Ldkr. Göttingen). Ein Neuentdeckter Schützpunkt der augusteischen Okkupationsvorstöße im rechtsrheinischen Germanien // Germania, Bd. 84, Frankfurt/Main, S. 27-59.

Hauptmann T., 1998. Studien zu den Dreisprossenfibeln // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wünsdorf, S. 159-173.

Hollack E., 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen, Glogau-Berlin.

Jamka R., 1964. Fibule typu oczkowatego w Europie Środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem polskich // Materiały starożytne, t. X, s. 7-103.

Jankuhn H., 1933. Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande // Prussia, Bd. 30, H. 1, S. 3-62.

Jankuhn H., 1939. Ein Gräberfeld der ersten Jahrhunderte u. Zr. Aus Schlakalken, Kr. Fischhausen // Prussia, Bd. 32, H. II, S. 245-260).

Jankuhn H., 1950. Zur räumliche Gliederung der älteren Kaiserzeit in Ostpreussen // Archaeologia Geographica, Jg. 1, H. 4, S. 54-64.

Jaskanis J., 1974. Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I - V w.n.e.), Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.

Jaskanis J., 1977. Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne, t. IV, Warszawa.

Jonakowski M., 2001. Grób szkieletowy kultury wielbarskiej z cmentarzyska w Lubieszewie,

pow. Nowy Dwór Gdański, stanowisko 2 // *Wiadomości Archeologiczne*, Tom LIV.

Jovaiša E., 2012. *Aisčiai*. Kilmė, Vilnius.

Juga A., Szymański P., 2003. Das Archiv von Martha Schmiedehelm und die Möglichkeit seiner Ausnutzung in heutiger Vor- und Frühgeschichte // *Auf der Suche nach der verlorenen Archäologie*, Warszawa, S. 57-61.

Ibsen T., Skvorzov K.N., 2004. Das Gräberfeld von Berezovka/Gr. Ottenhagen. Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausends n.Chr. im Kaliningrader Gebiet // *Bericht der RGK*, Bd. 85, S. 381-452.

Iwanicki P., Juga-Szymańska A., 2007. Horyzont 1 kultury bogaczewskiej w świetle analizy wybranych typów zabytków // *Kultura bogaczewska w 20 lat później*, Warszawa, s. 41-71.

Kaczanowski P., 1992. Bemerkungen zur Chronologie des Zustroms römischer Waffenimporte in das europäische Barbaricum // *Probleme der relativen Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*, Kraków, s. 171-186.

Kaczmarek M., 1995. Poznorzymskie zapinki z wysoką pochewką na Pomorzu // *Folia Praehistorica Poznaniensia*, t. VII, s. 237-273.

Kaczyński M., 1989. Z problematyki kontaktów zachodnich bałtów z prowincjami Imperium Romanum // *Rocznik Białostocki*, t. XVI, s. 157-195.

Kazanski M., 1998. Les fibules germaniques orientales et danubiennes en Gaule (périodes C2-D2) // *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*, Bd. 5, Wünsdorf, p. 375-386.

Kazanski M., 2011. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: on the Problem of Pontis-Scandinavian Relations in the Late Roman Period // *Inter Ambo Maria, Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Collected papers*, Kristiansand-Simferopol, p. 91-100.

Keller J., 1965. Das keltische Fürstengrab von Reinheim, Mainz.

Kolendo J., 1981. Wyprawa po bursztyn bałtycki za Nerona // *Pomorania Antiqua*, t. X, s. 25-62.

Koulakov V., 2000. Les contacts entre la cote sud de la Baltique et Rome à l'époque de Neron // *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et la haut Moyen-Age. Colloquia Pontica*, vol. 5, Leiden-Boston-Köln, 2000, p. 29-35.

Kulakov V., 2000. La terre prusse entre Scandinavie et Orient // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient, Réalités Byzantines*, t. 7, Paris, 2000, p. 283-298.

Kulakov V.I. Jütland-Dobruška: die Rochade der "Barbaren" vom 2. bis 4. Jh. Chr. // *Archaeologia Bulgarica*, Jg. V, 2001, H. 2, Sofia, 2001.

Kulakov V., 2005. *The Amber Lands in the Time of the Roman Empire*, BAR S1356, Oxford.

Kulakov V.I., Šimėnas V.G., 1992. Latgalische Schmucktypen in der Sammlung des Instituts

für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien. In: *Archaeologia Austriaca*. Bd. 76, S. 179-184.

Kunow J., 1989. Die Figur A 44 und ihr Umfeld // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wünsdorf, S. 87-118.

Kunow J., 2002. Katalog und Kartierung zur Hauptserie der Augenfibeln: Almgren Gruppe III: Figuren 44, 45-50 // Veröffentlichungen des Brandenburgischen Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, Bd. 33, S. 65-105.

La Baume W., 1935. Zur Naturkunde und Kulturgeschichte des Bernsteins // Schriften der Naturforschenden Gesellschaft in Danzig, Bd. 20.

La Baume W., 1939. Ein altpreußisches Frauengrab mit Stoffhaube aus Gr. Ottenhagen, Kr. Samland // Alt-Preußen, 4. Jg., H. 1, S. 16.

Lau N., 2008. Zugelkettzaumzeug der jüngeren und späten Römischen Kaiserzeit – Neue Untersuchungen zu Typen, Verbreitung, Herkunft und Datierung // Abegg-Wigg A., Rau A., Aktuelle Forschungen zu Kriegsbeuteopfern und Fürstergräbern in Barbaricum, Neumünster, S. 25-54.

Leube A., 1998. Die Rollenkappenfibeln Almgren Gruppe II, Fig. 24-29, im Gebiet zwischen Weser und Parsęta – Studien zur Typologie und zur Fundgeographie // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wünsdorf, S. 55-66.

Levada M. Metal Combs of the second Quarter of the First Millenium AD in Easter Europe // Mączyńska M., Grabarczyk T., Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa, Łódź, 2000.

Lund Hansen U. Römischer Import im Norden, København, 1987.

Lund Hansen U., Przybyła M.J., 2010. Rosettenfibeln – ein Klassifikationsversuch // Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age. Network Denmark-Polen 2005-2008, Kobenhavn-Warszawa, S. 241-286.

Machajewski H., 1998. Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wünsdorf, S. 187-196.

Mackeprang M. Kulturbeziehungen im nordischen Raum des 3.-5. Jahrhunderte. Keramische Studien, Leipzig, 1943.

Mączyńska M., Rudnicka D., 2004. Ein Grab mit römischen Importen aus Czarnówko, Kr. Lębork (Pommern) // Germania, Bd. 82, H. 2, S. 397-428.

Madyda-Legutko M., 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum, Oxford.

Michelbertas M., 1977. Romėniška spardinė segė iš Vienragių (Plungės raj.) // Lietuvos Istorijos Metraštis, Vilnius, p. 36-44.

Michelbertas M., 2000. Zu den Handels- und Kulturbeziehungen der Bewohner Litauens mit Skandinavien in der römischen Kaiserzeit // *Archaeologia Baltica*, Bd. 4, Vilnius.

Michelbertas M., 2001. Corpus römischen Funde im europäischen Barbaricum. Litauen, Vilnius.

Michelbertas M., 2008. Ein seltener Fund aus der römischen Kaiserzeit in Zentrallitauen. Die Fibel des Typs A126 im Marvelle-Gräberfeld (der Stadt Kaunas) // *Labor et Oatientia. Studia archaeologica Stanislaio Pazda dedicate*, Wrocław, S. 133-137.

Namoilika A., 2001. Kads piemirts senprūšu zemes nosaukums // Studentu zinātniskas konferences "Aktuāli baltiskikas jautājumi tézes", Rīga, lp. 22, 23.

Natuniewicz-Sekula M., Okulicz-Kozaryn J., 2007. Wybrane groby z importami rzymskimi z cmentarzyska w Weklicach, pow. Elbląski, stan 7 // *Wiadomości Archeologiczne*, t. LIX, s. 45-74.

Navarro J.M., 1925. Prehistoric Routes between Northern Europe and Italy defined by the Amber Trade // *Geographical Journal*, vol. LXVI.

Niezabitowska B., 2007. "Gockie" osadnictwo z późnego okresu rzymskiego w Ulowie, stan. 3, gmina Tomaszów Lubelski, w świetle znalezisk fibul // *Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*, Gdańsk, s. 643-664.

Nowakowski W., 1985. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego // *Archeologia*, t. XXXIV, s. 63-101.

Nowakowski W., 1991. Kulturowy krąg zachodniobałtyjski w okresie wpływów rzymskich. Kwestia definicji i podziałów wewnętrznych // *Archeologia Bałtyjska*, Olsztyn, s. 42-66.

Nowakowski W., 1994. Kultura przeworska a zachodniobałtyjski krąg kulturowy // *Kultura przeworska*, t. I, Lublin, s. 373-388.

Nowakowski W., 1995. Od Galindii do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego. *Barbaricum*, t. 4, Warszawa.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10, Marburg-Warszawa.

Nowakowski W., 1998a. Die Fibeln Almgren 55 und 56 aus heutiger Sicht // *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*, Wünsdorf, S. 119-123.

Nowakowski W., 1998b. Die Nebelfomen Almgren 133 und 137 aus heutigen Sicht // *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*, Wünsdorf, S. 197-201.

Nowakowski W., 2000. Nowe materiały do badań nad znaleziskami importów rzymskich na dawnych ziemiach pruskich // *Antiquitates Prussiae, Studia z archeologii dawnych ziem pruskich*, Warszawa, s. 207-236.

Nowakowski W., 2001. Masuren. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polen, Bd. 1, Warszawa.

Nowakowski W., 2007. Aestiorum gladii. Sword in the west balt circle in the roman period // Weapons, weaponry and man. Archaeologia Baltica, t. 8, Klaipėda, p. 85-93.

Nowakowski W., 2008. Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich // Pruthenia, t. V, Olsztyn, s. 43-85.

Nowakowski W., 2009. W dol Węgorapy – odgałęzienie “szlaku bursztynowego” w początkach wpływów rzymskich // Studia Węgorapskie, tom I, Warszawa, s. 135-143.

Nowakowski W., 2009a. Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich // Pruthenia, t. IV, Olsztyn, s. 43-85.

Nowakowski W., 2009b. W dół Węgorapy – odgałęzienie “szlaku bursztynowego” w początkach okresu wpływów rzymskich // Studia Węgorapskie, t. I., Warszawa, s. 107-124.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e., Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.

Okulicz J., 1976. Powiązania półwyspu wschodniego Bałtyku i centrum sambijskiego z południem w podokresie wczesnorzymskim // Prace archeologiczne, Nr. CCCCXXII, z. 22, Kraków, s. 181-209.

Okulicz-Kozaryn J., 1992. Centrum kulturowe z pierwszych wieków naszej ery u ujścia Wisły // Barbaricum '92. T. 2, Warszawa.

Olędzki M., 1998. Rollenkappenfibeln der östlichen Hauptserie Almgren 37-41 und die Varianten Fig. 42-43 // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wünsdorf, S. 67-94.

Olędzki M., 2004. The Wielbark und Przeworsk Cultures at the Turn of the Early and Late Roman Periods. The dynamics of settlement and cultural changes in the light of chronology // Friesinger H., Stuppner A. Zentrum und Peripherie – Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte, Mitteilungen der Prähistorischen Kommission, Bd. 57, Wien, S. 279-290.

Pfeiffer-Frohnert U., 1998. “Mit Augen am Fuß und mit Wulst statt Scheibe”. Verbreitung und Zeitstellung der preußischen Nebenserie A57-61 und ihrer Varianten // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wünsdorf, S. 125-134.

Prochowicz R., 2003. Rzadki wariant zapinek A.68 z cmentarzyska kultury przeworskiej w Sobieniach Biskupich, pow. Otwock // Antyk i barbarzyńcy. Księga dedykowana profesorowi Jerzemu Kolendo, Warszawa, s. 331-333.

Pröttel Ph. M., 1991, Zur Chronologie der Zwiebelknopf-Fibeln // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz, 1988, Bd. 35/1.

Przewoźna K., 1968. Importy rzymskie na Pomorzu Wschodnim // Pomorania Antiqua, t. II, s. 75-97.

Przybyła M.J., 2011. Die Regionalisierung der reichen Frauentracht und die Nachweismöglichkeiten jung-kaiserzeitlicher Heiratskreise am Beispiel Noreuropas // Weibliche Eliten in der Frühgeschichte, Mainz, S. 321-358.

Raddatz C., 1992/1993. Der Wolka-See, ein Opferplatz der römischen Kaiserzeit in Ostpreußen // Offa, Bd. 49/50, S. 315-320.

Rassadin S., 2000. Zur Frage der römischen Importe in Weißrußland // Germania, Jg. 78, Halbband 2, S. 396-415.

Reinerth H., 1936. Vorgeschichte der deutschen Stämme, Bd. II, Berlin.

von Richthofen J., 1994. Gebrauchspuren an Silber- und Bronzefibel der älteren römischen Kaiserzeit Norddeutschlands // Offa, Bd. 51.

von Richthofen J., 1998. Fibelbrauch – gebrauchte Fibeln. Abnutzungsspuren an Fibeln der älteren römischen Kaiserzeit // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wunsdorf, S. 475-486.

Schmiedehelm M., 1931. Über die Beziehungen zwischen dem Weichselgebiet und Estland zur römischen Eisenzeit // Congressus secundus archaeologorum balticorum, 19.-23.VIII.1930, Rigae, S. 395-405.

Schulte L., Die Fibeln mit hohem Nadelhalter in Deutschland – Forschungsgeschichte und Forschungssätze // 100Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren // Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, Bd. 5, Wunsdorf, 1998.

Schulze-Dörrlamm M., 2000. Germanische Spiralplattenfibeln oder romanische Bügelfibeln? Zu den Vorbildern elbgermanisch-fränkischer Bügelfibeln der Protomerowingischen Zeit // Archäologisches Korrespondenzblatt, Bd. 30, S. 599-613.

Schuster J., 2004. Untersuchungen zu den spätkaiserzeitlichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigem Verhältnis // Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie, Bd. 35, Wunsdorf, 2001, S. 1-272.

Ščukin M. Three ways of the Contacts between the Baltic and the Black Sea Littorals in the Roman Periods // Mączyńska M., Grabarczyk T., Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa, Łódź, 2000.

Skvorzov K., 2007. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'schoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // Offa, Bd. 61/62, 2004/2005, S. 111-219.

Skvortsov K., 2009. Burials of Riders and Horses dated to the Roman iron age and Great Migration period in Aleika-3 (former Jaugehnen) cemetery on the Sambian peninsula // Archaeologia Baltica, vol. 11, Klaipėda, p. 130-147.

Stadie K. Fundberichte VII. Gräberfeld bei Gruneiken, Kr. Darkehmen // Prussia, 23. H., II.

Teil, 1919.

Szymański P., 2009. Misy na nóżkach. Nowoodkryty typ naczyń kultury bogaczewskiej // *Ceramika bałtyjska. Tradycje i wpływy*, Białystok, s. 57-69.

Tamulinas L., 2005. Apie du išskirtinis romėniškojo laikotarpio radinius iš Jogučių kapinino // *Archaeologia Lituana*, t. 5, Bilnius.

Tejral J., 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // *Peregrinatio Gothica* (*Archaeologia Baltika*, Bd. 7), Łódź, S. 175-238.

Tejral J., 1997. The Amber route and the Roman military campaigns north of the middle Danube area during the first two centuries A.D. // *Peregrinatio Gothica, Supplementum ad Acta Musei Moraviae, Scientia sociales*, LXXXII, p. 111-135.

Tejral J., 1999. Die Völkerwanderungen des 2. und 3. Jh.s und ihr Niederschlag im archäologischen Befund des Mitteldonauraumes // *Das mitteleuropäische Barbaricum und die Krise des römischen Weltreiches im 3. Jahrhundert*, Brno, S. 137-213.

Tejral J., 2003. Zur Frage der germanisch-sarmatischen kulturellen Beziehungen an der Wende von der älteren zur jüngeren Kaiserzeit // *Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christi*, Neumünster, S. 239-274.

Tischler O., 1880. Rede auf XI. Allgemeine Versammlung. Vierte Sitzung am Montag, den 9. August 1880 // *Correspondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. Jahrg. 1880, München, S. 71-83.

Tischler O., 1886. Ostpreussische Grabhügel I // *Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg*, Bd. XXVII.

Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt, Königsberg.

Vojgt J., 1827. *Geschichte Preussens*, Königsberg, Bd. I.

Völling T., 1998. Die Fibeln Almgren Fig. 2,18,19 und 22 // *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*, Bd. 5, Wünsdorf, S. 39-51.

Voß H.-U., 1998a. Archäologische Quelle // Voß H.-U., Hammer P., Lutz J., *Römische und germanische Bunt- und Edelmetallfunde im Vergleich. Archäometallurgische Untersuchungen ausgehend von elbgermanischen Körpergräbern* // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, Bd. 79, Frankfurt-am-Main, S. 123-157.

Voß H.-U., 1998b. Die Bügelknopffibeln. Almgren Gruppe VI,2, Fig. 185 und 186 // *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*, Bd. 5, Wünsdorf, S. 271-282.

Werner J., 1961. Bemerkungen zu nordischen Trachtzubehör und Fernhandelsbeziehungen der

Spätlatènezeit im Salzburg Land // Festschrift Martin Hell zum 75. Geburtstag, Salzburg.

Werner J., 1988. Dančeny und Drandstrup. Untersuchungen zur Černiachov-Kultur zwischen Sereth und Dneestr und zu den Reichtumszentren auf Fünen // Bonner Jahrbücher, Bd. 188.

Wielowiejski J., 1970. Kontakty Noricum i Pannonii z ludami północnymi, Wrocław-Warszawa-Kraków.

Wielowiejski J., 1979. Zarys dziejów badań nad głównym szlakiem bursztynowym w czasach cesarstwa rzymskiego // Archeologia, t. XXX, Warszawa, s. 129-145.

Wielowiejski J., 1997. Rohbernstein in der Przeworsk-Kultur // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, Bd. 77, Mainz, S. 220-251.

Wielowiejski J., 2000. Die nördliche Strecke der Bernsteinstrasse zur römischen Kaiserzeit // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa, Łódź, S. 142-152.

Wilbers-Rost S., 1990. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera. Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des „Zaumzeugs mit Zügelketten“, Oldenburg, 1990.

Wołagiewicz R., 1981. Kultury wielbarska (faza lubowidzka) // Prahistoria ziem polskich, t. V, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, s. 165-177.

Архивные материалы:

Архив ИА РАН, Р-І, Кулаков В.И., Отчёт о раскопках, проведённых Балтийской экспедицией в 2003 г. в пос. Ушаково (Гурьевский р-н Калининградской обл.).

Archiv R. Grenz. Archäologische Museum Gottorf.

Archiv H. Jankuhn. Archäologische Museum Gottorf.

Kopienkatalog des Römisch-Germanischen Museum, Mainz

Prussia Studien-Sammlung, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin.

Подписи к рисункам:

Рис. 1. Древнейшие фибулы эстиев. 1 – Kruglanken/Kruglanki, woj. warmińsko-mazurskie; 2 – Sorgenau/Покровское, Зеленоградский р-н; 3 – Warschken/Вершково, Зеленоградский р-н; 4 – Klyucken/Клюквенное, Зеленоградский р-н; 5, 6 – Samsburg/Калининград; 7 – Gaitzuhnen/Новая Деревня, Черняховский р-н.

Рис. 2. Распространение фибул типа Jezerine (по: Nowakowski W., 2009, рис. 5): 1 – Stary Targ; 2 – Lubieszewo; 3 – Grzybowo; 4 – Kruglanki; 5 – Новая Деревня; 6 – окрестности г. Tilsit/Советск (?); 7 – Šilutė.

Рис. 3. Археологические свидетельства деятельности мастерских в раннеримское время

(по: Voß H.-U., 1998, Abb. 3a).

Рис. 4. Первые провинциально-римские фибулы в древностях эстиев: 1 – бывш. Grebieten, Зеленоградский р-н; 2 – Куршская коса; 3 – Kruglanki, погр. 2; 4 – Dollkeim-Naurzau/Коврово-3, Зеленоградский р-н.

Рис. 5. Распространение фибул типа AXI,236 (по: Andrzejowski J., 1998, рис. 1): 1 – бывш. Grebieten; 2 – Коврово-3; 3 – Neu-Lattenwalde; 4 – Kruglanki.

Рис. 6. Инвентарь погр. 4 Eisliethen/Геройское-Рощино, Зеленоградский р-н (Archiv R. Grenz).

Рис. 7. Распространение фибул типа AXI,238 (по: Michelbertas M., 2001, Karte, с добавлениями автора): 1 - Naumburg, Burgenlandkreis; 2 – Fröhden; 3 - Nowy Dóbr; 4 - Геройское-Рощино; 5 – Советск; 6 – Pailgotis; 7 – Adakavas; 8, 9 – Sargėnai; 10 – Sandrausiškė.

Рис. 8. Инвентарь погр. 15 могильника Путилово, Зеленоградский р-н (Archiv H. Jankuhn).

Рис. 9. Распространение фибул типа AII,42 (по Olędzki M., 1998, Abb. 18 с дополнениями): 1 – Fohrde; 2 – Letnin; 3 – Goszczanowo; 4 – Raciniewo; 5 – Małe Czyste; 6 – Odry; 7 – Węsiory; 8 – Gostkowo; 9 – Wielogłowy; 10 – Siece; 11 – Lubowidz; 12 – Ciepłe; 13 – Rządź; 14 – Wielbark; 15 – Lipniki; 16 – Elbląg, Pole Nowomejskie; 17 – Nalikajmy; 18 – Путилово; 19 – Eisliethen; 20 – Ветрово; 21 – Коврово; 22 – Луговое; 23 – Б. Исаково, 24 – бывш. Warengen.

Рис. 10. Инвентарь погр. 13 могильника Trausitten, Кр. Königsberg/в черте г. Гурьевска, Гурьевский р-н (Bezzenberger A., 1904, S. 71, 72, Fig. 84a,b, 85; Jankuhn H., 1933, S. 61, Taf. III, oben).

Рис. 11. Инвентарь погр. 24 а могильника Schlakalken/Ярославское, Зеленоградский р-н (Jaskanis J., 1977, s. 260).

Рис. 12. Распространение «глазчатых» фибул в восточной части Barbaricum: 1 - Dollkeim/Коврово, погр. 27с; 2 - Dollkeim-Nautzau/Коврово-3, случ. нах.; 3 - Trausitten/в черте г. Гурьевска, погр. 13; 4 - Schlakalken/Ярославское, погр. 24а; 5 – бывш. Eisliethen, погр. 3 (по: Kunow J., 2002, Taf. I).

Рис. 13. План и инвентарь погр. б/№ могильника Moritten/Сибирское (по: Nowakowski W., 1996, Taf. 90,1-6).

Рис. 14. Распространение в юго-восточной Балтии фибул типа AIV,72: 1 – Dollkeim/Коврово; 2 – Neudtkeim-Fürstenwalde/ Поддубное; 3 – бывш. Eisliethen; 4 – Gr. Ottenhagen/Берёзовка; 5 – бывш. Lehdorf; 6 – Wiekau/Хрустальное; 7 – бывш. Warengen (по: Nowakowski W., 1991, рис.3 с добавлениями автора)

Рис. 15. Происхождение и развитие дисковидного расширения на ножках провинциально-

римских фибул I в. до н.э. – II в. н.э.: 1 – Klycken/Клюквенное, погр. 6/№, 2 – Trausitten/Гурьевск, погр. 13, 3 – Kruglanki, погр. 2, 4, 6, 8 – Prussia-Museum, 5 – Kirpehnen/Поваровка, комплекс «2107», 7 – Grunajki, погр. XII (по: Кулаков В.И., 2001, рис. 2).

Рис. 16. Распространение фибул типа AIV,75 p. 5) (по: Dąbrowska T., 1998, Abb. 2): 1 – Moritten/Сибирское; 2 – Kumehnen/Кумачёво.

Рис. 17. Варианты серии 1 ранних перекладчатых фибул: 1 – Gostkowo, woj. słupskie, 2 – Malbork-Wielbark, woj. elbląskie, 3 – Konin, woj. konińskie (по: Hauptmann T., 1998, Abb. 3).

Рис. 18. Распространение фибул типа AIV,84 по Великому янтарному пути: Территория Польши: 2 — Elbląg; 3 — Gąsior, woj. Suwałki; 4 — Grzybnica, woj. Koszalin; 5 — Inowrocław, woj. Bydgoszcz; 6 — Jakuszowice, woj. Kielce; 7 — Karsy, woj. Kielce; 8 — Kietrz, woj. Opole; 11 — Lassig/Laski Lubuskie (?), woj. Gorzów Wlk.; 12 — Ladekopp/Lubieszewo, woj. Gdańsk; 13 — Luggewiese/Lubowidz, woj. Słupsk; 14 — Opoka, woj. Lublin; 15 — Osiek, woj. Bydgoszcz; 16 — Orońsko, woj. Radom; 17 — Pruszcz Gdański-7, -10; 18 — Szymborze, woj. Bydgoszcz; 21 — Zawada, woj. Tarnobrzeg.

Территория Чехии и Словакии: 22 — Abraham, Okr. Galanta; 23 — Belusa, Okr. Povazska Bystrica; 24 — Besenov, Okr. Nove Zamky; 25 — Dobřichov, Okr. Kolin; 26 — Gajary, Okr. Malacky; 27 — Hurbanovo; 28 — Komarno; 29 — Komoca, Okr. Nove Zamky; 30 — Komorany, Okr. Brno; 31 — Kosyce; 32 — Liptovska Mara, Okr. Liptovsky Mikulas; 33 — Liptovsky Jan, Okr. Liptovsky Mikulas; 34 — Ludanice, Okr. Topolcany; 35 — Prostějov; 36 — Slovenske Nove Mesto; 37 — Spišské Podhradie, Okr. Spišska Nova Ves; 38 — Stradonice, Okr. Beroun; 39 — Zbehy, Okr. Nitra.

Территория Австрии: 40 — Bad Deutsch Altenburg (Carnuntum), Niederösterreich; 41 — Briicknendorf, Burgenland; 42 — Drosing, Niederösterreich; 43 — Deutsch Jahrdorf, Burgenland; 44 — Jois, Burgenland; 45 — Kaisersteinbruch, Burgenland; 46 — Lorch (Lauriacum), Oberösterreich; 47 — Loretto, Niederösterreich; 48 — Mannersdorf, Niederösterreich; 49 — Mullendorf, Niederösterreich; 50 — Obervohrbach, Niederösterreich; 51 — Ringelsdorf, Niederösterreich; 52 — Sommerein, Niederösterreich; 53 — Schutzen am Gebirge, Burgenland; 54 — Wien (Vindobona); 55 — Winden an See, Burgenland;

Территория Венгрии: 57 — Belassagyarmet, Kom. Salgotarian; 58 — Badoshut, Kom. Budapest; 59 — Dunaadony, Kom. Szekesfehervar; 60 — Eger; 61 — Fenekpuszta, Kom. Budapest; 62 — Győr (Arrabona); 63 — Gyorszentmarton, Kom. Győr; 64 — Kecel, Kom. Kecskemet; 65 — Kecskemet; 66 — Kistoke, Kom. Hodmezovasarhely; 67 — Kislang, Kom. Szekesfehervar; 68 — Szenttamás, Kom. Tata-banya; 70 — Szony (Brigetio), Kom. Tatabanya;

Территория Румынии: 76 — Mojgrad (Porolissum), Jud. Zalău;

Россия: 80 — Gaffken/Парусное, Зеленоградский р-н; 81 — Пасеки Зубрецкие, Пустомытский р-н;
 Территория Словении и Хорватии: 85 — Osijek (Mursa), Kroatien; 86 — Ptuj (Poetovio), Slowenien;
 Территория Голландии: 93 — Nijmegen (Noviomagus Batavorum).
 Территория Финляндии: 95 — Maaria Karsiimaki (Dąbrowska T., 1998, Karte 1).

Рис. 19. Распространение ранних форм перекладчатых фибул группы 1: 1 - Lunow, Kr. Barnim; 2 - Rebenstorf, Kr. Liichow-Dannenberg; 3 - Neuenkirchen, Kr. Mecklenburg-Strelitz; 4 - Rostock-Wulfshagen, Kr. Nordvorpommern; 5 - Markendorf, Kr. Oder-Spree; 6 - Venzvitz, Kr. Rugen; 7 - Hornow, Kr. Spree-Neiße; 8 - Ragow, Kr. Spree-Neiße; 9 - Battin, Kr. Ucker-Randow; 10 - Plowen, Kr. Ucker-Randow; 11 - Schwedt, Kr. Uckermark; 12 - Buggenhagen, Kr. Wolgast; 13 - Paske, Kr. Wolgast; 14 - Biskupin, woj. Bydgoszcz; 15, 16 – Bydgoszcz; 17 – ehem. Fünfeichen; 18 – Inowroclaw-Szymborze; 19 – Karczyn, 20 – Karlowo; 21 - Kruchowo; 22 – Leśno; 23 – Luttom, woj. Bydgoszcz (ehem. Forst Rittel, Belauf Luttom, Kr. Konitz); 24 - Osiek, woj. Bydgoszcz (ehem. Kommerau, Kr. Schwetz); 25 - Popielewo, woj. Bydgoszcz; 26 - Słupowo-Da_browice, woj. Bydgoszcz (ehem. Eichberg, Kr. Bromberg); 27 - Stanomin, woj. Bydgoszcz; 28 - Struga, woj. Bydgoszcz; 29 - Tuczno, woj. Bydgoszcz; 30 - Obliwice, woj. Bydgoszcz (ehem. Obliwitz bei Neuendorf, Kr. Lauenburg); 31 - Osie, woj. Bydgoszcz; 32 - Paluki, woj. Ciechanów; 33 - Kolożab, woj. Ciechanów; 34 - Sosnowiec, woj. Częstochowa; 35 – Szpondowo, woj. Ciechanów; 36 - nariaw;\36.e,x4Hansdqr, Woj. Ebląg (ehem. Kr. Elbihg); 37 - Gosciszewo, woj. Ebląg; 38 Ebląg - Pole Nowomiejskie, woj. Ebląg (ehem. Neustädter Feld bei Elbing); 39 - Malbork-Wielbark, Woj. Ebląg (ehem. Willenberg, Kr. Marienburg); 40 - Babidol-Borcz, woj. Gdańsk; 41 - Gdynia-Oksywie, woj. Gdansk (ehem. Oxhoft, Kr. Neustadt); 42 - Godziszewo, woj. Gdańsk; 43 - Lubiana, woj. Gdańsk; 44 - Nowe Polaszki, woj. Gdańsk; 45 - Odry, woj. Gdańsk (ehem. Odry, Kr. Konitz); 46 - Oliwa, woj. Gdańsk (ehem. Oliva, Kr. Danziger Hohe); 47 - Pruszcz-10, woj. Gdańsk (ehem. Praust, Kr. Danzig); 48 – Pruszcz-7, woj. Gdańsk (ehem. Praust, Kr. Danzig); 49 - Sco-warcz, woj. Gdańsk; 50 - Starogard Gdański, woj. Gdańsk (ehem. Preuss. Stargard); 51 - Zukczyn, woj. Gdańsk; 52 - Święty Wojciech, woj. Gorzów (ehem. Georgshof); 53 - Brojce, woj. Gorzów (ehem. Bratz, Kr. Meseritz); 54 - Łupowo, woj. Gorzów (ehem. Loppow, Kr. Landsberg); 55 - Prądnio, woj. Gorzów; 56 - Słonsk, woj. Gorzów (ehem. Sonnenburg); 57 - Rokutów, woj. Kalisz (ehem. Rokutów, Kr. Pleschen); 58 Zadowice, Woj. Kalisz; 59 - Chmielow Piaskowy, woj. Kielce; 60 - Konin, woj. Konin; 61 - Kwiatków, woj. Konin; 62 - Ciążęń, woj. Konin; 63 - Bagicz, woj. Koszalin; 64 - Buczek, woj. Koszalin (ehem. Butzke, Kr. Belgard); 65 - Drawsko, woj. Koszalin; 66 - Gronowo, woj. Koszalin; 67 - Parsecko, woj.

Koszalin (ehem. Persanzig, Kr. Neustettin); 68 - Zukowice, woj. Legnica; 69 – Rudna Wielka, woj. Leszczno; 70 - Babięta, woj. mazursko-warmińskie (ehem. Babienten, Kr. Sensburg); 71 Czarny Ostrów, woj. mazursko-warmińskie (ehem. Werder, Kr. Gerdauen); 72 – ehem. Alkehnen, woj. mazursko-warmińskie (ehem. Kr. Preußisch Eylau); 73 - Lężany, woj. mazursko-warmińskie (ehem. Loszainen, Kr. Rössel); 74 - Mietkie, woj. mazursko-warmińskie (ehem. Mingfen, Kr. Ortelsburg); 75 - Mojtyny, woj. mazursko-warmińskie (ehem. Moythienen, Kr. Sensburg); 76 - Niedanowo-2, woj. mazursko-warmińskie; 77 - Wielewo, woj. mazursko-warmińskie (ehem. Wilkamm, Kr. Rastenburg); 78 - Wólka, woj. mazursko-warmińskie (ehem. Dietrichswalde, Kr. Sensburg); 79 - Zwierzewo, woj. mazursko-warmińskie (ehem. Abbau Thierberg, Kr. Osterode); 80 - Chorula, woj. Opole; 81 - Lewin Brzeski, woj. Opole; 82 - Brzeznica, woj. Piła; 83 - Jablonowo, woj. Piła (ehem. Jablonowo, Kr. Kolmar); 84 - Kąkolewie, woj. Piła; 85 Krzyszownica, woj. Piła (ehem. Westfelde, Kr. Mogilno); 86 Kuznica Zelichowska, woj. Piła (ehem. Selchowhammer, Kr. Filehne); 87 - Peckowo, woj. Piła; 88 - Penczkowo, woj. Piła (ehem. Penskowo, Kr. Filehne); 89 - Rzadkowo, woj. Piła; 90 - Drozdowo, woj. Płock; 91 Kowalewko, Woj. Poznań; 92 - Młodzikowo, woj. Poznań; 93 - Podlesie Wysokie-2, woj. Poznań; 94 - Poznań-Szeląg, woj. Poznań (ehem. Schilling, Kr. Posen); 95 Słopanowo, Woj. Poznań; 96 Przywóz, woj. Sieradz; 97 - Charnowo, woj. Słupsk (ehem. Arnshagen, Kr. Stolp); 98 - Czarnowko, woj. Słupsk; 99 - Gostkowo, woj. Słupsk (ehem. Gustkow, Kr. Bütow); 100 - Lubowidz, woj. Słupsk (ehem. Luggewiese, Kr. Lauenburg i. P.); 101 - Siecie, woj. Słupsk (ehem. Zietzen, Kr. Stolp); 102 - Bogaczewo-Kula, woj. Suwałki (ehem. Bogatzewen-Kullabrücke, Kr. Lotzen); 103 - Gąsior, woj. Suwałki (ehem. Jasowska-See, Kr. Sensburg); 104 - Grodzisko, woj. Suwałki (ehem. Grodzysko, Kr. Angerburg); 105 - Koczek, Suwałki (ehem. Kotzek, Kr. Ortelsburg); 106 - Leśniewo, woj. Suwałki (ehem. Furstenau, Kr. Rastenburg); 107 – Osinki, woj. Suwałki; 108, 109 - Osowa, woj. Suwałki (ehem. Ossowken, Kr. Goldap); 110 - Ruska Wies, woj. Suwałki (ehem. Reußien, Kr. Angerburg; не отимечено); 111 - Szwajcaria, woj. Suwałki; 112 - Zywa Woda, woj. Suwałki; 113 - Wilkasy, woj. Suwałki (ehem. Willkassen, Kr. Lötzen); 114 - Konzewo, woj. Suwałki (ehem. Kontzewen, Kr. Johannsburg); 115 - Bierzwnik, woj. Szczecin (ehem. Marienwalde, Arnswalde); 116 - Borek, woj. Szczecin (ehem. Borkow); 117 - Kostrzyn, woj. Szczecin (ehem. Kustrin); 118 - Letnin, woj. Szczecin (ehem. Letmin, Kr. Pyritz); 119 - Moskorzyn, woj. Szczecin; 120 - Podansko, woj. Szczecin (ehem. Puddenzig, Kr. Kammin); 121 - Smolnica, woj. Szczecin (ehem. Barfelde, Kr. Königsberg); 122 - Jalecino, woj. Szczecin (ehem. Sallentin, Kr. Pyritz); 123 – Gostkowo Folsąg, woj. Toruń (ehem. Gostkau, Kr. Thorn); 124 – Grębocin, woj. Toruń; 125 - Lunowo, woj. Toruń; 126 - Janowo, woj. Toruń; 127 - Kowalewo, woj. Toruń; 128 - Parski, woj. Toruń; 129 - Rządź, woj. Toruń (am Rondsener See bei Graudenz); 130 - Lajski, woj. Warszawa; 131 - Michałkowo, woj.

Włocławek; 132 - Ostrowite, woj. Wrocław; 133 - Grabice, woj. Zielona Góra (ehem. Reichersdorf, Kr. Guben); 134 - Luboszyce, woj. Zielona Góra; 135 - Sadarcevice, woj. Zielona Góra (ehem. Sadersdorf); 136 - Drzecin, woj. Zielona Góra (ehem. Trettin, Kr. Westernberg); 137 - Grzmiąca, woj. Zielona Góra; 138 - Rapice, woj. Zielona Góra (ehem. Rampitz, Kr. West-Sternberg); 139 – Starosiedle, woj. Zielona Góra (ehem. Starzeddel, Kr. Guben); 140 – Брест-Тришин, Брестский р-н; 141 - Карьерное, Гвардейский р-н (ehem. Imten, Kr. Wehlau); 142 – ehem. Tengen, Kr. Heiligenbeil; 143 - Коврово, Зеленоградский р-н (ehem. Dollkeim, Kr. Fischhausen); 144 - Лётное, Зеленоградский р-н (ehem. Tenkietten, Kr. Fischhausen); 145 - Поваровка, Зеленоградский р-н (ehem. Kirpehnen, Kr. Fischhausen); 146 - Rudaičiai, Kretinga raj.; 147 - Pajuostis, Panevezys raj.; 148 Gailiši, Jelgawa raj.; 149 - Rukava, Liepāja raj. (ehem. Rutzau); 150 - Sojvide, Gotland; 151 - Langlot, Öland; 152 - Bosgaard, Bornholm; 153 Kannikegaard, Bornholm (по: Hauptmann T., 1998, Abb. 8).

Рис. 20. Инвентарь погр. «2107» могильника Kirpehnen/Поваровка (по: Jankuhn H., 1933, Abb. 10).

Рис. 21. Инвентарь погр. 39 могильника бывш. Tengen (по: Jaskanis J., 1977, рис. 25, k,m).

Рис. 22. Фибулы типа AV,111 в комплексе погр. Do-34 Dollkeim/Коврово (Кулаков В.И., 2004, рис. 26).

Рис. 23. Инвентарь погр. 119 могильника Gr. Ottenhagen/Берёзовка (Гвардейский р-н) (по: Czilińska-Drapella A., 2009-2010, tabl. 6).

Рис. 24. Инвентарь погр. (?) «1047» могильника Kirpehnen/Поваровка (Зеленоградский р-н) (по: Кулаков В. И., 1998, с. 48, рис. 215).

Рис. 25. Распространение фибул типа AVI,126: 1 – Gile; 2 – Gjølstруп; 3 – Møllegårdsmarken; 4 – Marlow; 5 – Gr. Grünow/Gronowo; 6 – Czarnówko; 7 – Warmhof/Cieple; 8 – Janowo; 9 – Moythienen/Mojtyny; 10 – Kirpehnen/Поваровка; 11 – Gr. Ottenhagen/Берёзовка; 12 – Masłomęcz (Mączyńska M., Rudnicka D., 2004, Abb. 15, с дополнениями автора).

Рис. 26. Распространение фибул типа AVI,130: 1 – Kowalewko; 2 – Odry; 3 – Kamieniza Szlacheczka; 4 - Czarnówko; 5 - Luggewiese/Lubowidz; 6 – Praust/Pruszcz Gdański; 7 – Pr. Stargard/Starogard Gdański; 8 – Willenberg/Malbork-Wielbark; 9 – Pollwitten/Połowite; 10 - Kirpehnen/варовка; 11 – бывш. Grebieten; 12 – Skardelies Wald/Алейка-3; 13 – Wiekau/Хрустальное; 14 – Lauth/Б. Исаково; 15 – Cecele (по: Mączyńska M., Rudnicka D., 2004, Abb. 16, с дополнениями автора).

Рис. 27. Инвентарь погр. V могильника Kirpehnen/Поваровка (Зеленоградский р-н) (по: Jaskanis J., 1977, s. 314; Nowakowski W., 1996, Taf. 83,7-11).

Рис. 28. Распространение фибул типа AVI,133: 1 – Kirpehnen/Поываровка; 2 - Gr.

Ottenhagen/Берёзовка; 3 – Imten/Карьерное (по: Nowakowski W., 1998, Abb. 1 с дополнениями автора).

Рис. 29. Инвентарь погр. погр. А-275 могильника Skardelies Wald/Алейка-3 (по: Skvortsov K., 2009, fig. 14.1).

Рис. 30. Инвентарь погр. Do-30 могильника Dollkeim/Коврово (Зеленоградский р-н) (по: Czilińska-Drapella A., 2009-2010, tabl. 23).

Рис. 31. Инвентарь погр. III могильника Kirpehnen/Поваровка (Зеленоградский р-н) (по: Wilbers-Rost S., 1994, Taf. 9,a,b).

Рис. 32. Инвентарь погр. б/№ могильника Lehndorf (Зеленоградский р-н) (по: Nowakowski W., 1996, Taf. 8,1-7).

Рис. 33. Бронзовая свастикообразная фибула типа АХ,232 из пруда в имении Bregden/Вавилово (частная коллекция).

Рис. 34. Инвентарь погр. 2 могильника Corjeiten/Путилово (Зеленоградский р-н) (Prussia-Sammlung, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin).

Рис. 35. Фибулы Monströse и их непосредственные предшественницы в составе типологической группы Almgren VII.

Рис. 36. Распространение фибул Monströse на фазах C₁ и C₂.

Рис. 37. Фибула и ауреус из могильника Brandenburg/Ушаково (1) и фибула из бывш. Gebieten - G(Nord)-177.

Рис. 38. Погр. 150 грунтового могильника Weklise-7: план (слева) и часть инвентаря (справа). На плане стрелками указаны места положения фибул Monströse.

Рис. 39. Часть инвентаря погр. 10 Lubieszewo.

Рис. 40. Фибулы М, типологически близкие прототипу этих фибул – застёжкам типа AVI,168: 1 – Lietuva/Литва; 2 – Polowity; 3 – Grunajki-D.

Рис. 41. Арбалетовидные фибулы из погр. 261 могильника Геройское (бывш. Eisliethen).

Рис. 42. Арбалетовидные фибулы с накладками на ножку: 1 – погр. 184 могильника Геройское; 2 – погр. X (раск. 1905 г.) могильника Nowe Boczwiniki; 3 – погр. 150 могильника бывш. Greibau.

Рис. 43. Фибулы с «луковичными навершиями» и их прототипы (по Almgren, 1923, Taf. I, VIII; 22a - Böhme-Schönberger, 1998, Abb. Abb. 7,1,2).

Рис. 44. Изображение консула 400 г. Magister militum Stilicho на левой створке диптихона из Монца (по: von Freedon U., von Schnurbein S., 2002, Abb. 543).

Рис. 45. Фибулы с «маковидными» кнопками: 1 - Jerusalem, aus den Gräbern der « Protheten », 2 – Gr. 381 Gräberfeld Jaunieikai (Bezirk Jonishki Litauens), 3 - Kollektion des Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, Inv. Nr 28.195, 4 - Grab 38 Gräberfeld Tumiany

(Warmińsko-Mazurskie Wojwodschaft Polens), 5 - Hügel 2 Hügelgräberfel Geistautai (Bezirk Liepaja Lettlands) (nach: 1 - Schulze-Dörrlamm M., 2000, Abb. 5,3; 2 - Bliujiene, 2002, fig. 8,3; 3 - Kulakov, Šimėnas, 1992, Abb. 1,2, 4, 5 - Кулаков 1990, Abb. 3,9; 4,1).

Рис. 46. «Варварские» реплики фибул с «луковичными навершиями» в низовьях рек Эльбы (1-3) и Вислы (6, 7), в черняховском ареале (4, 5): 1, 2 – Pritzier, тип Leutenkirch и Leipferdingen (Kr. Ludwigslust, Mecklenburg-Vorpommern); 3 – тип Ulm, 4 – Bîrlad-Valea-Seaca, погр. 342; 5 – Izvoare-Neamt, погр. 10; 6 – бывш. Greibau, Kr. Samland, погр. 56 (найдена среди кальцинированных костей в урне с сосудом-приставкой, янтарной бусиной, с бронзовым кольцом и с железной пряжкой), 7 – Wielbark, погр. 548 (1-3 – по: Voß, 1998a, Abb. 3,3,4; Abb. 9,1,2,4; 5; 7 – Kazanski, 1998, fig. 5,2-6; 6 - Tischler, Kemke, 1902, Taf. V,19).

Рис. 47. Реплики фибул с «луковичными навершиями» в исторической Пруссии: 1 - Spychówko, woj. Warmińsko-Mazurskie, погр. 136; 2 – Ost-Preußen; 3 – Первомайское, Багратионовский р-н, погр. Wa-42 (бывш. Warnikam, Kr. Heiligenbeil); 4 – Люблино, Зеленоградский р-н, погр. Se-24 (бывш. Seerappen bei Metgethen, Kr. Samland) /1 – урна, известная лишь по аналогиям, 2-4 – бронзовые фибулы, пряжка, шайбовидная янтарная бусина, узкий оселок, умбон и рукоять щита/; 5 - Люблино, Зеленоградский р-н, погр. Se-25 /1, 2 – бронзовые фибулы, 3 – один из двух сосудов-приставок, урна, маленькая пряжка, рамка пряжки прямоугольной формы и другие находки/. (1, 2 – Nowakowski, 1995, Tab. XVII, 10, 11; 3 – Кулаков, 1997, рис. 9; 4, 5 - Tischler, Kemke, 1902, S. 36).

Рис. 48. План и вещевого комплекс погр. L-25 грунтового могильника Б.Исаково, Гурьевский р-н (бывш. Lauth, Kr. Königsberg) (рис. Скворцова К.Н. и Кулакова В.И.).

Рис. 49. Вещевой комплекс погр. H-59k грунтового могильника Гора Великанов, Зеленоградский р-н (бывш. Hünenberg bei Rantau-Neu Kuhren, Kr. Samland): 1 – бронзовая фибула; 2, 3 – бронзовые пряжка и поясная накладка (обоймица ?), 4 – наконечник копья, 5 – обломок бронзового кольца (от древка копья ?), 6 – боевой нож, 7 – лощёный сосуд-приставка, 8 – бронзовый пинцет; 9 - урна (рисунок любезно предоставлен К.Н. Скворцовым из его личного архива).

Рис. 50. Римская портупея типа balteus (слева - реконструкция К.фон Карнап-Борнхайм и Й. Илкера) и пряжки к ней: 1 - Torsberg, 2 – Størtinge, 3 – Jogučiai, 4 – Prussia-Museum (по: v.Carnap-Bornheim, Ilkjær, 1996, Tab. 13; 1-3 – Tamulinas, 2005, 4.pav., 4 – фонды КОИХМ).

Рис. 51. Распространение подвязных фибул типа AVII,172 с фасетками на спинке:

1 - Байів, Волынская обл., Украина, погр. 20; 2 - Боромель, Ровненская обл., Украина, 2 экз.; 3 - Brulino Koski, woj. mazowieckie, Polska, погр. 27; 4 - Budești, Moldova, погр. 128; 5

- Cecele, woj. podlaskie, Polska, погр. 26, 283, 370, 374; 6 - Чернелів Руський, Тернопольская обл., Украина, погр. 146; 7 - Черняхов, Киевская обл., Украина, погр. 256. 2 экз.; 8 - Харакс, Крым, Украина, погр. 33; 9 - Dančeny, Moldova, погр. 118; 10 - Davinge, Fyn, Danmark, погр. 4; 11 - Деревянное, Киевская обл., Украина, погр. 4; 12 - Drosing, Niederösterreich, случ. находка; 13 - Dzierżęcino, woj. zachodniopomorskie, Polska, погр. 21; 14 - Grunden/Grądy Krukłaneckie, woj. warmińsko-mazurskie Polska, погр. 65; 15 - Градижк, Полтавская обл., Украина, поселение; 16 - Gródek nad Bugiem, woj. lubelskie, Polska, погр. 28; 17 - Gródek nad Bugiem, woj. lubelskie, Polska, поселение; 18 - Gudme III, Sjælland, Danmark; 19 - Hanegti, jud. Botojani, Romania, погр. 13; 20 - Hrubieszów-Antonówka, woj. lubelskie, Polska, погр.; 21 - Iași-Nicolina, Romania, поселение; 22 - Izvorul, jud. Giurgiu, Romania, погр. 21 (?); 23 - Jartypory, woj. mazowieckie, Polska, погр.; 24 - Jarrestad, Sverige, погр., 2 экз.; 25 - Jois, Niederösterreich, случ. находка; 26 - Косаново. Винницкая обл., Украина, погр. 2, 15; 27 - Костинцы, Черкасская обл., Украина, поселение; 28 - Kozłówko, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 7 (?); 29 - Krosno, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 192; 30 - Letcani, jud. Iași, Romania, погр. (?); 31 - Leczna, woj. lubelskie, Polska, погр. 32; 32 - Malbork-Wielbark, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 4C; 33 - Mihălășeni, jud. Botoșani, Romania, погр.; 34 - Miorcani, jud. Botoșani, Romania, погр. 20 (?), 55; 35 - Modła, woj. mazowieckie, Polska, погр. 28, 38, 65; 36 - Mogoșani, jud. Dimbovita, Romania, погр. 12, 17; 37 - Nerwik, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр. 1; 38 - Neuhaus, Lkr. Uckermark, Deutschland, погр.; 39 - Niedanowo, woj. mazowieckie, Polska, погр. 109, 543; 40 - Оселівка, Черновицкая обл., Украина, погр. 41; 41 - Ostróda, woj. warmińsko-mazurskie, Polska, погр.; 42 - Piwonice, woj. Wielkopolskie, Polska, поселение; 43 - Pruszcz Gdański, woj. pomorskie, Polska, погр.; 44 - Roskilde, Fyn, Denemark, погр., 2 экз.; 45 - Самчинцы, Винницкая обл., Украина, поселение; 46 - Sejflod, Jylland, Denemark, погр. ОО (2 экз.), XF; 47 - Sîntana de Mureș, Romania, погр. 48 (?); 48 - Smedehoj, Fyn, Denemark, погр.; 49 - Stara Wieś, woj. mazowieckie, Polska, погр. 9 (?); 50 - Танаис (Недвиговка), Ростовская обл., кург. 1, погр. 1; 51 - Танаис (Недвиговка), Ростовская обл., город; 52 - Tirgșor, jud. Poiești, Romania, погр. 1 (?), 139; 53 - Tiszavalk, Magyar, погр. 1, 12; 54 - Вилы Яругские, Винницкая обл., Украина, погр. 4 (?); 55 - Велемичи, Гомельская обл., Беларусь, погр.; 56 - Waltersdorf, Lkr. Dahme-Spreewald, Deutschland, поселение; 57 - Вербицка, Хмельницкая обл., Украина, случ. находка; 58 - Wola Branicka, woj. łódzkie, Polen. Siedlungsfund (Moszczyński 2000, 209, Abb. 7, 19); 59 - Wola Korytnicka, woj. mazowieckie, Polska, случ. находка; 60 - Zerniki Wielkie, woj. dolnośląskie, Polska, погр. 8; 61 - Зиновиччина, Тернопольская обл., Украина, погр.; 62 - Żukowo, woj. zachodniopomorskie, Polska, погр. 2, 2 экз.; 63 - Dollkeim/Коврово, Зеленоградский р-н, Каплининградская обл., погр. Do-370; 64 - Lauth/Б. Исаково,

Гурьевский р-н, Калининградская обл., погр (по: Schuster J., 2004, Abb. 4 с добавлениями автора).

Рис. 52. Инвентарь погр. Do-370 (Кулаков В.И., 2007, рис. 219).

Сокращения:

КОИХМ – Калининградский Областной историко-художественный музей

М. – Москва

РА – Российская археология

САИ – Свод археологических источников

СПб – Санкт-Петербург

BAR – British Archaeological Reports

RGK – Römisch-Germanische Kommission

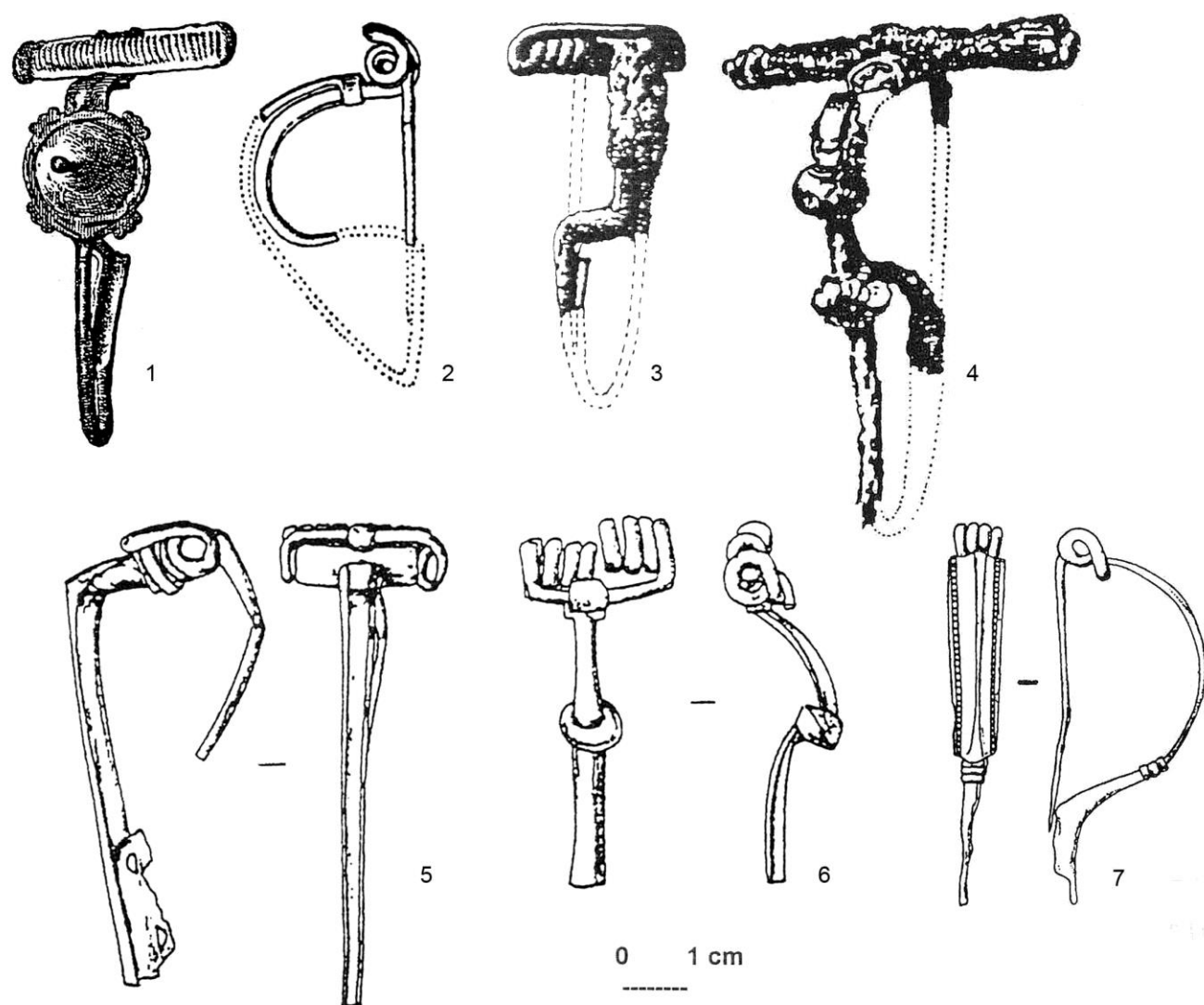

Рис. 1. Древнейшие фибулы эстиев.

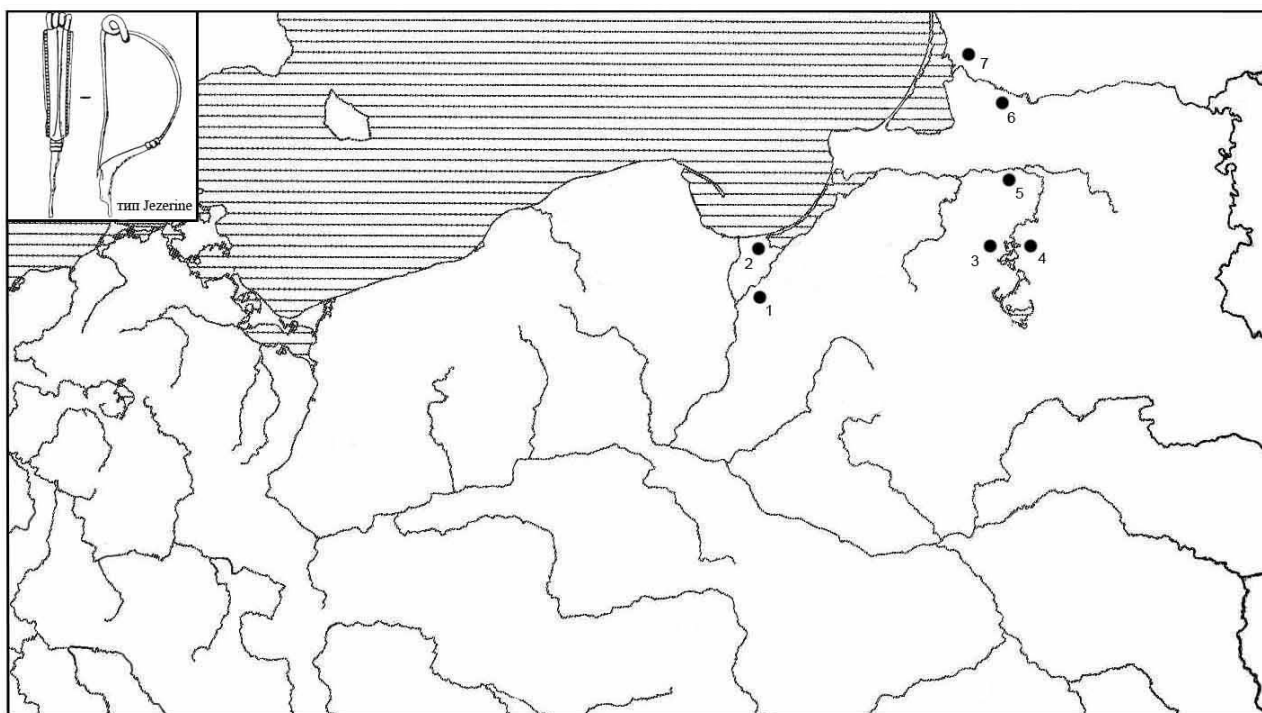
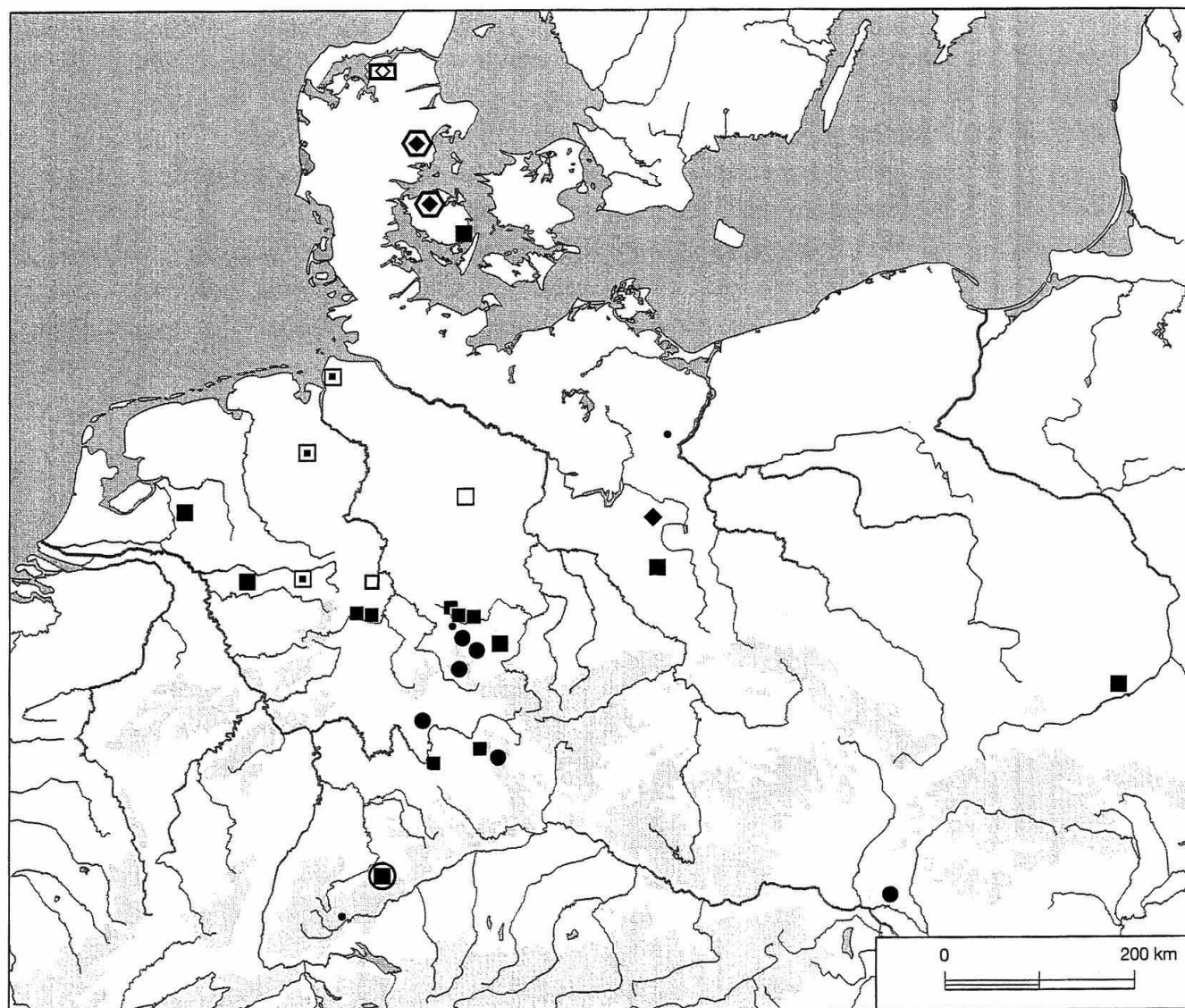

Рис. 2. Распространение фибул типа Jezerine (по: Nowakowski W., 2009, рис. 5).

◇ ◆ следы производства («ювелир»)
 □ ■ следы производства
 незалитый значок - раннеримское время

● следы производства
 • свидетельства производства
 залитый значок - позднеримское время

□ погребение
 ⬡ клад
 ○ городище

durch: Voss H.-U., 1998, Ab. 3a.

Рис. 3. Археологические свидетельства деятельности мастерских в раннеримское время (по: Voß H.-U., 1998, Abb. 3a).

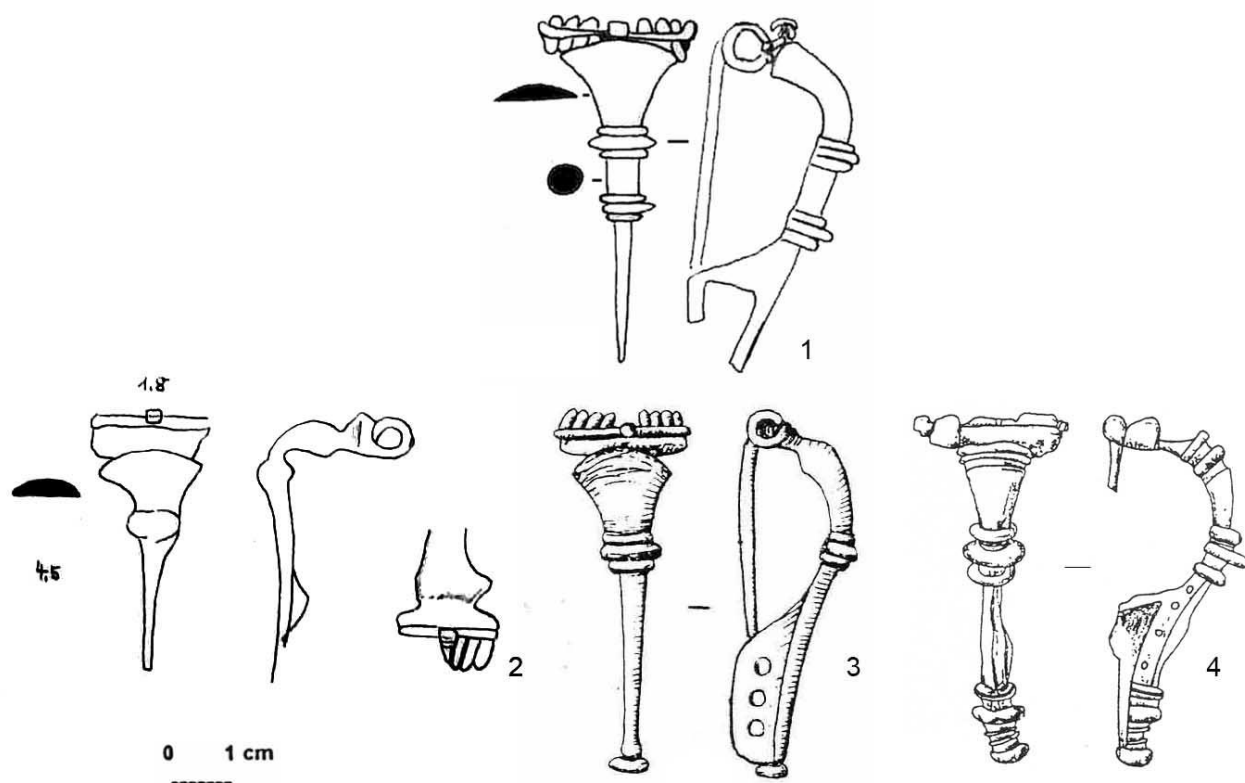

Рис. 4. Первые провинциально-римские фибулы в древностях эстиев.

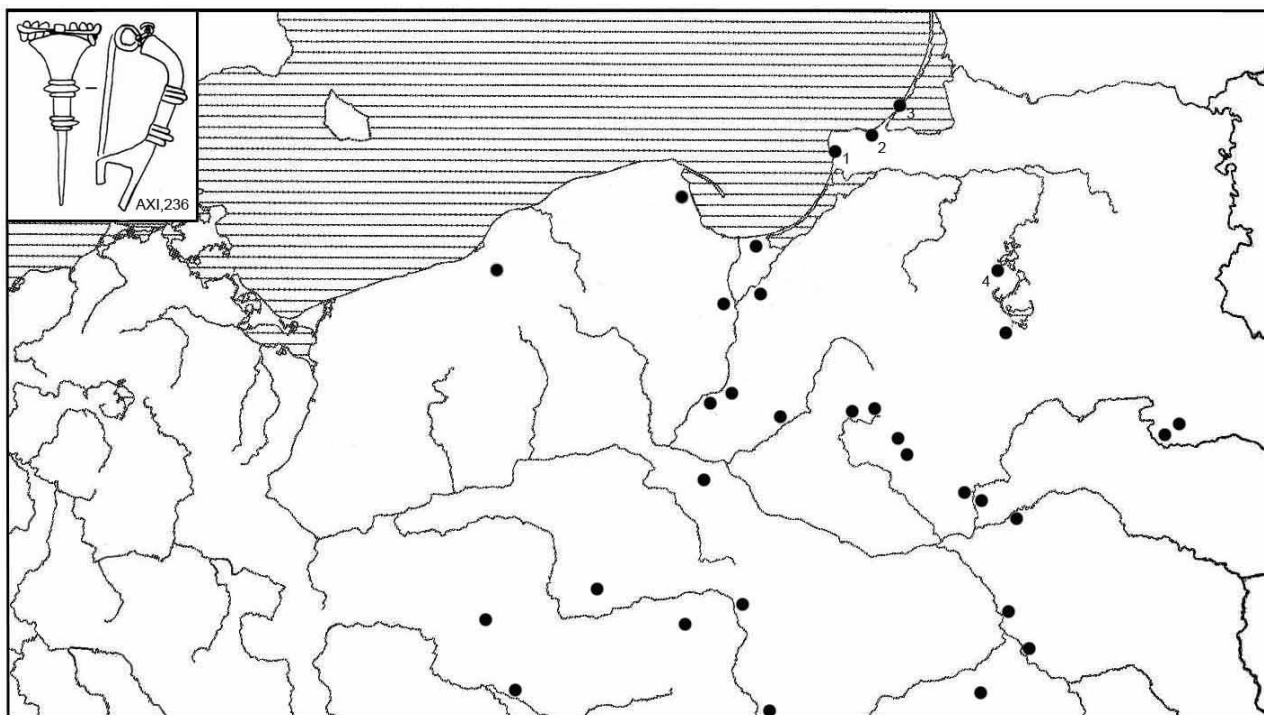

Рис. 5. Распространение фибул типа AXI,236 (по: Andrzejowski J., 1998, ryc. 1).

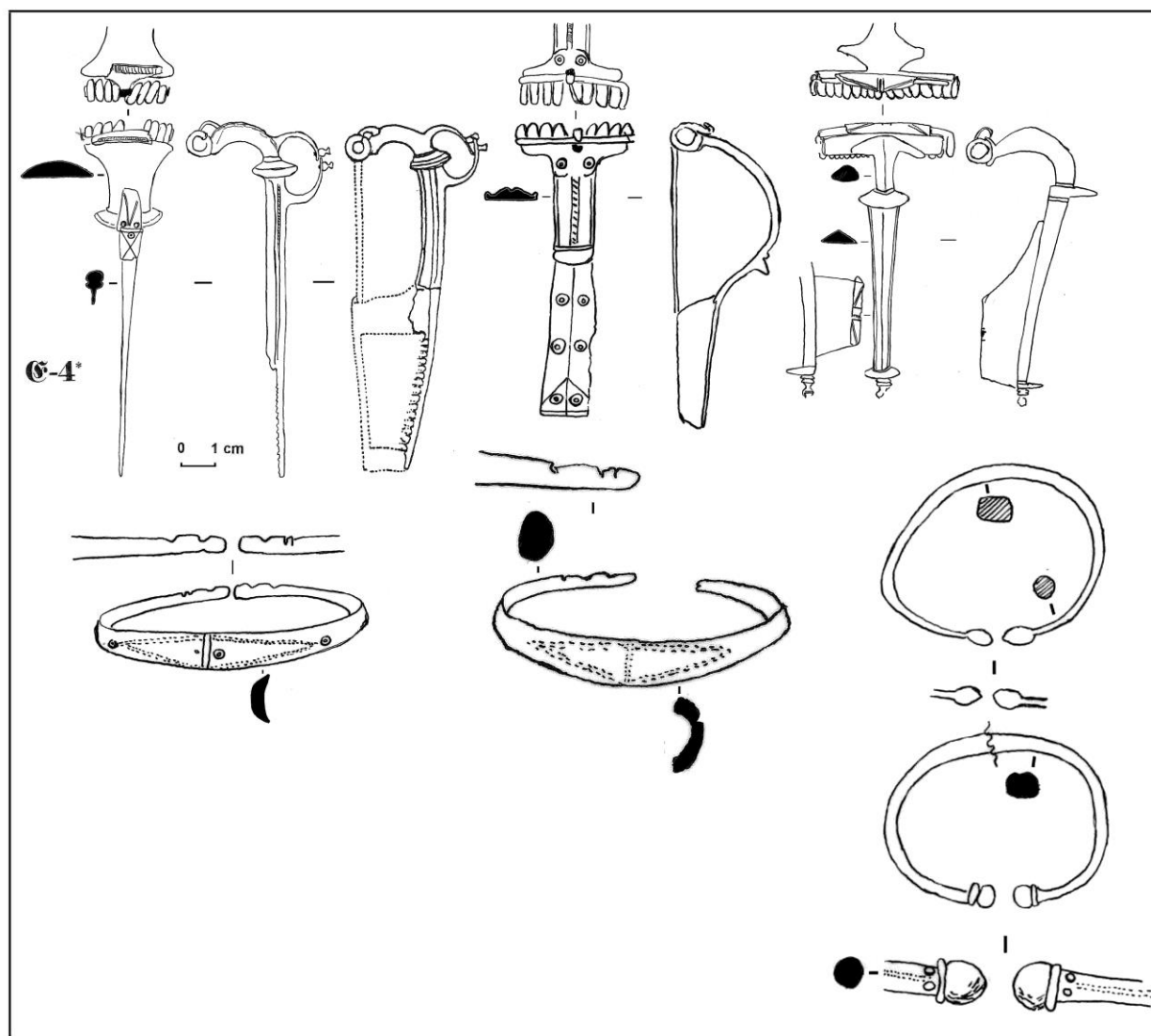

Рис. 6. Инвентарь погр. 4 Eisliethen/Геройское-Рощино, Зеленоградский р-н (Archiv R. Grenz).

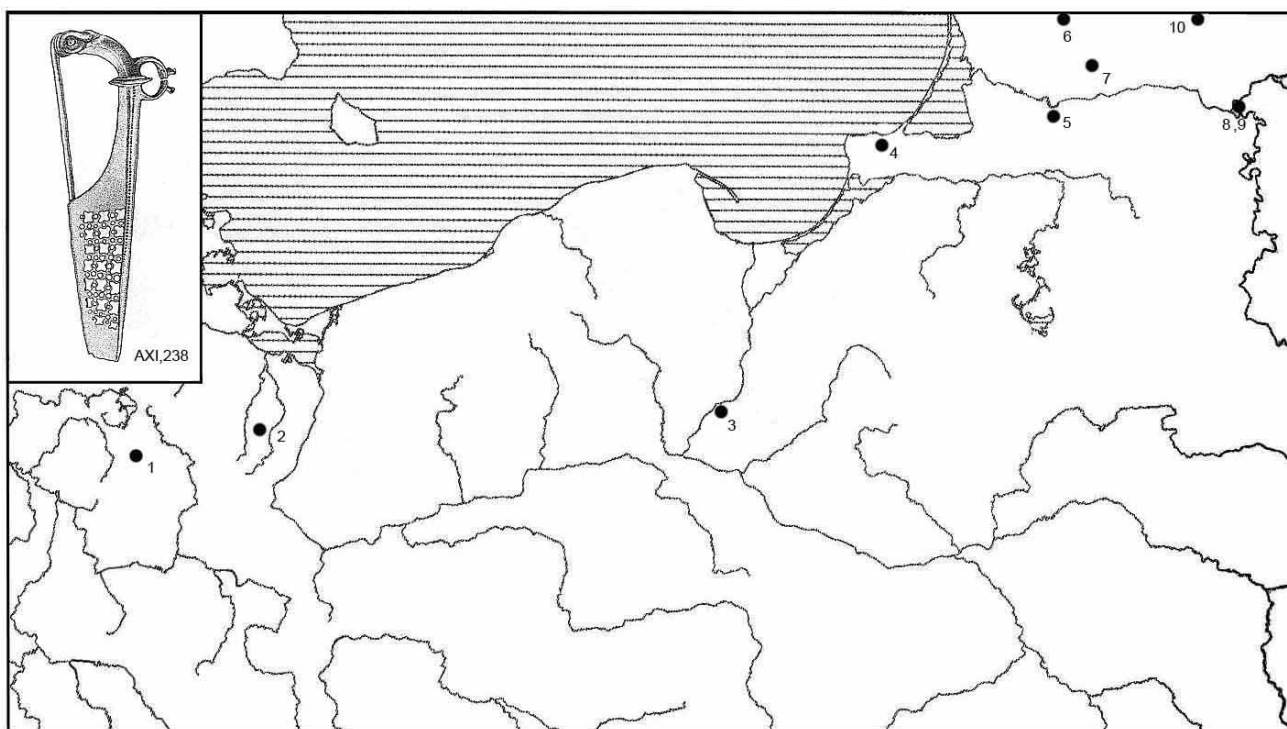

Рис. 7. Распространение фибул типа AXI,238 (по: Michelbertas M., 2001, Karte, с добавлениями автора).

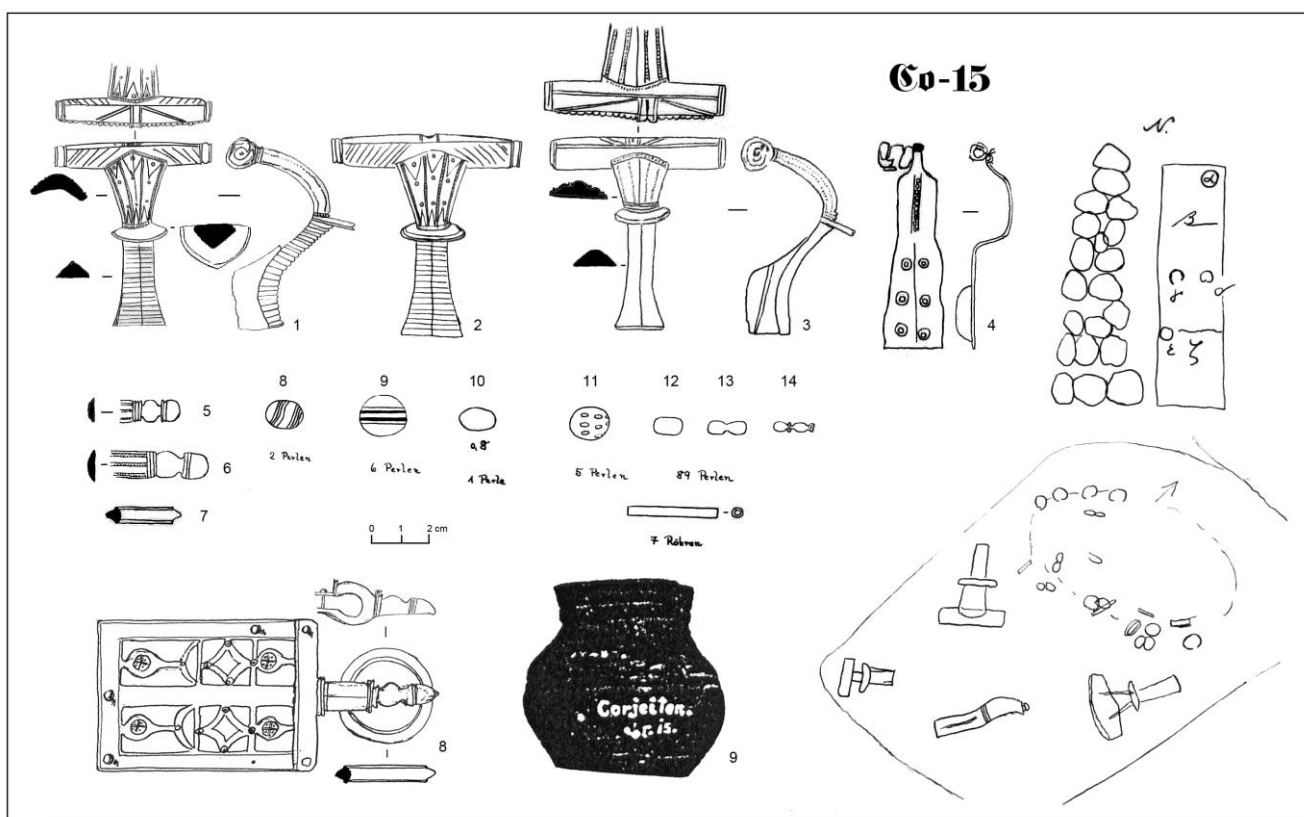

Рис. 8. Инвентарь погр. 15 могильника Путилово, Зеленоградский р-н (Archiv H. Jankuhn).

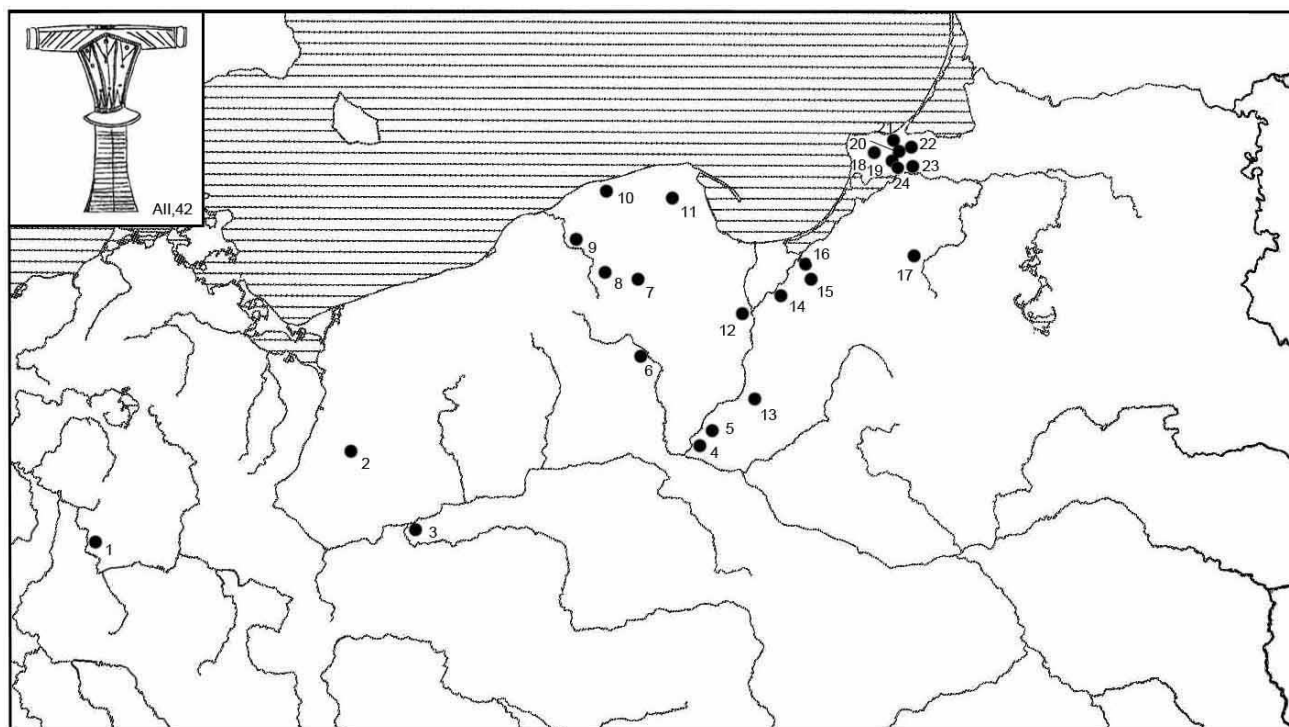

Рис. 9. Распространение фибул типа АII,42 (по Ołędzki M., 1998, Abb. 18 с дополнениями).

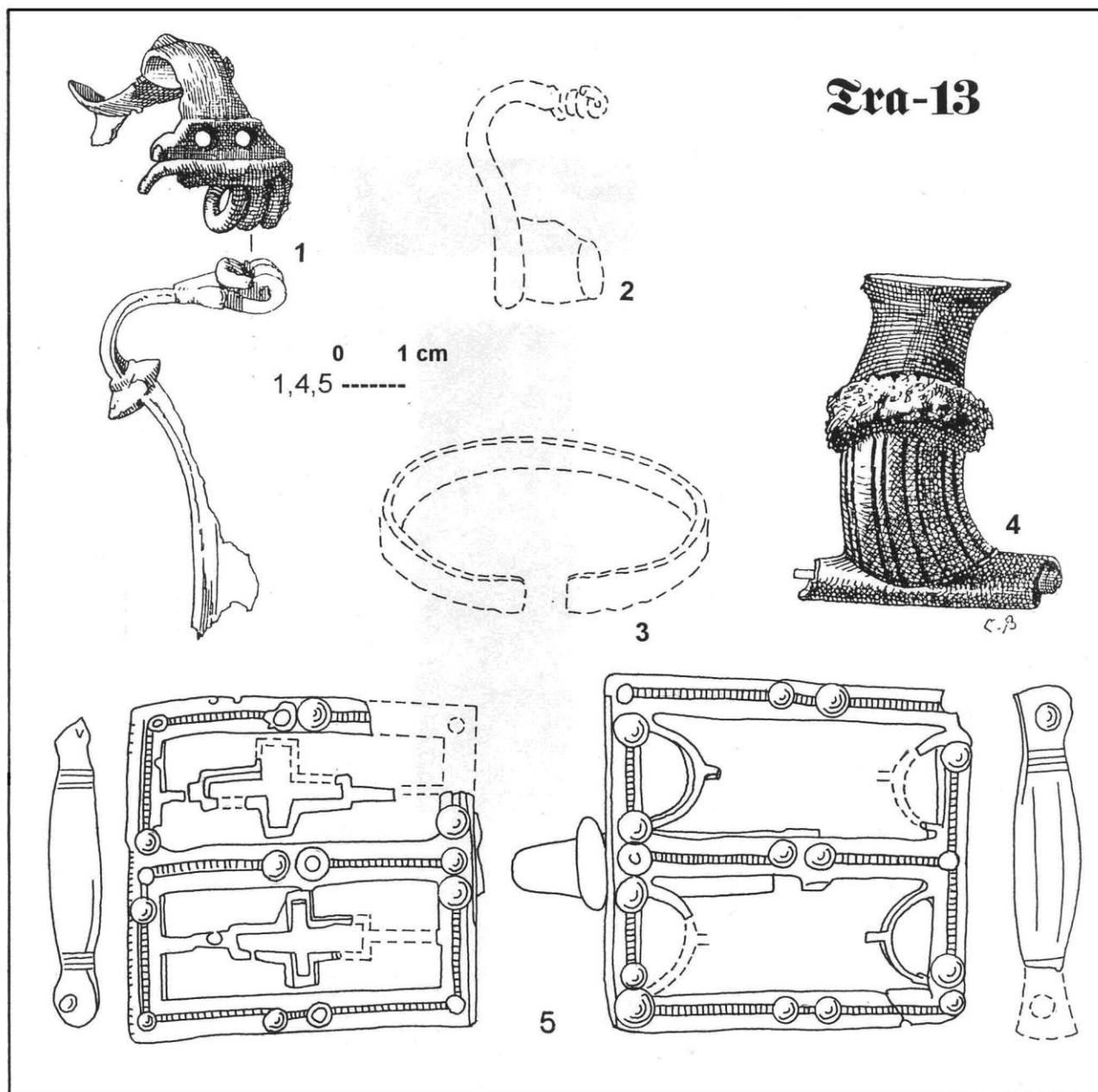

Рис. 10. Инвентарь погр. 13 могильника Trausitten, Кг. Königsberg/в черте г. Гурьевска, Гурьевский р-н.

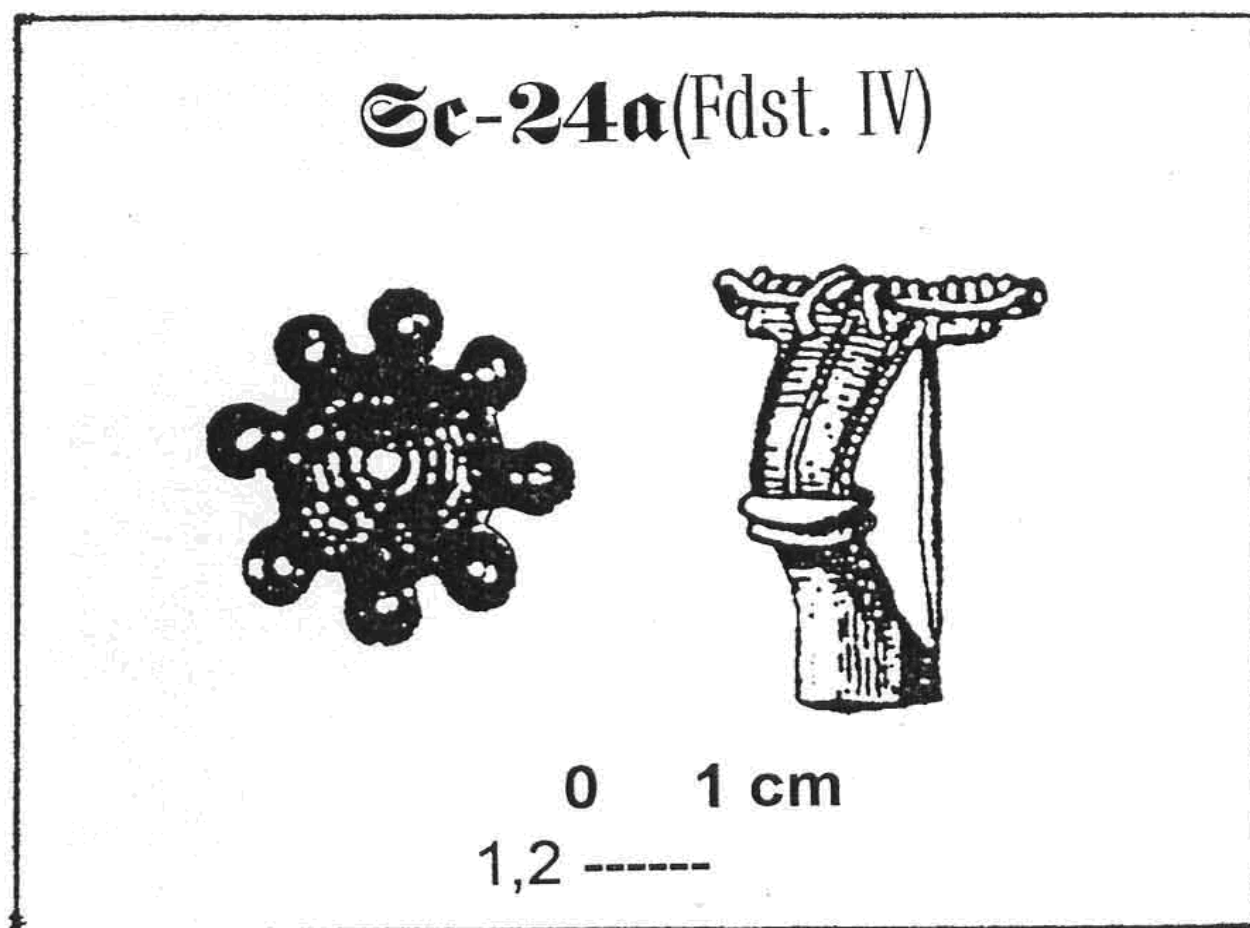

Рис. 11. Инвентарь погр. 24 а могильника Schlakalken/Ярославское, Зеленоградский р-н (Jaskanis J., 1977, s. 260).

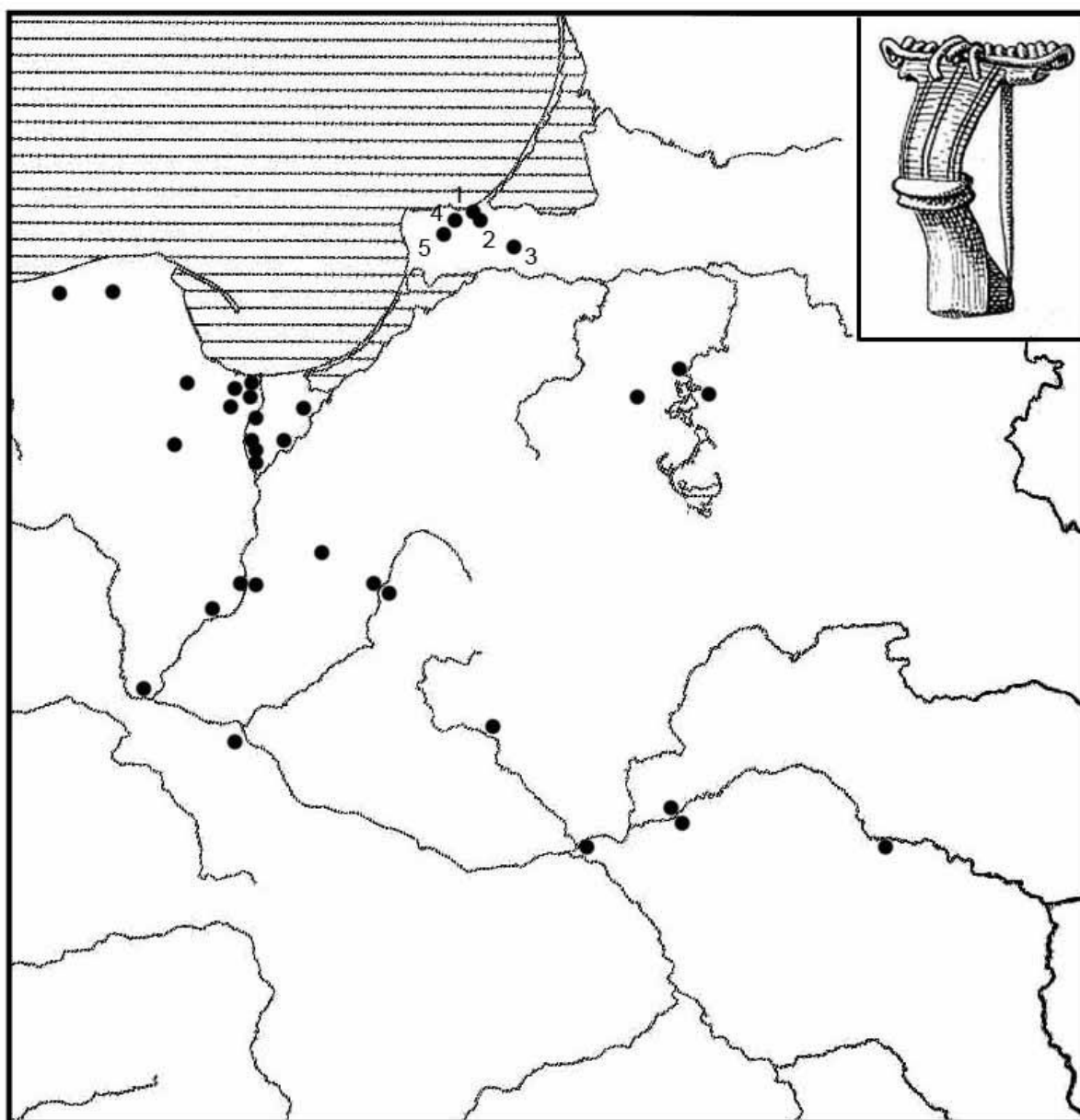

Рис. 12. Распространение «глазчатых» фибул в восточной части Barbaricum (по: Kunow J., 2002, Taf. I).

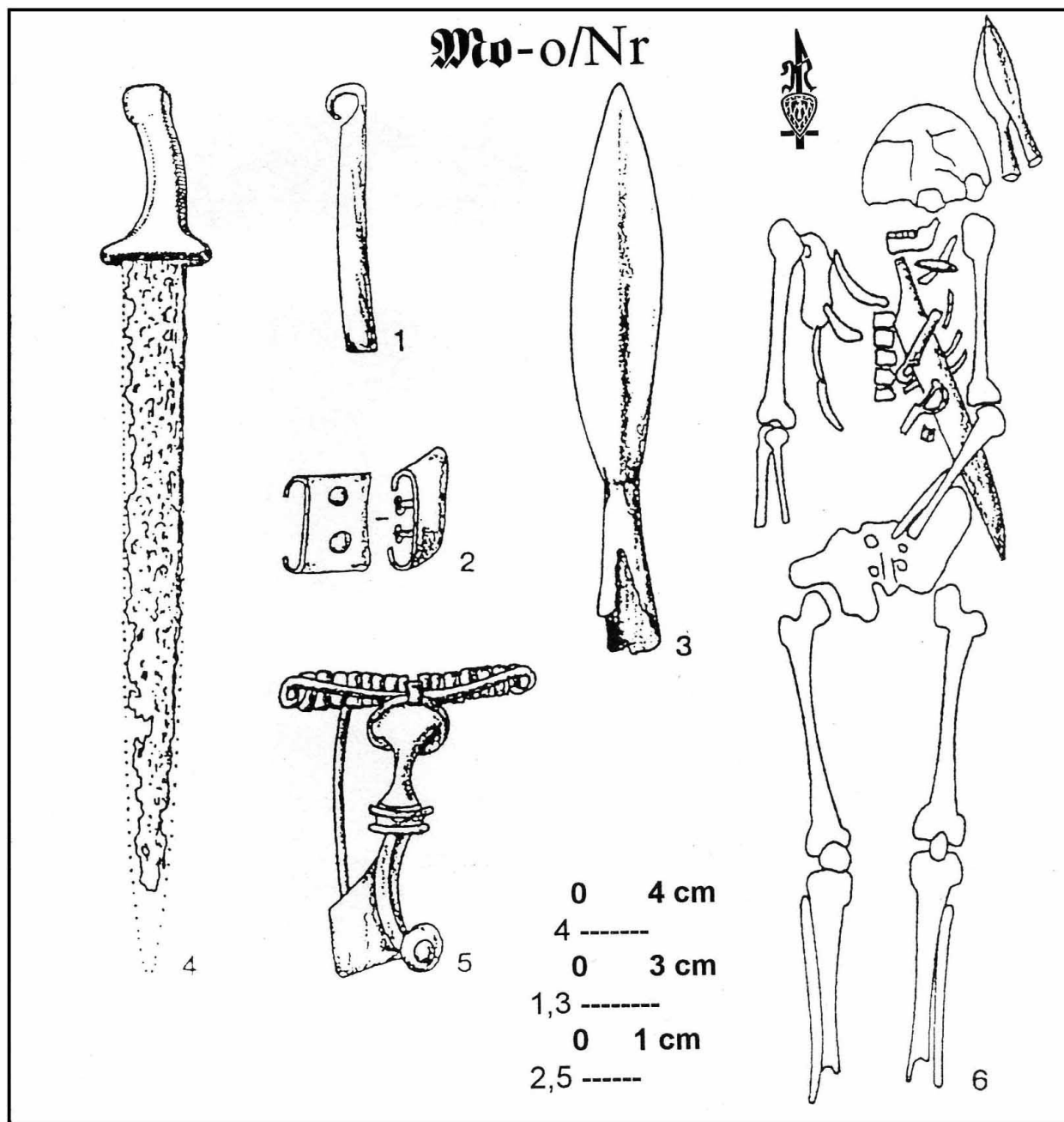

Рис. 13. План и инвентарь погр. б/№ могильника Moritten/Сибирское (по: Nowakowski W., 1996, Taf. 90,1-6).

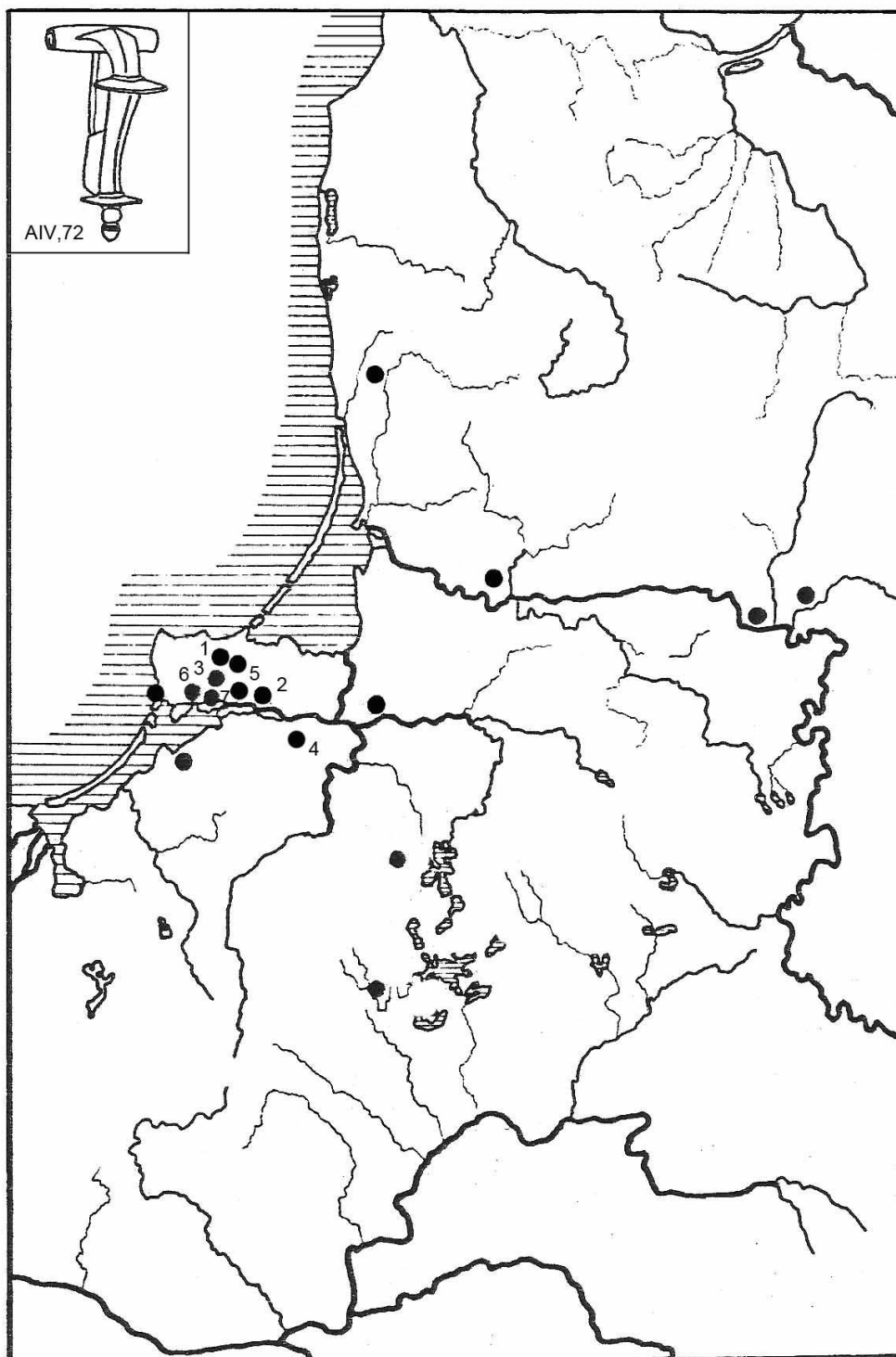

Рис. 14. Распространение в юго-восточной Балтии фибул типа AIV,72 (по: Nowakowski W., 1991, гус.3 с добавлениями автора).

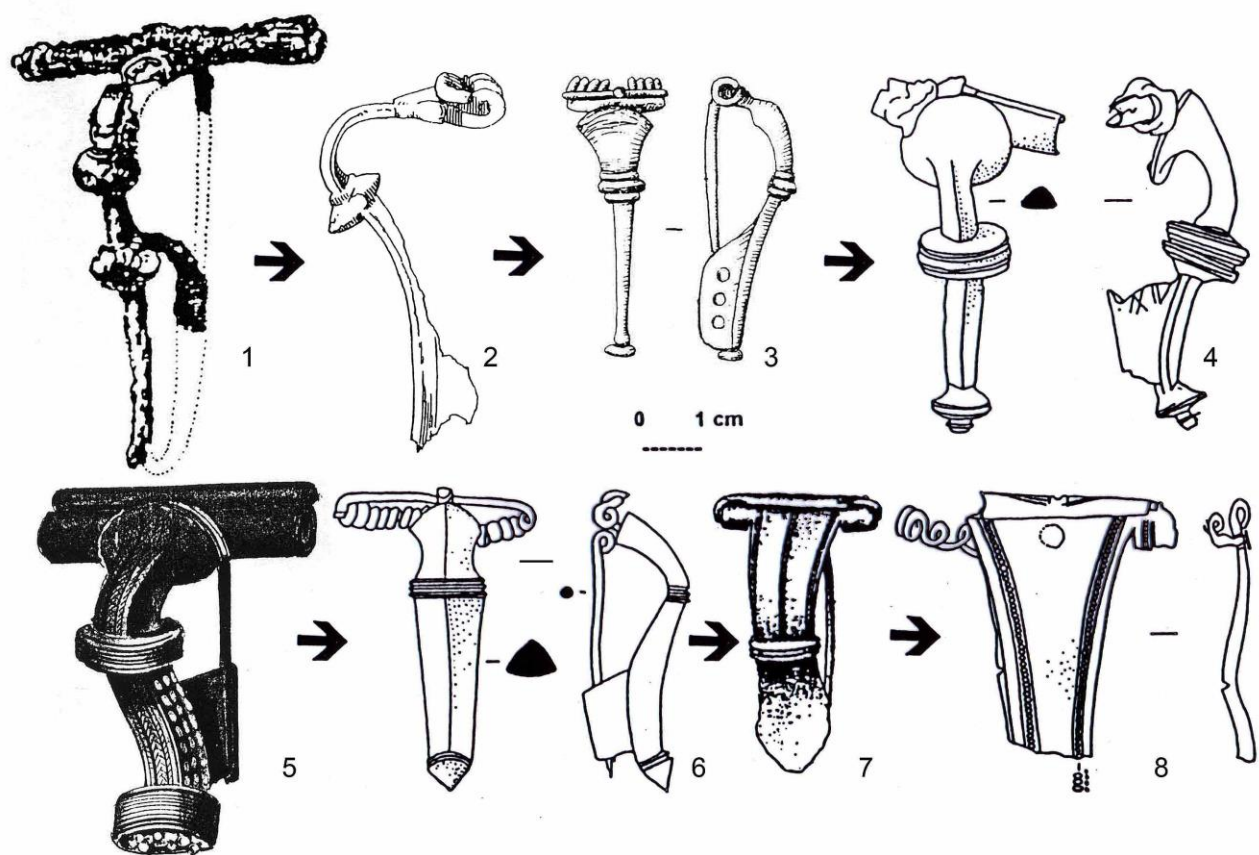

Рис. 15. Происхождение и развитие дисковидного расширения на ножках провинциально-римских фибул I в. до н.э. – II в. н.э. (по: Кулаков В.И., 2001, рис. 2).

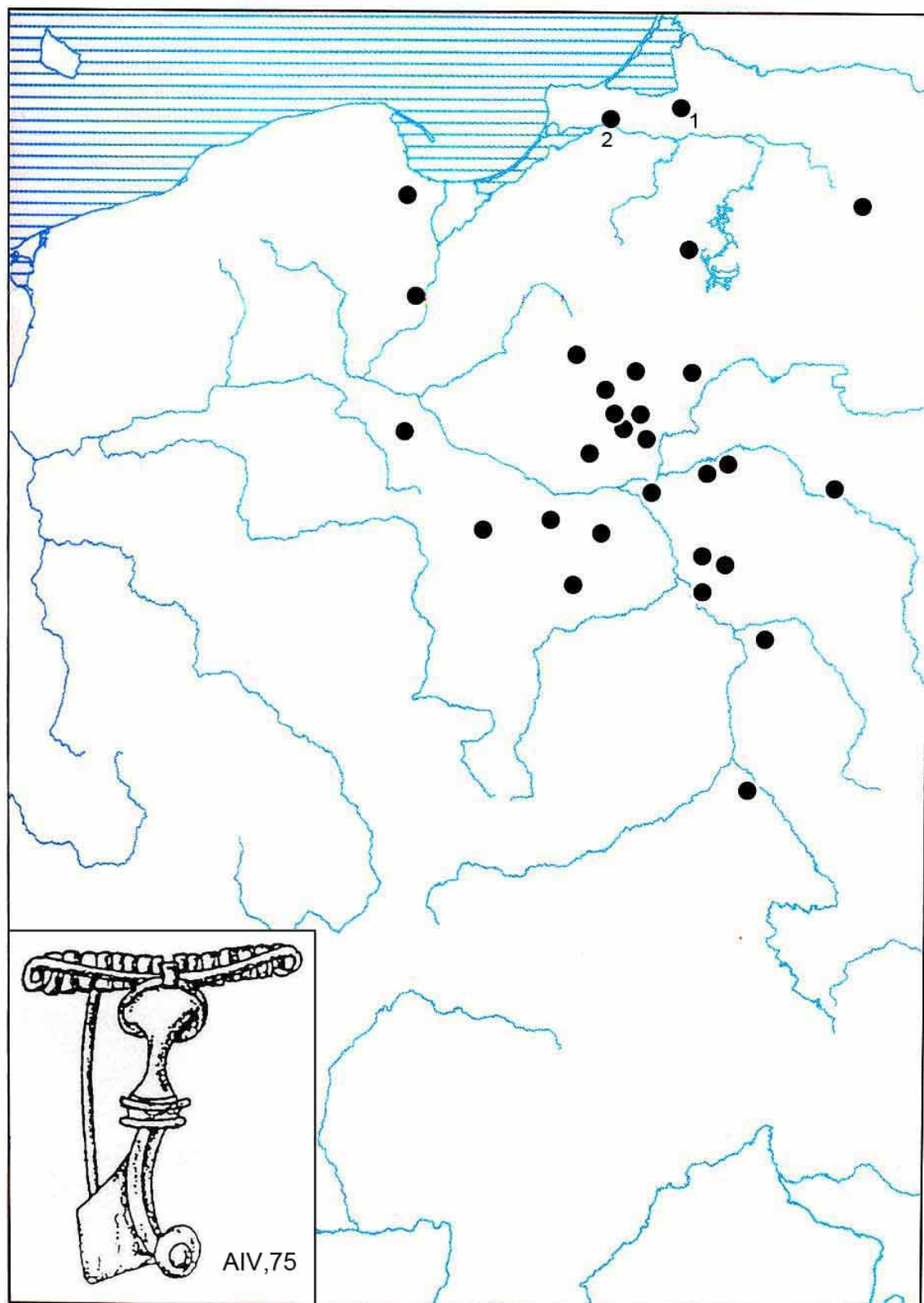

Рис. 16. Распространение фибул типа AIV,75 р. 5) (по: Dąbrowska T., 1998, Abb. 2).

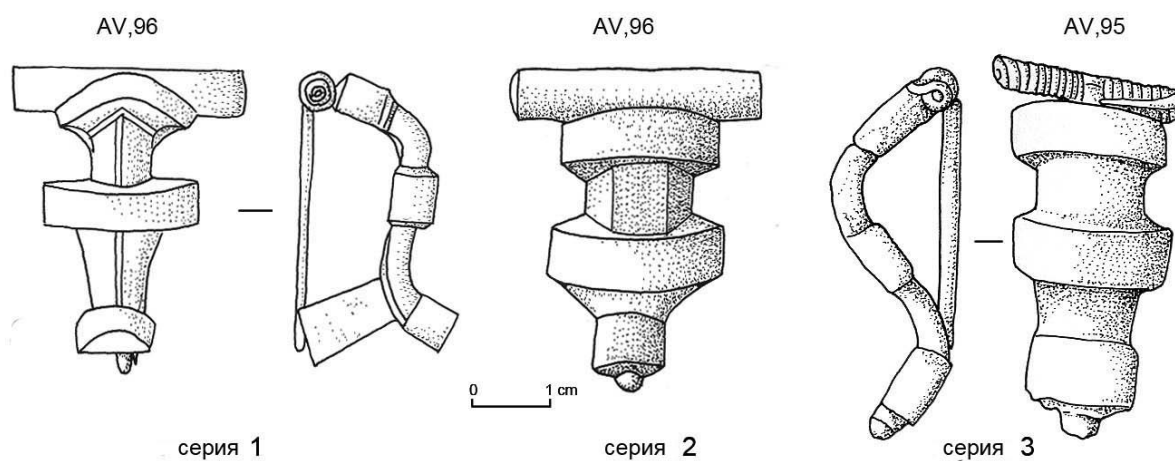

Рис. 17. Варианты серии 1 ранних перекладчатых фибул (по: Hauptmann T., 1998, Abb. 3).

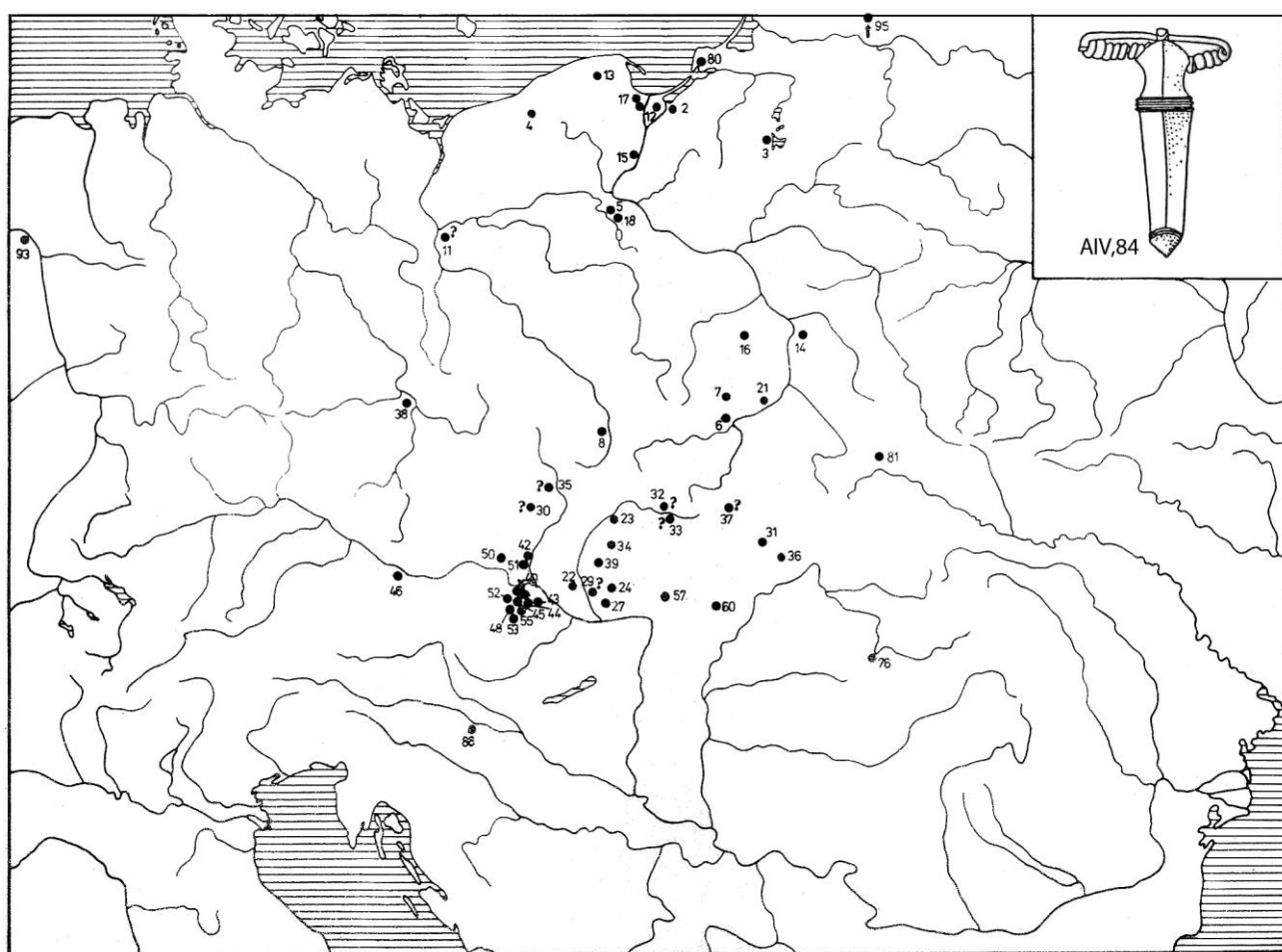

Рис. 18. Распространение фибул типа AIV,84 по Главному (Великому) янтарному пути (Dąbrowska T., 1998, Karte 1).

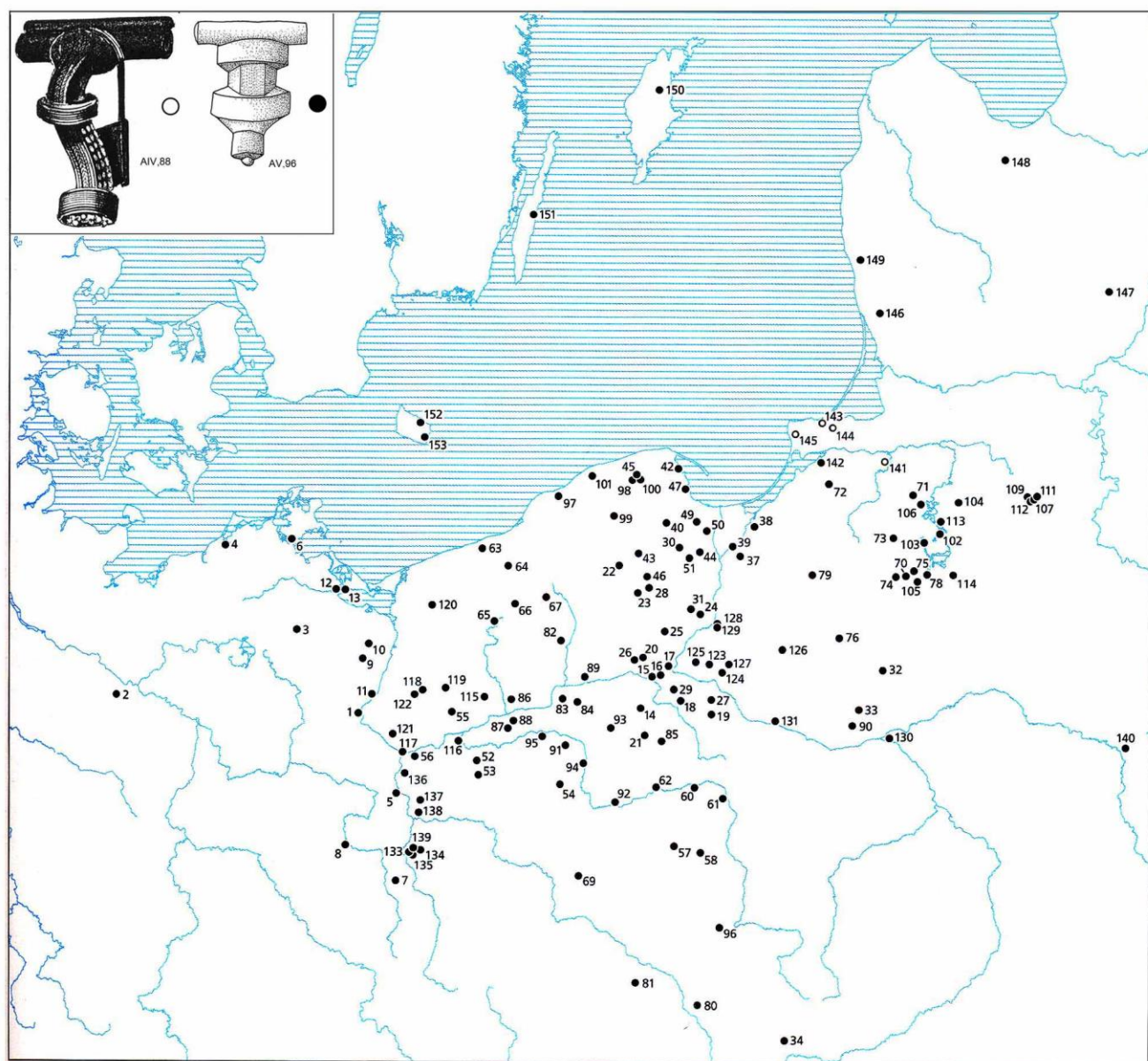

Рис. 19. Распространение ранних форм перекладчатых фибул группы 1 (по: Hauptmann Т., 1998, Abb. 8).

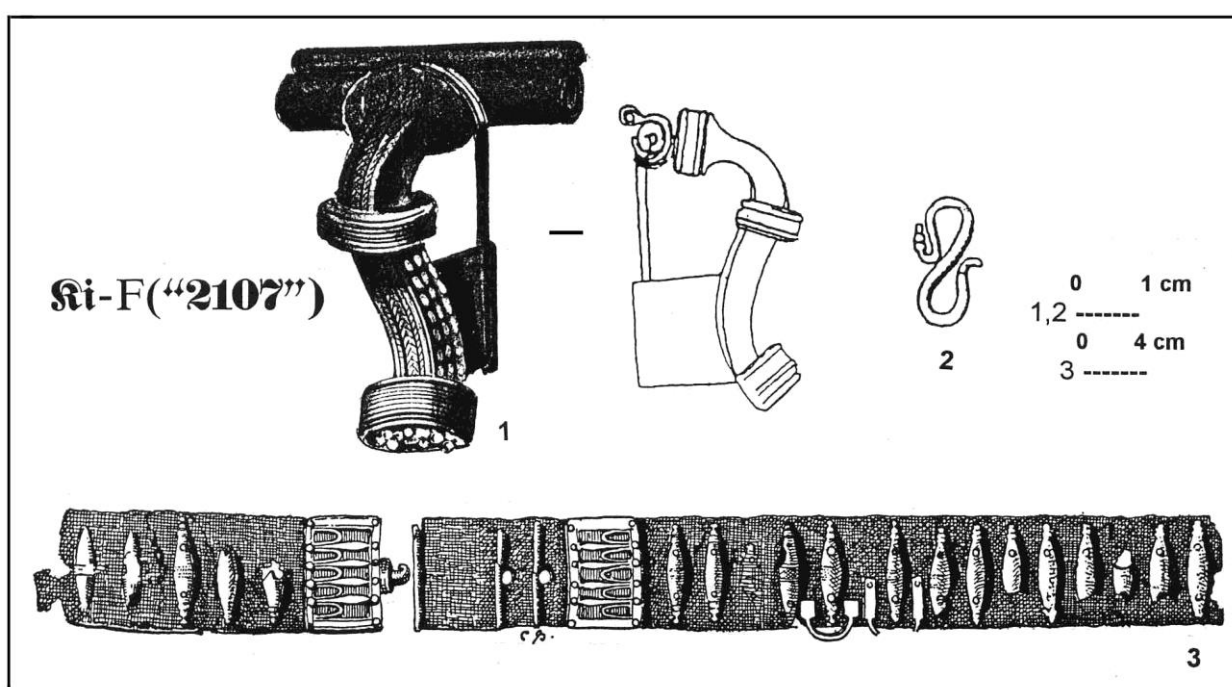

Рис. 20. Инвентарь погр. «2107» могильника Kırreppen/Поваровка (по: Jankuhn H., 1933, Abb. 10).

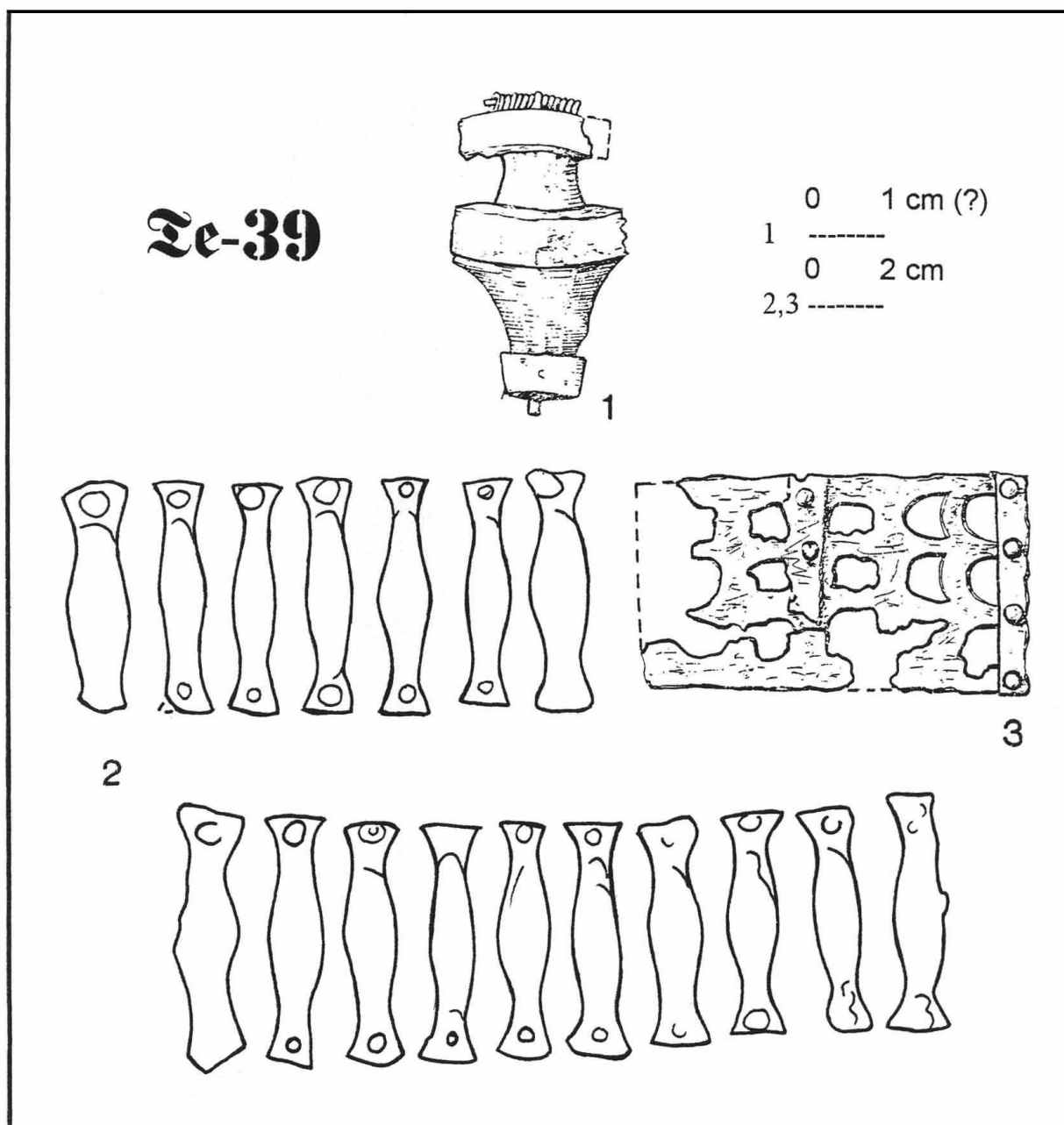

Рис. 21. Инвентарь погр. 39 могильника бывш. Tengen (по: Jaskanis J., 1977, рис. 25, k,m).

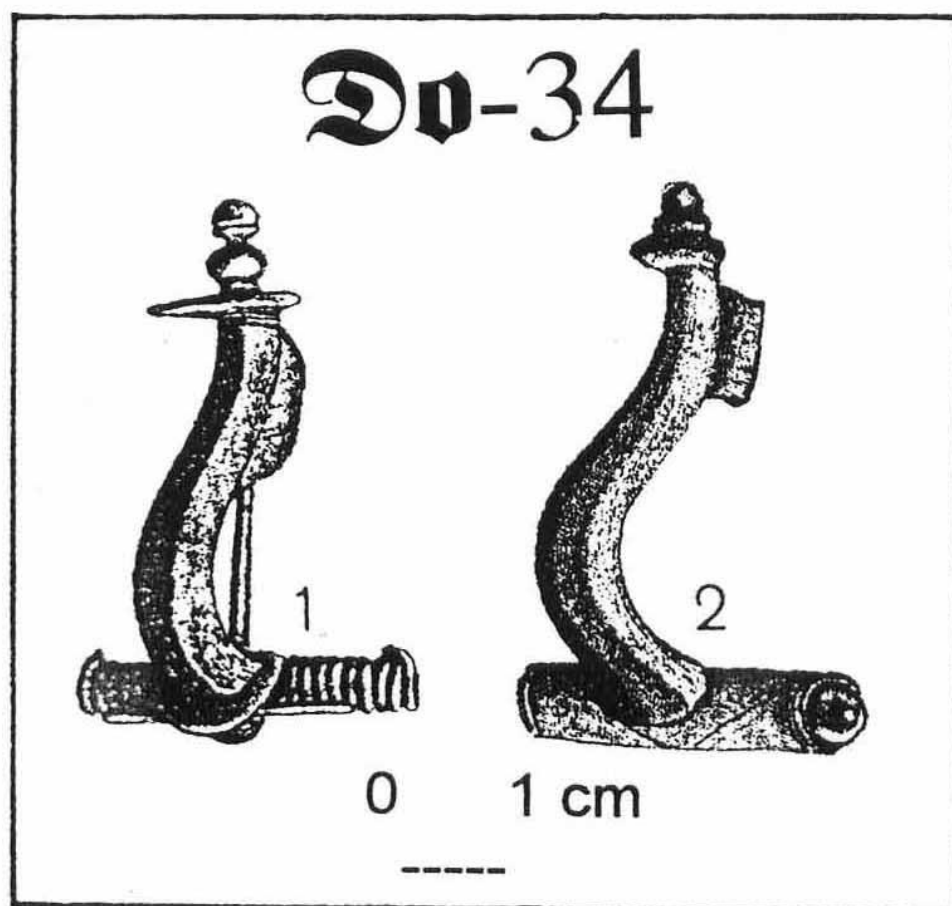

Рис. 22. Фибулы типа AV,111 в комплексе погр. Do-34 Dollkeim/Коврово (Кулаков В.И., 2004, рис. 26).

Рис. 23. Инвентарь погр. 119 могильника Gr. Ottenhagen/Берёзовка (Гвардейский р-н) (по: Czilińska-Drapella A., 2009-2010, tabl. 6).

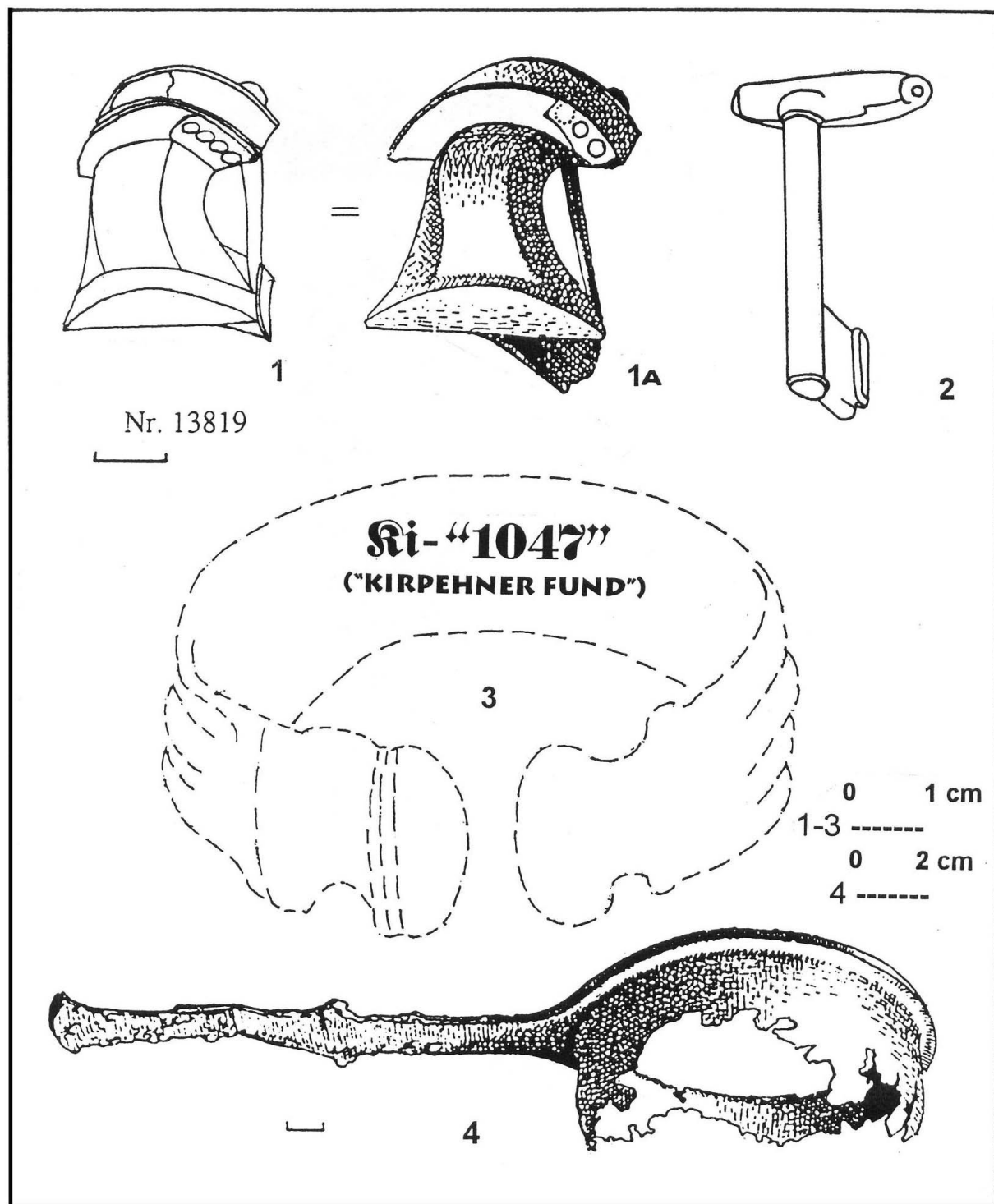

Рис. 24. Инвентарь погр. (?) «1047» могильника Кірпешен/Поваровка (Зеленоградский р-н) (по: Кулаков В. И., 1998, с. 48, рис. 215).

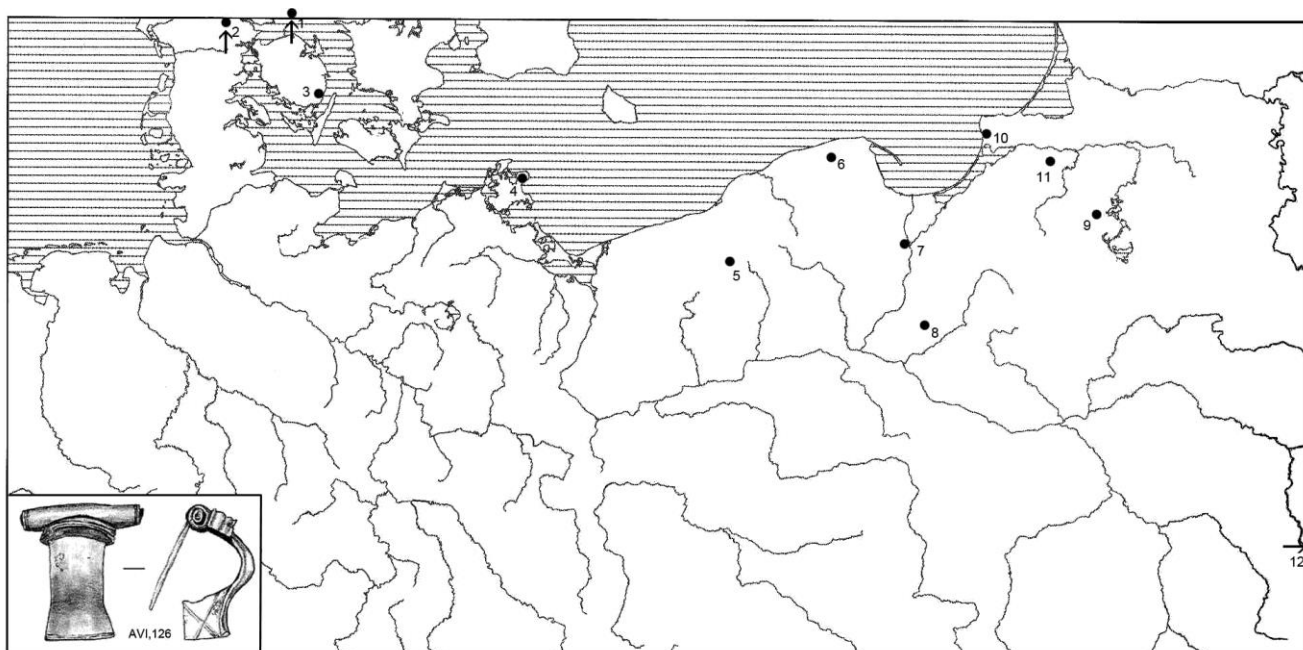

Рис. 25. Распространение фибул типа AVI,126 (Mączyńska M., Rudnicka D., 2004, Abb. 15, с дополнениями автора).

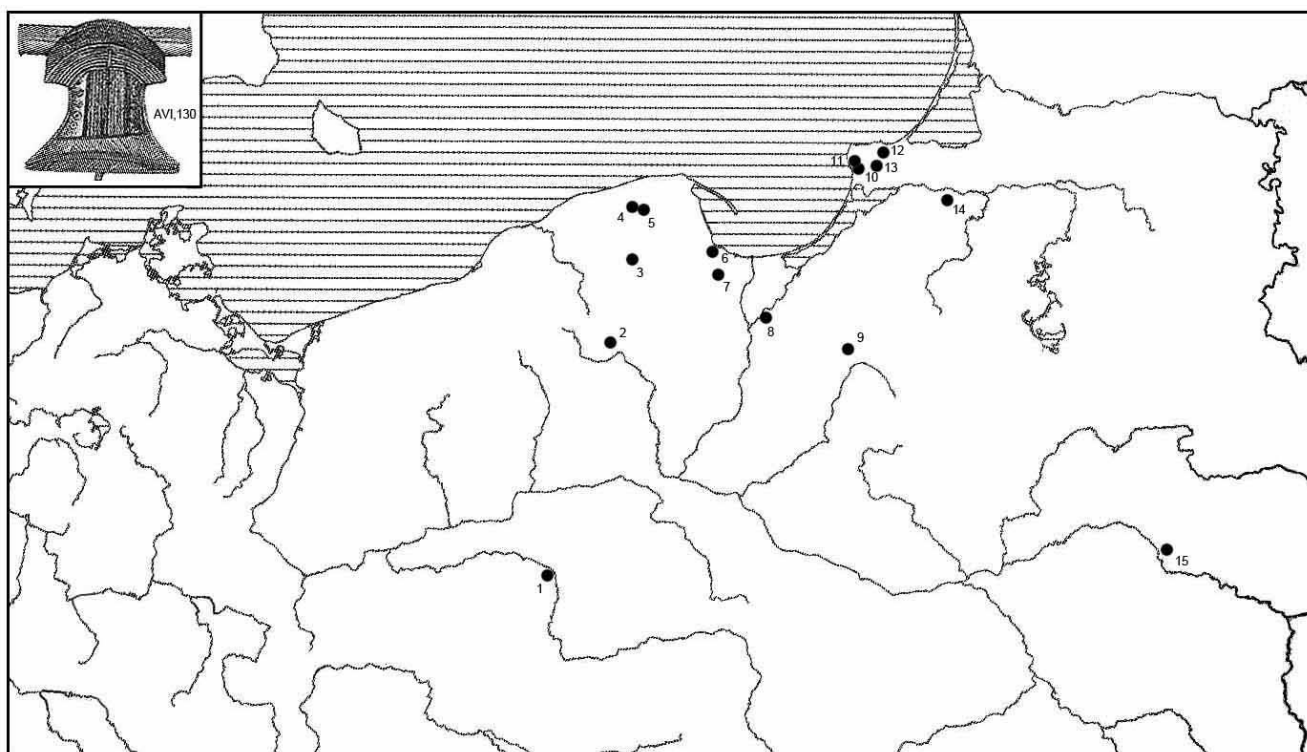

Рис. 26. Распространение фибул типа AVI,130 (по: Mączyńska M., Rudnicka D., 2004, Abb. 16, с дополнениями автора).

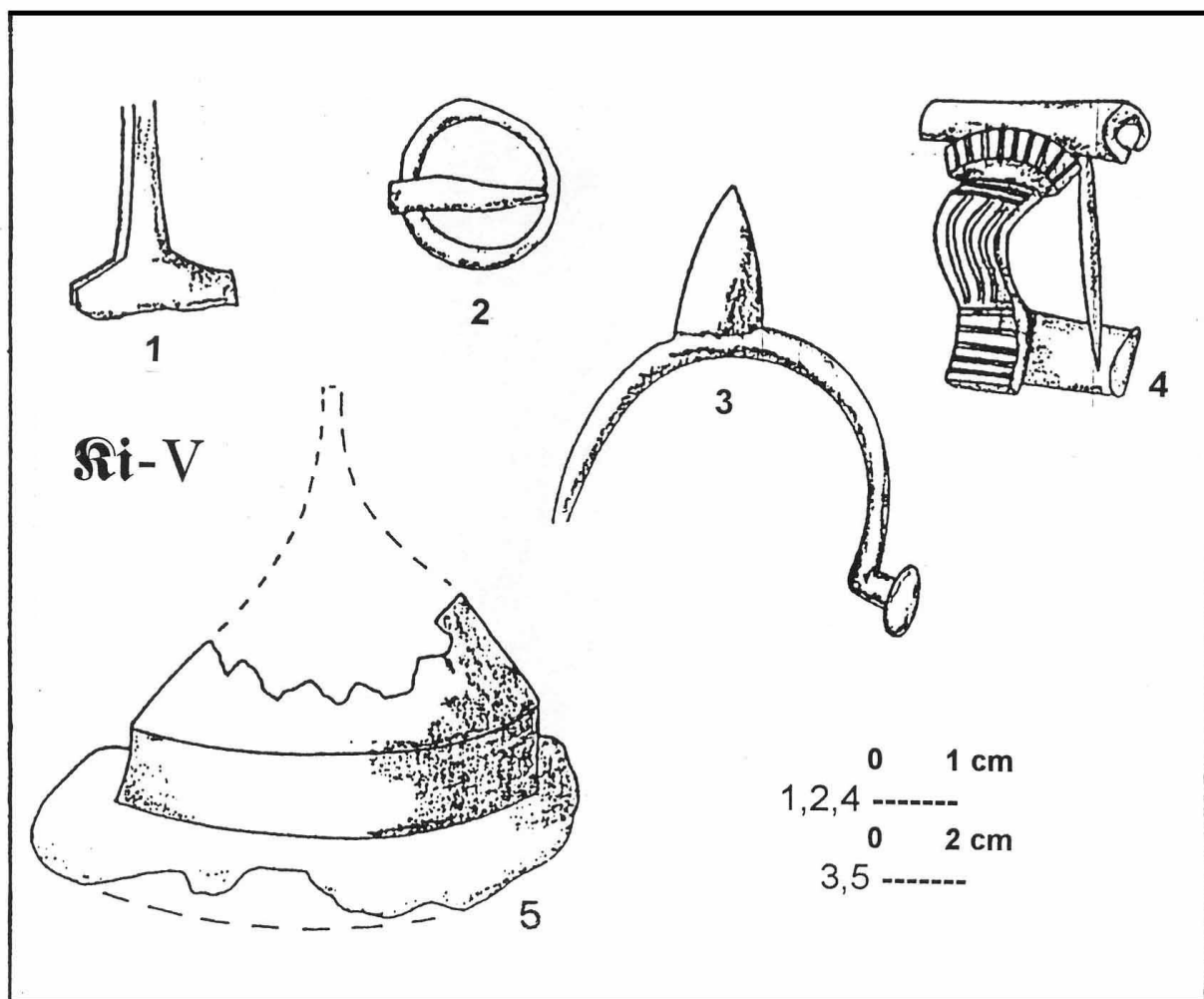

Рис. 27. Инвентарь погр. V могильника Кірепнен/Поваровка (Зеленоградский р-н) (по: Jaskanis J., 1977, s. 314; Nowakowski W., 1996, Taf. 83,7-11).

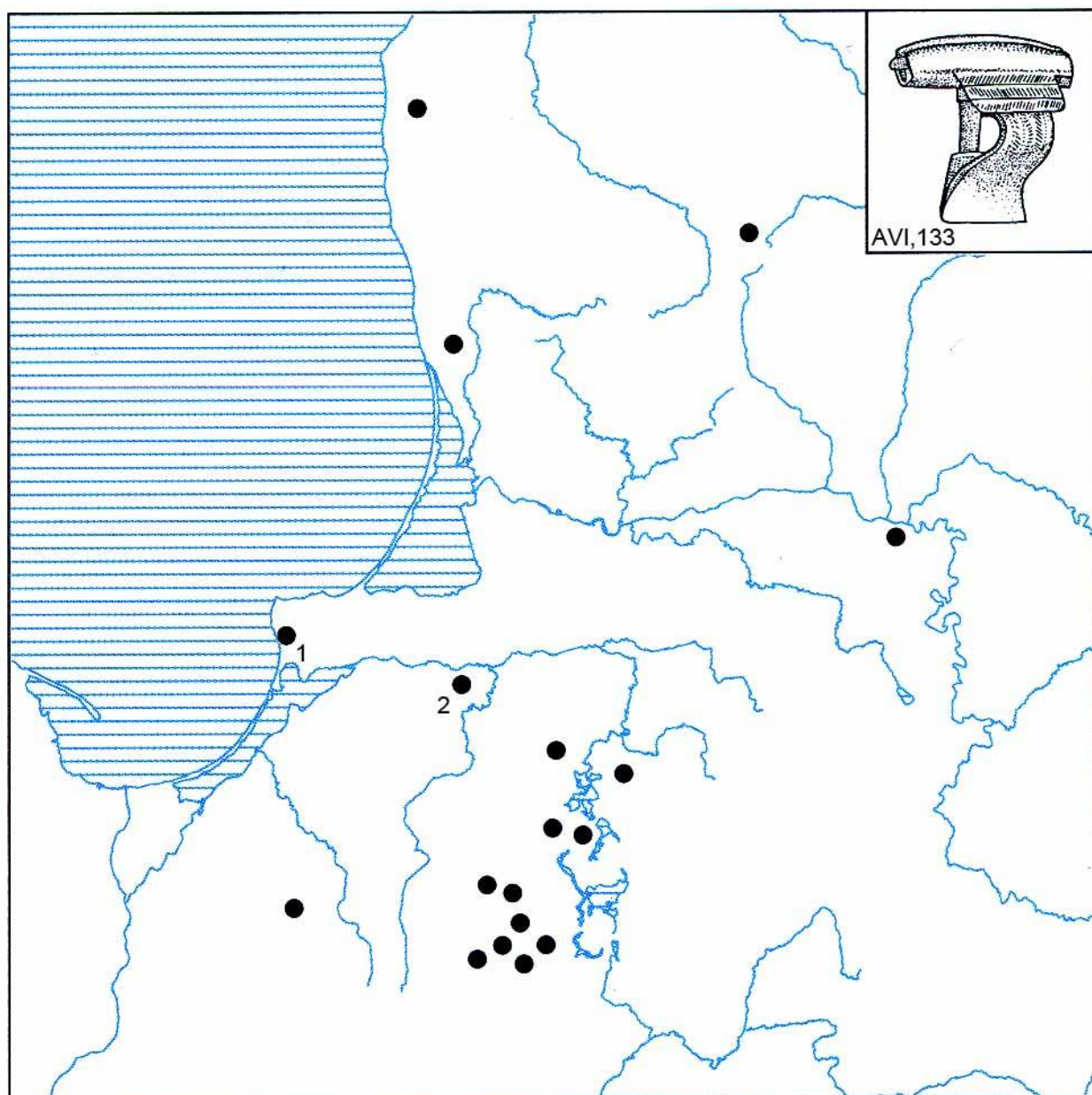

Рис. 28. Распространение фибул типа AVI,133 (по: Nowakowski W., 1998, Abb. 1 с дополнениями автора).

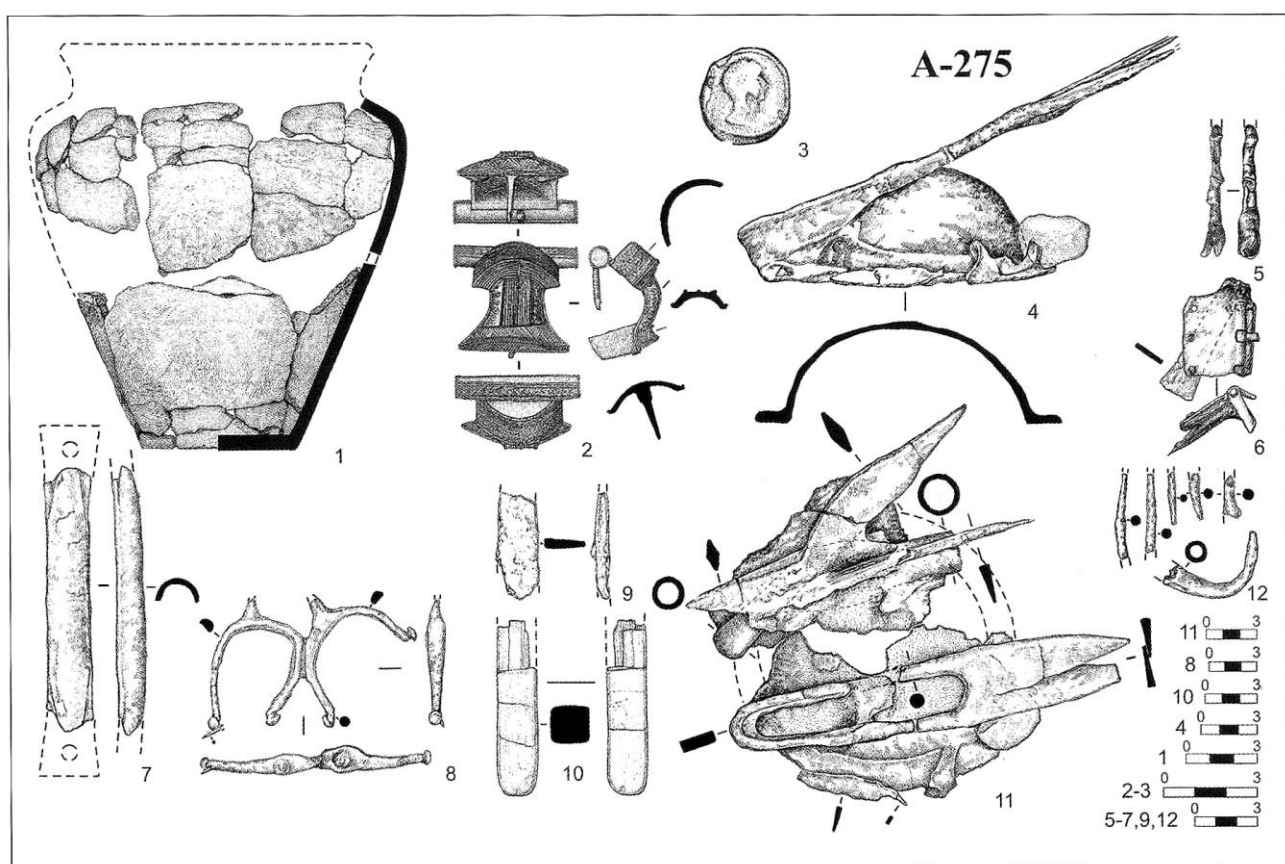

Рис. 29. Инвентарь погр. погр. A-275 могильника Skardelies Wald/Алейка-3 (по: Skvortsov K., 2009, fig. 14)

.1).

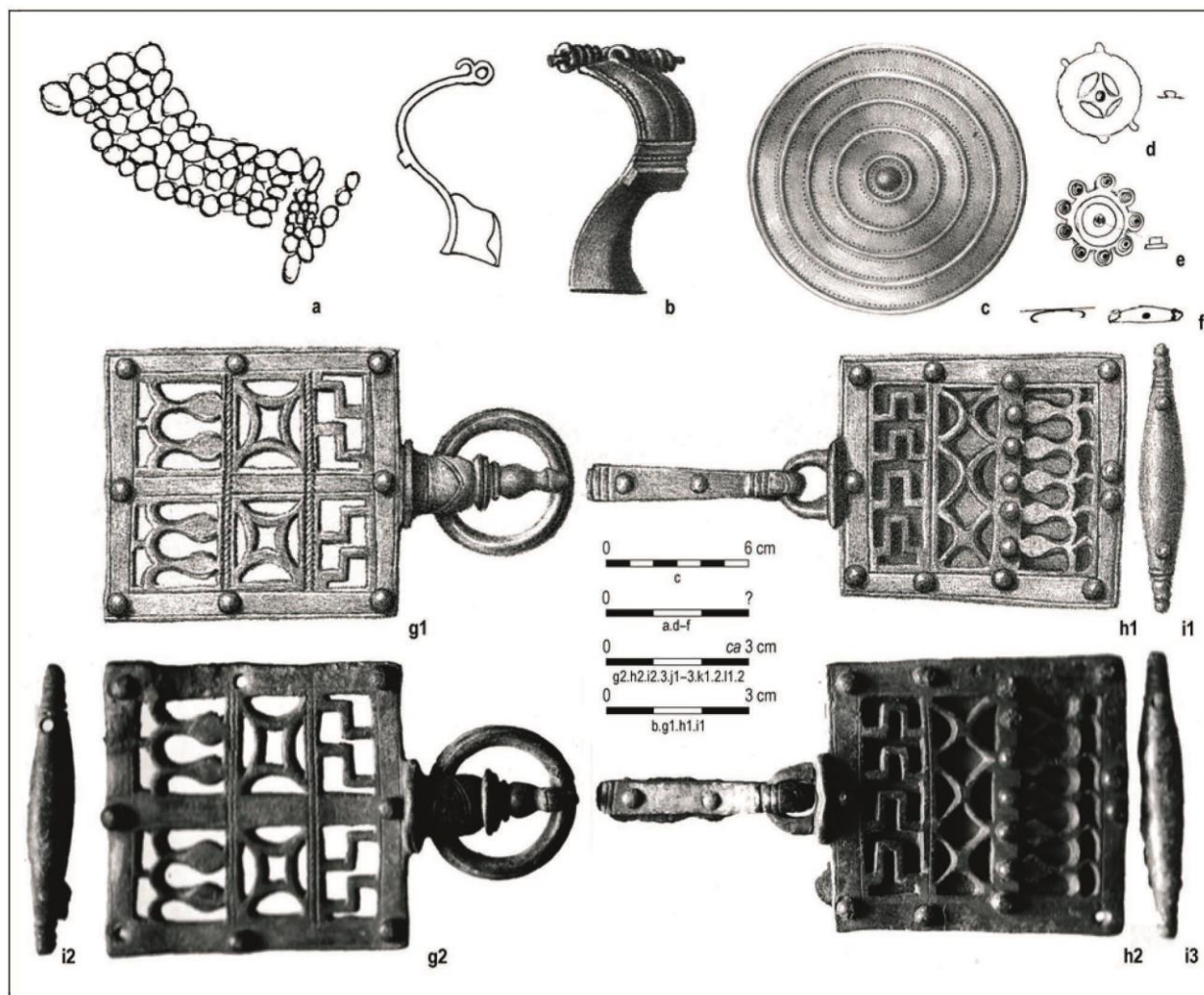

Рис. 30. Инвентарь погр. Do-30 могильника Dollkeim/Коврово (Зеленоградский р-н) (по: Czilińska-Drapella A., 2009-2010, tabl. 23).

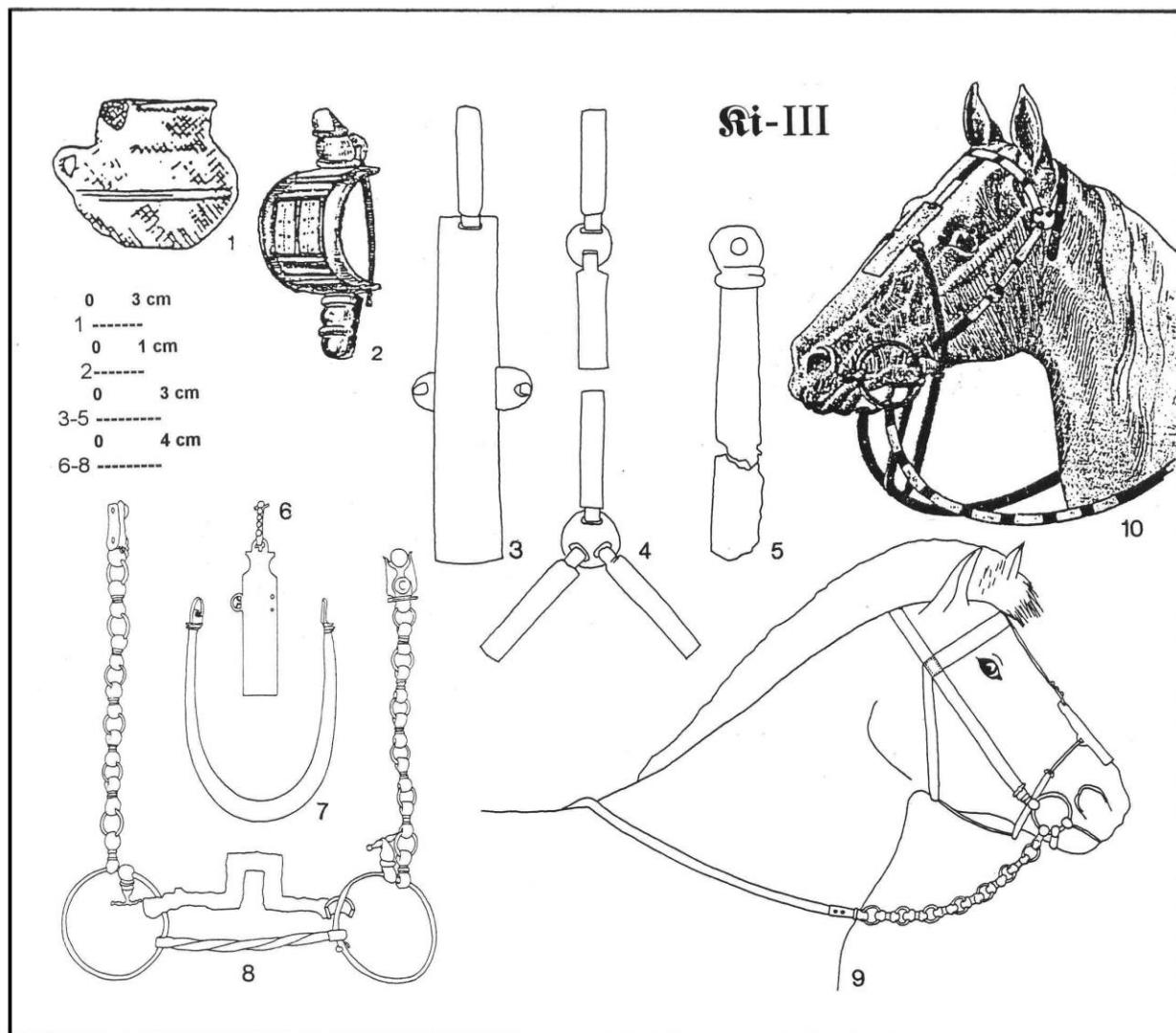

Рис. 31. Инвентарь погр. III могильника Kirrehnen/Поваровка (Зеленоградский р-н) (по: Wilbers-Rost S., 1994, Taf. 9,a,b).

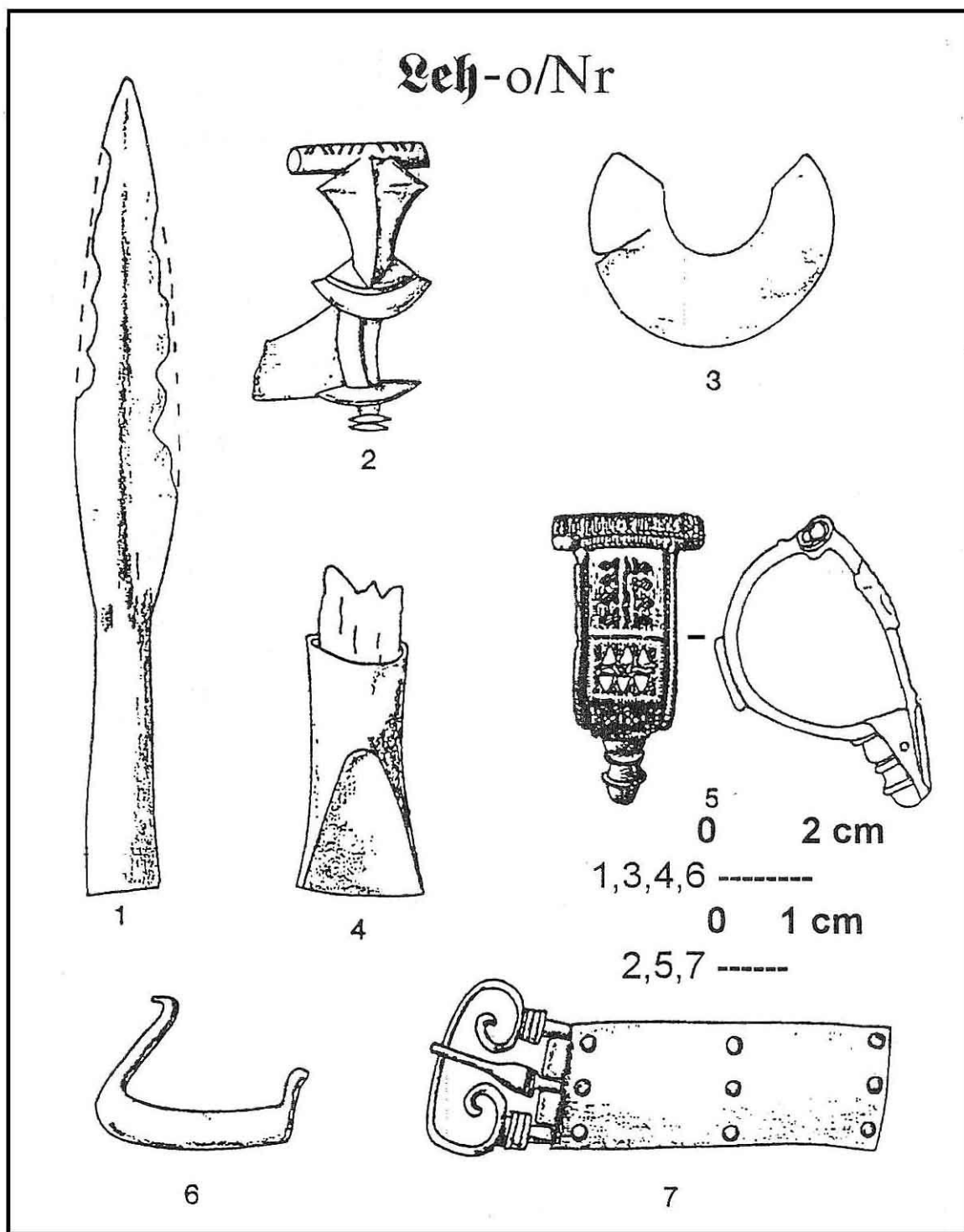

Рис. 32. Инвентарь погр. б/№ могильника Lehndorf (Зеленоградский р-н) (по: Nowakowski W., 1996, Taf. 8,1-7).

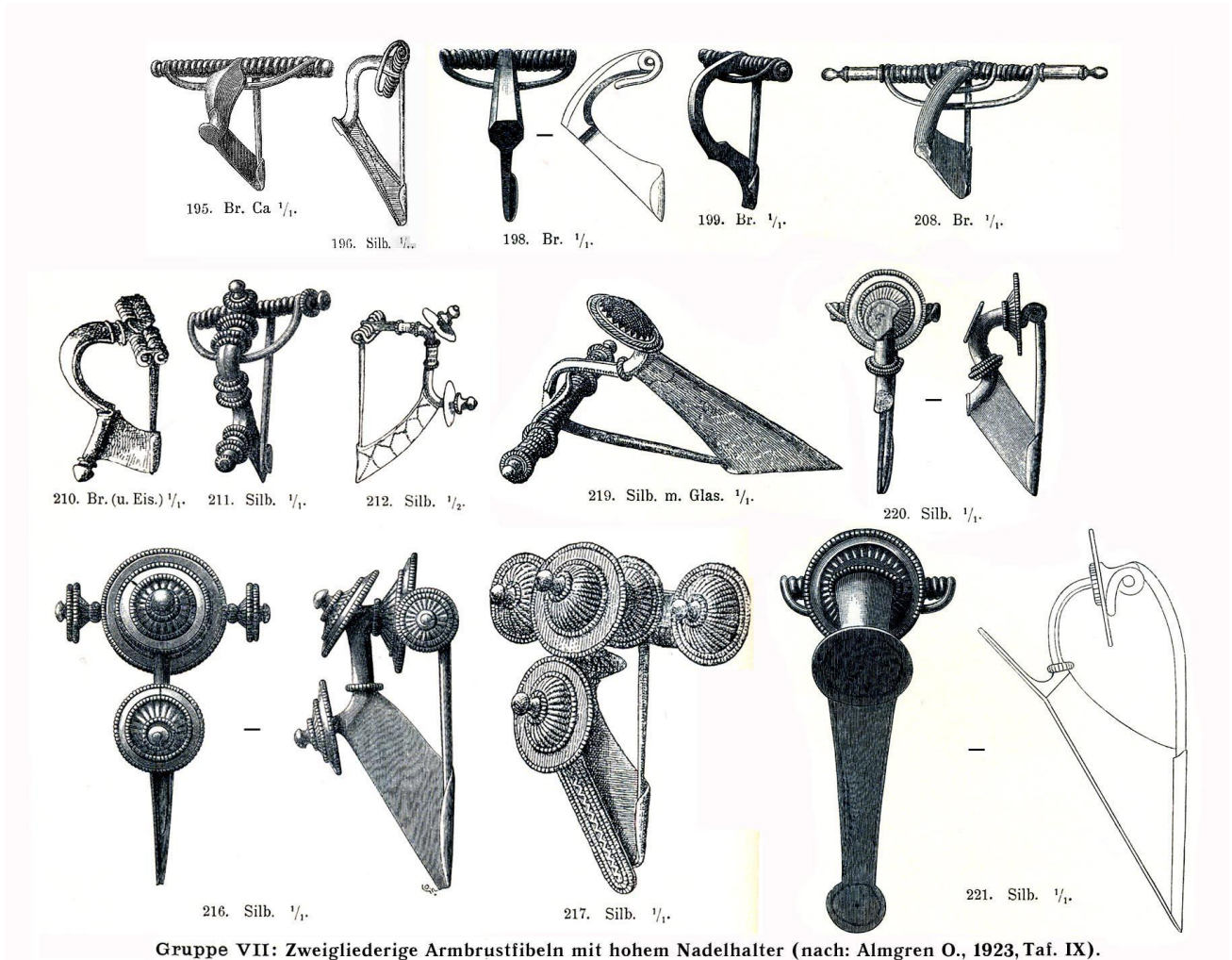
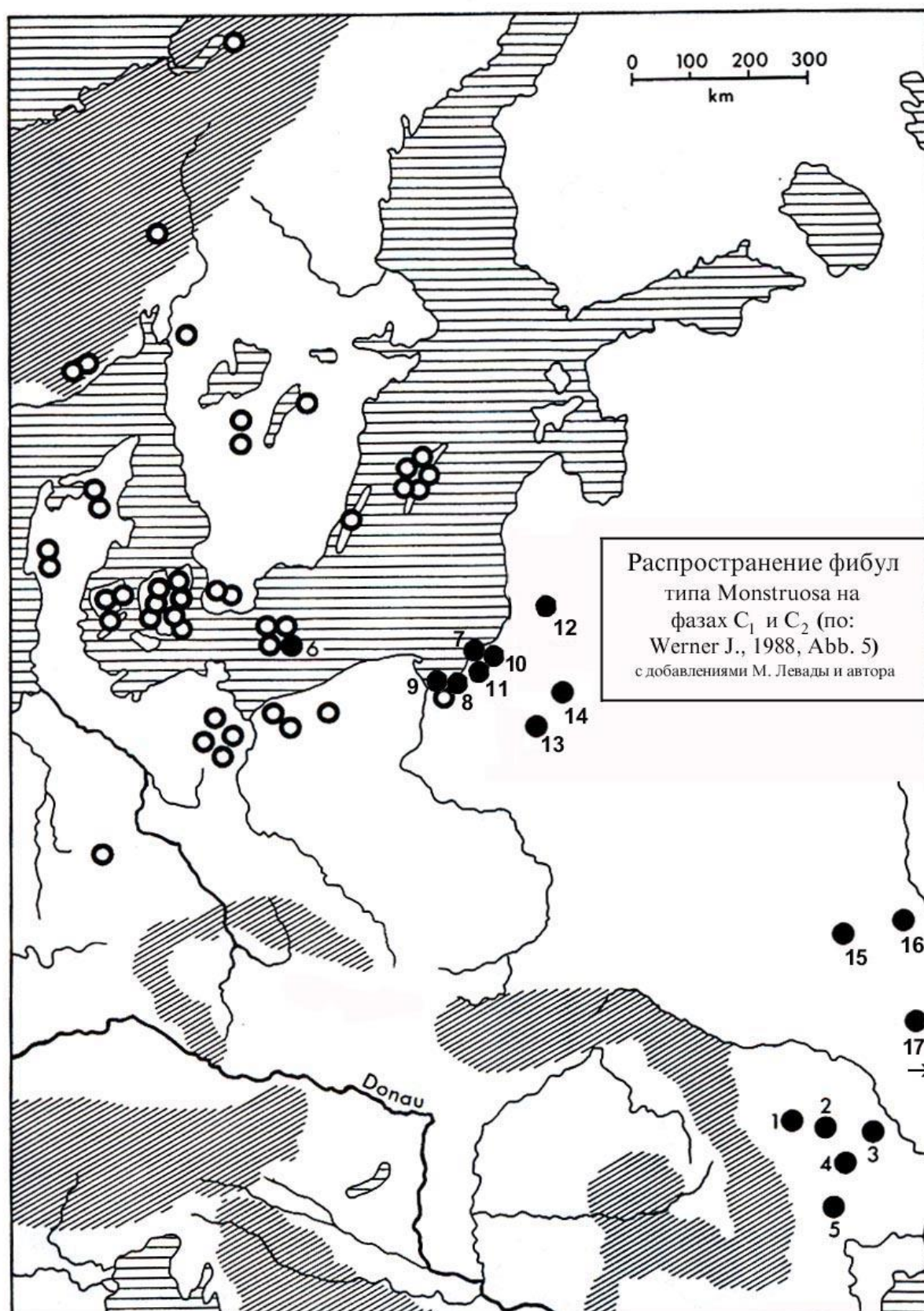

Рис. 35. Фибулы Monströse и их непосредственные предшественницы в составе типологической группы Almgren VII.

1 - Todireni; 2 - Vasilica; 3 - Budești; 4 - Dančeny; 5 - Chanska; 6 - Slusegaard; 7 - Grebieten;
8 - Wekllice; 9 - Lubieszewo; 10 - Lauth; 11 - Brandenburg; 12 - Lietuva; 13 - Polowity; 14 - Gru-
najki; 15 - Petrikivtsy; 16 - Novopolovetskoje; 16 - Medvedovka.

Рис. 36. Распространение фибул Monströse на фазах C_1 и C_2 .

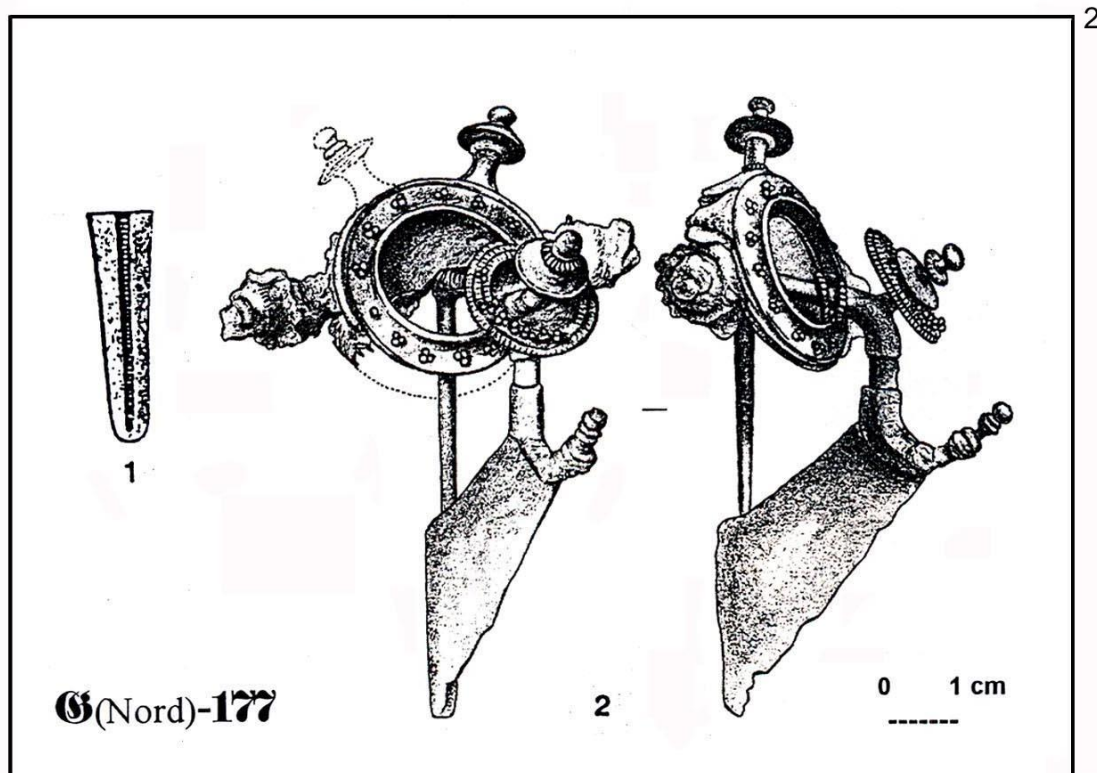
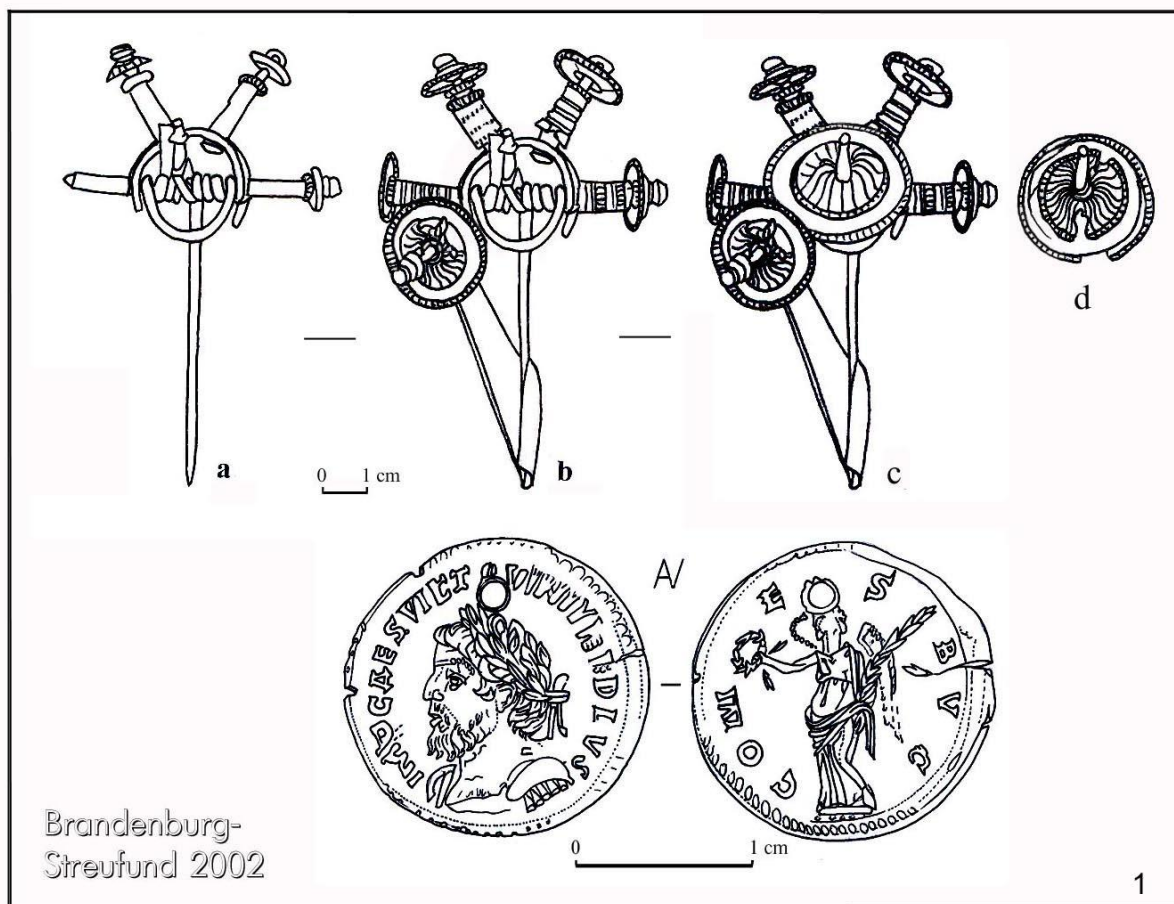

Рис. 37. Фибула и ауреус из могильника Brandenburg/Ушаково (1) и фибула из бывш. Grebieten - G(Nord)-177.

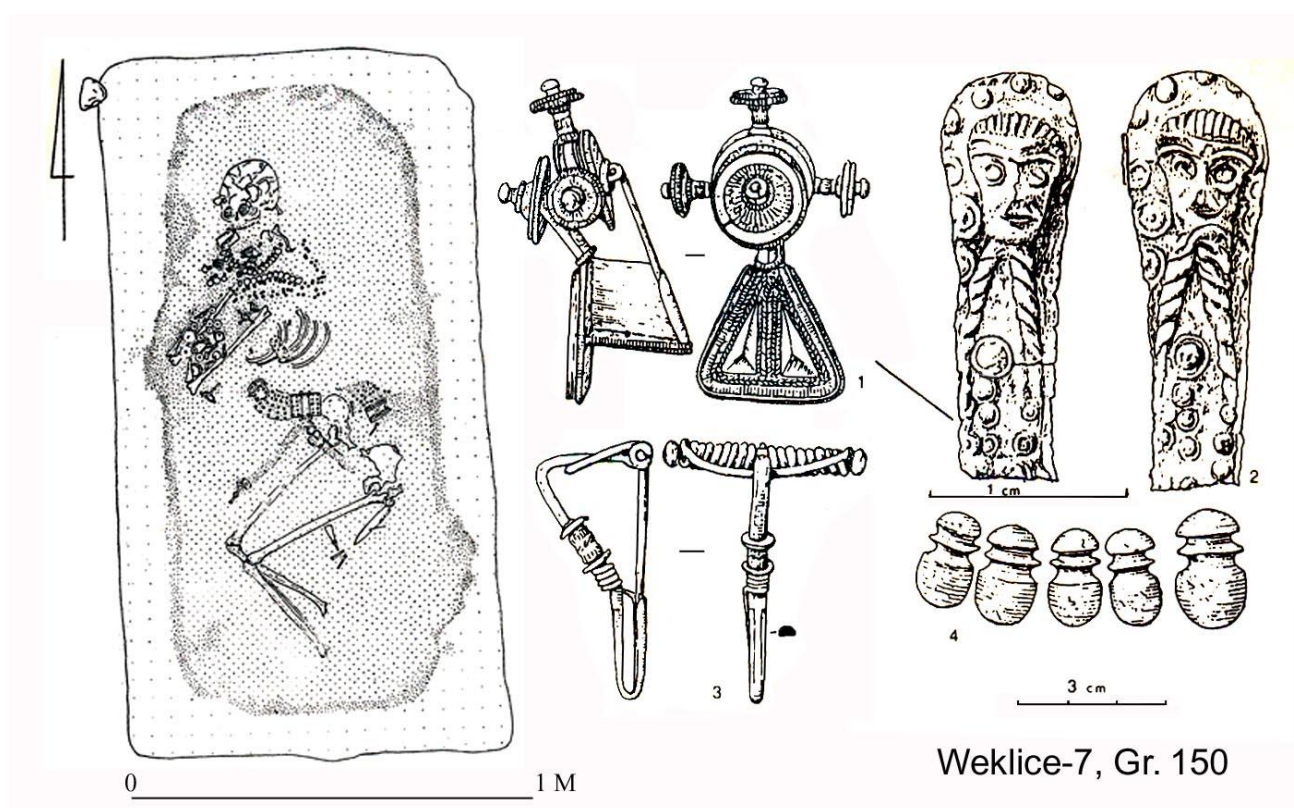

Рис. 38. Погр. 150 грунтового могильника Weklice-7: план (слева) и часть инвентаря (справа).

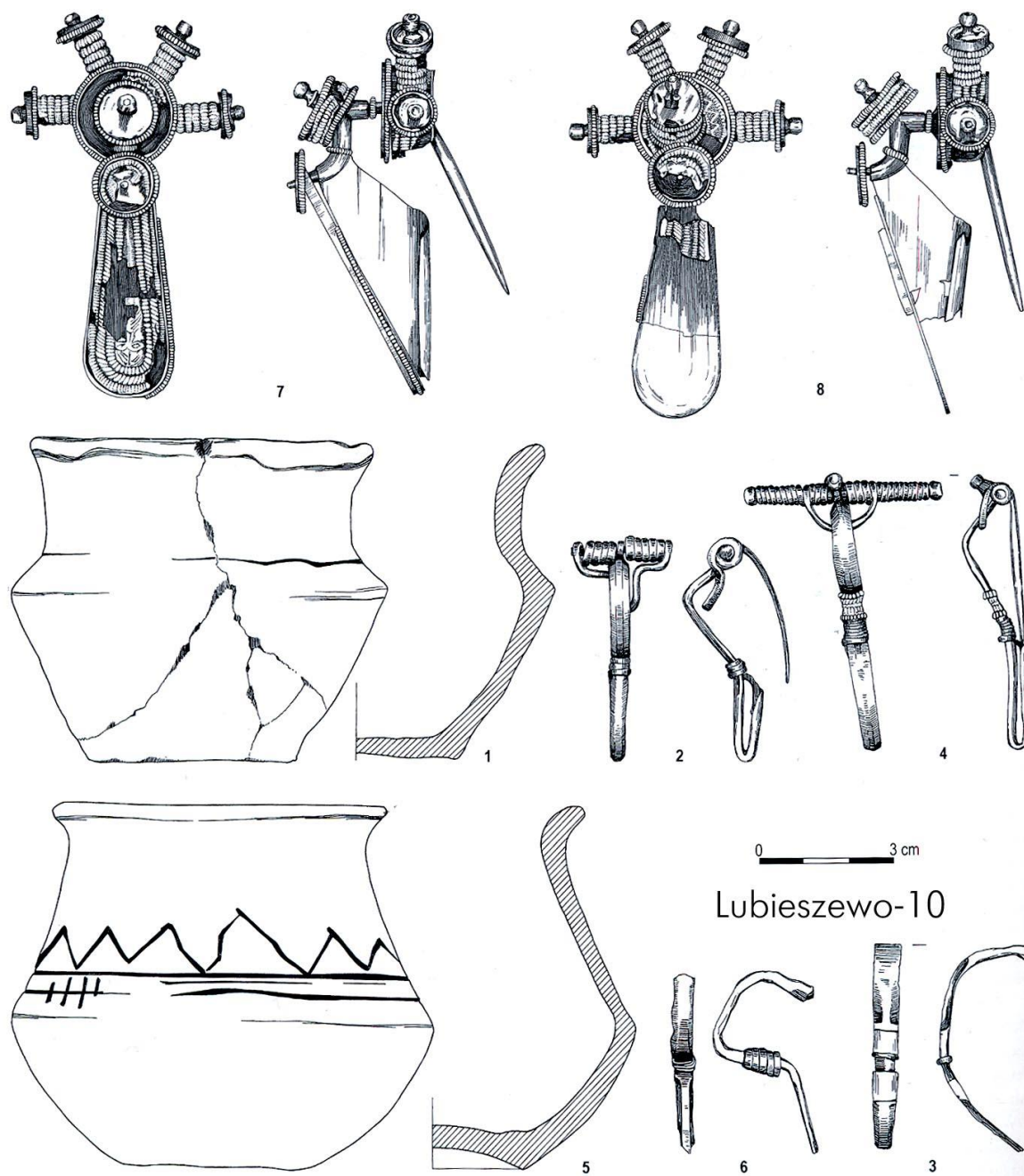

Рис. 39. Часть инвентаря погр. 10 Lubieszewo.

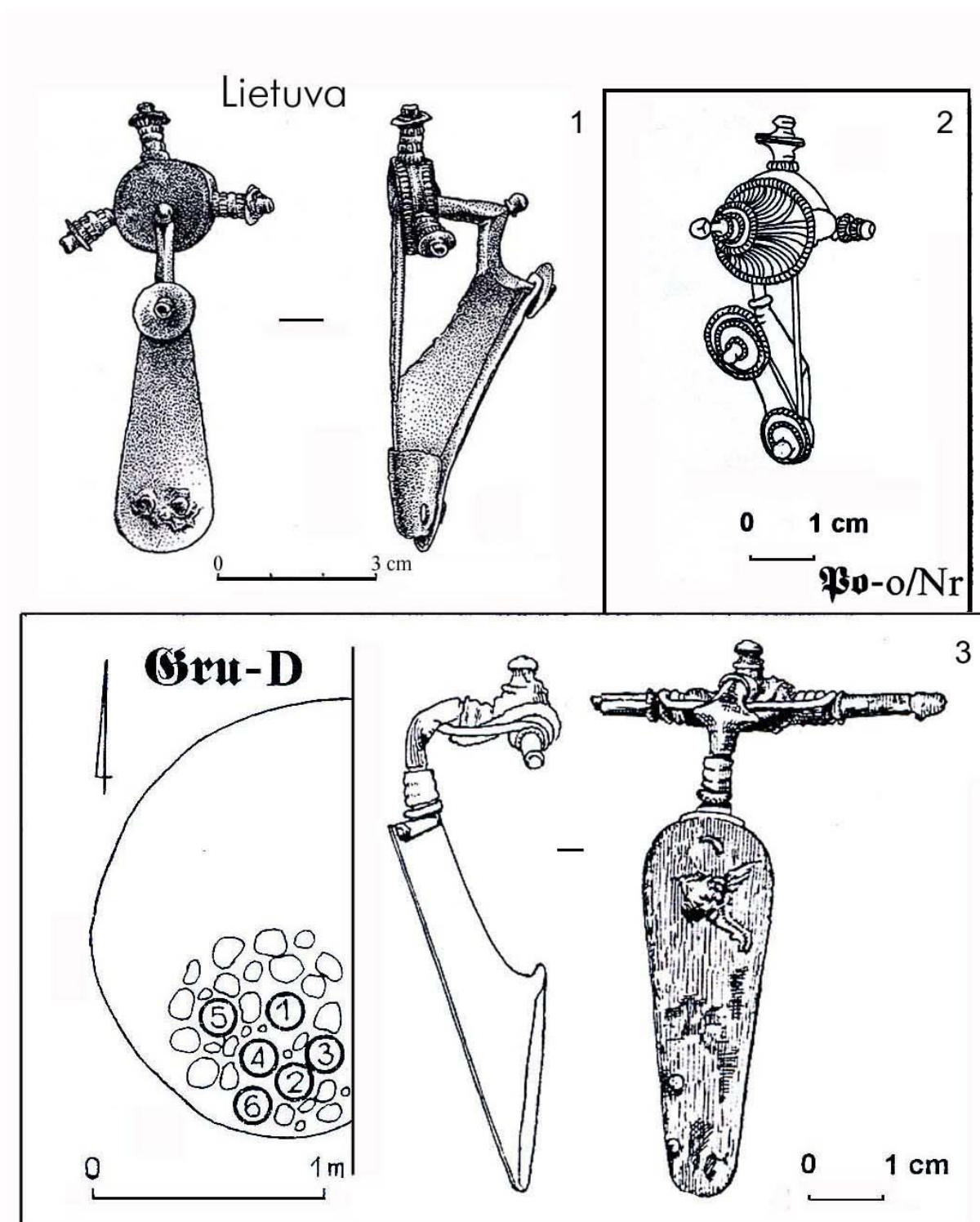

Рис. 40. Фибулы М, типологически близкие прототипу этих фибул – застёжкам типа AVL,168: 1 – Lietuva/Литва; 2 – Polowity; 3 – Grunajki-D.

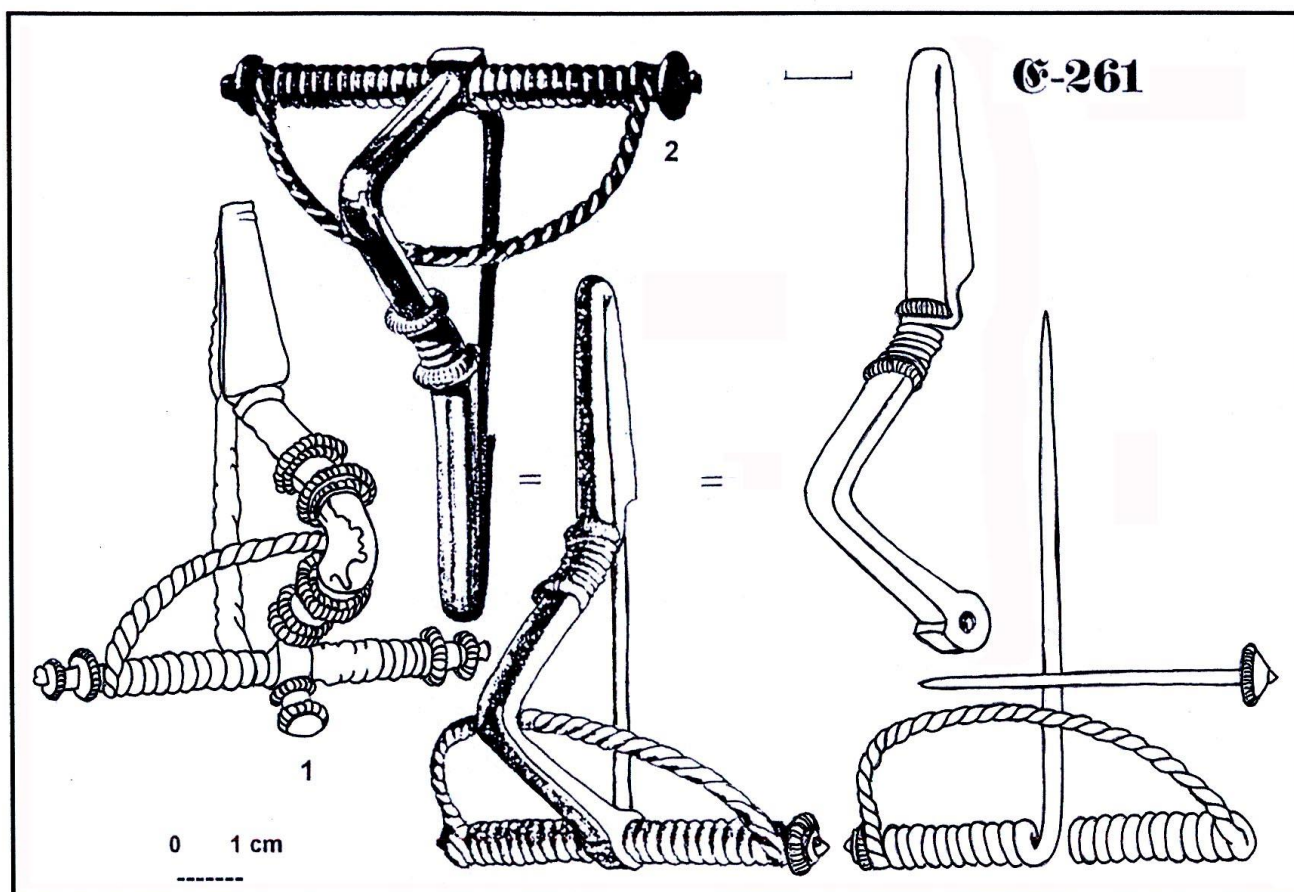
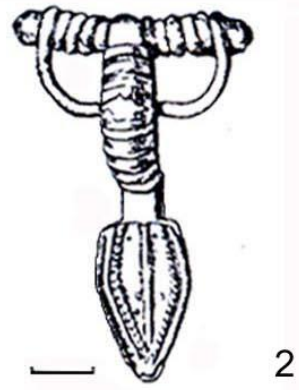
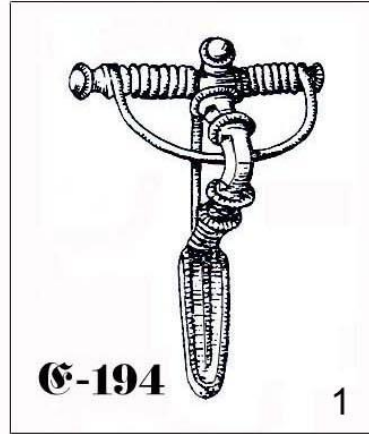

Рис. 41. Арбалетовидные фибулы из погр. 261 могильника Геройское (бывш. Eisliethen).

H.-Bod-X (1905)

3

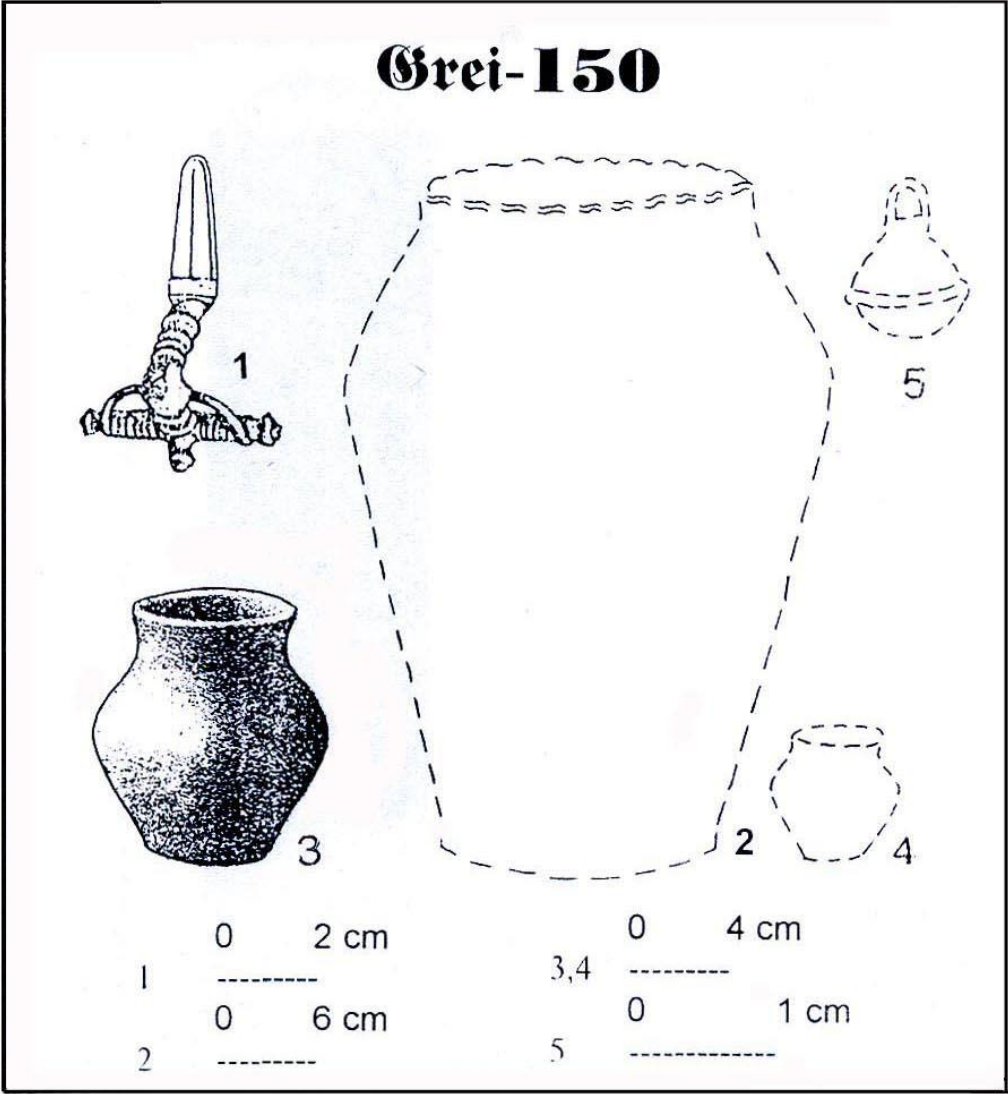

Рис. 42. Арбалетовидные фибулы с накладками на ножку.

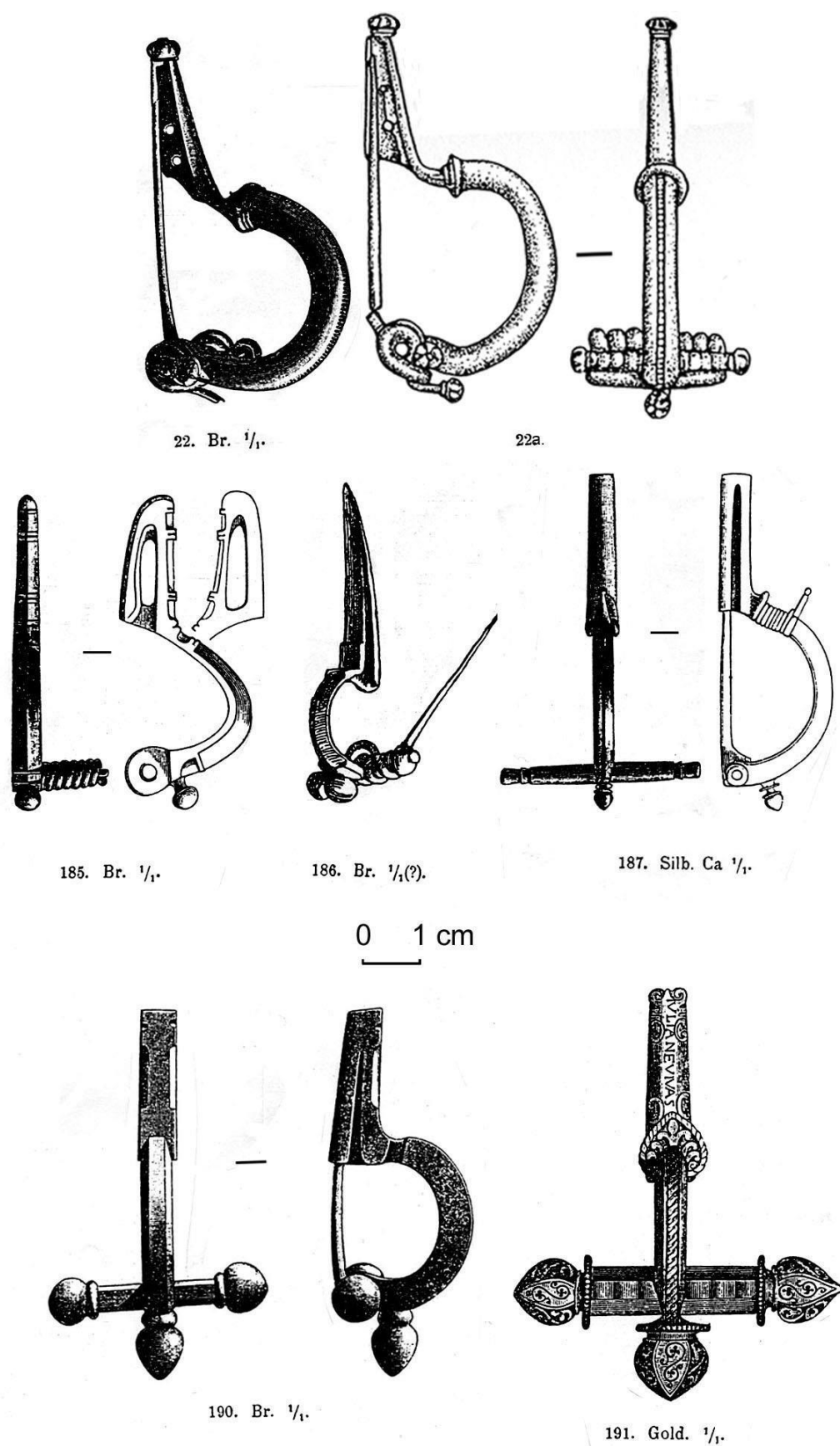

Рис. 43. Фibuлы с «луковичными наконечниками» и их прототипы (по Almgren, 1923, Taf. I, VIII; 22a - Böhme-Schönberger, 1998, Abb. Abb. 7,1,2).

Рис. 44. Изображение консула 400 г. *Magister militum Stilicho* на левой створке диптихона из Монца (по: von Freeden U., von Schnurbein S., 2002, Abb. 543).

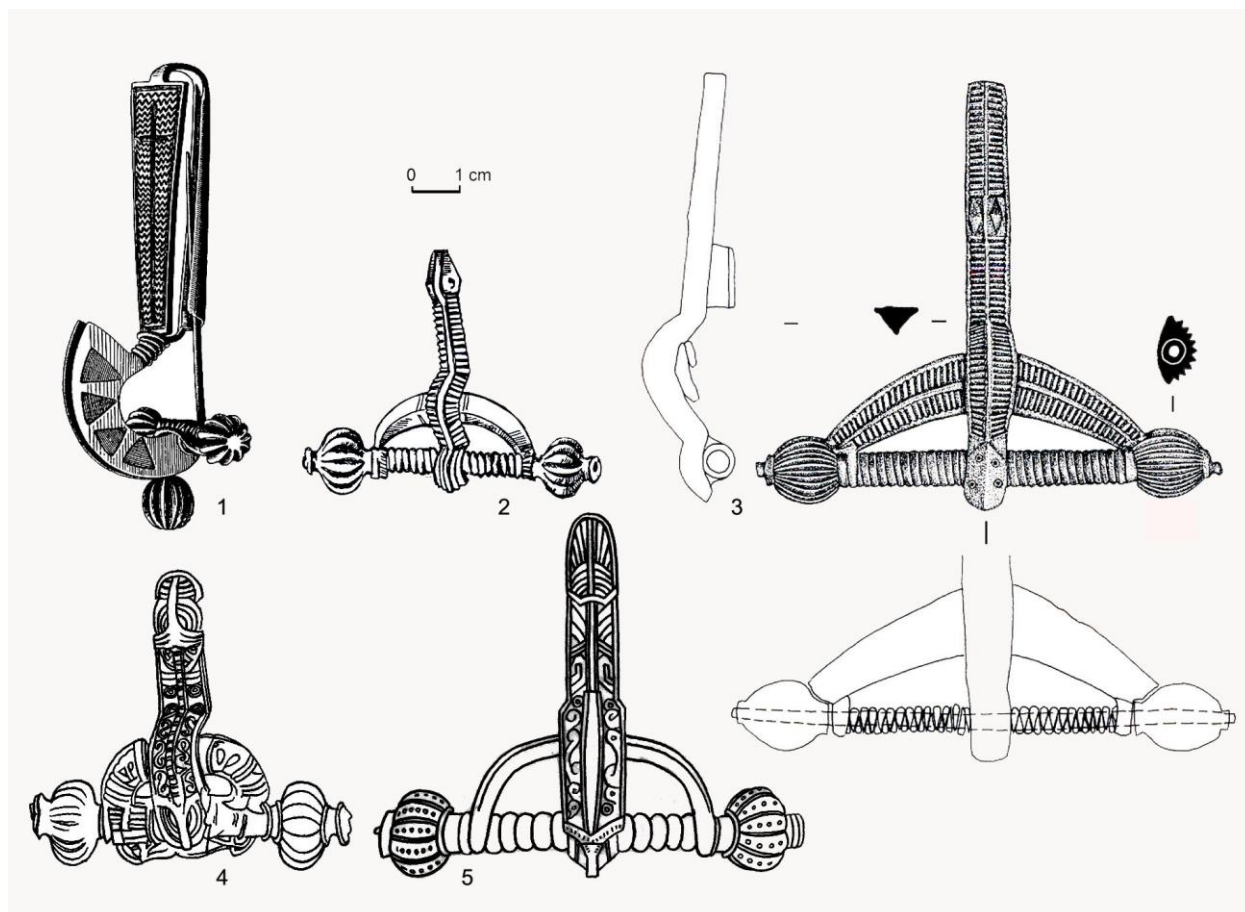

Рис. 45. Фibuлы с «маковидными» кнопками.

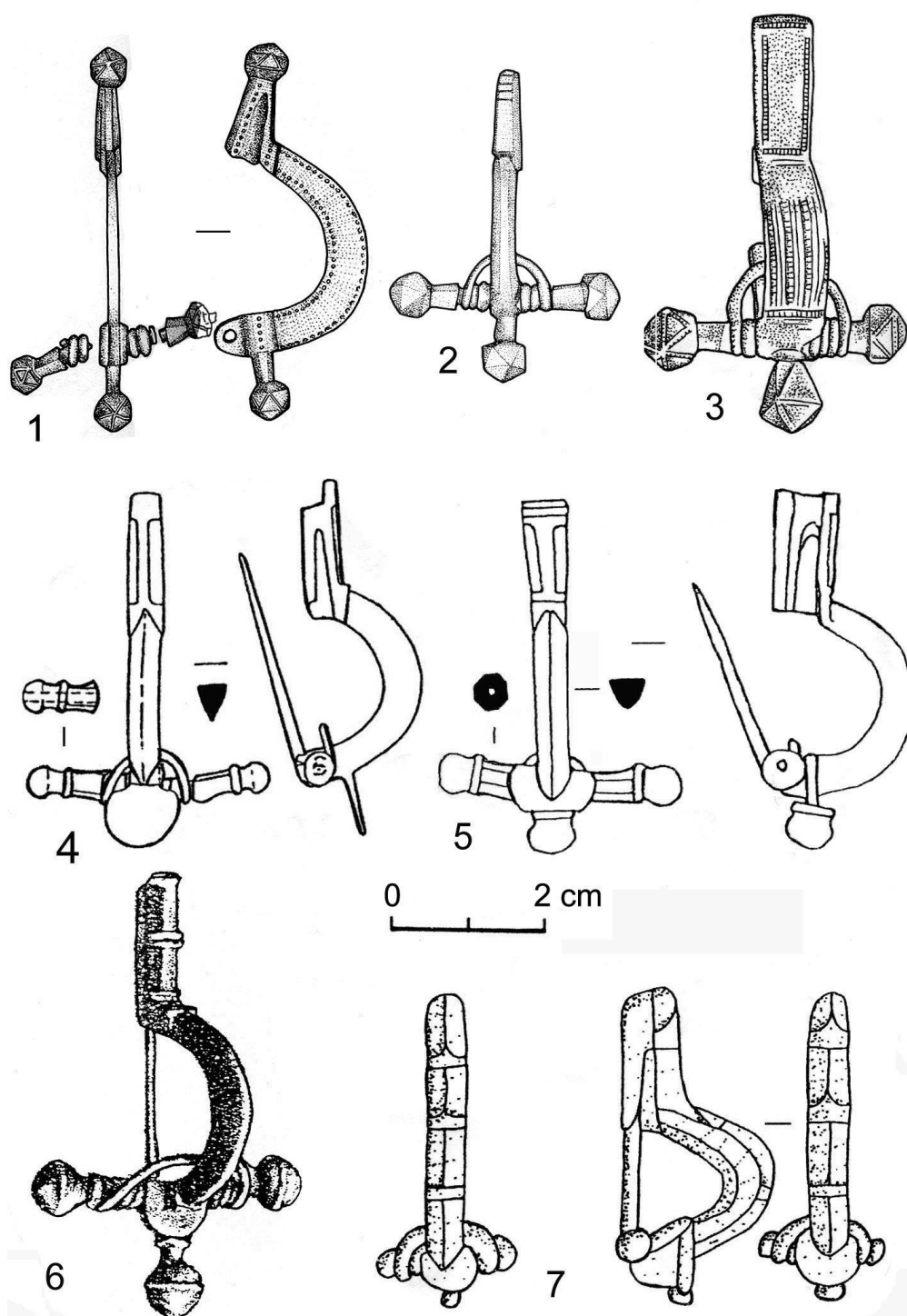

Рис. 46. «Варварские» реплики фибул с «луковичными навершиями» в низовьях рек Эльбы (1-3) и Вислы (6, 7), в черняховском ареале (4, 5).

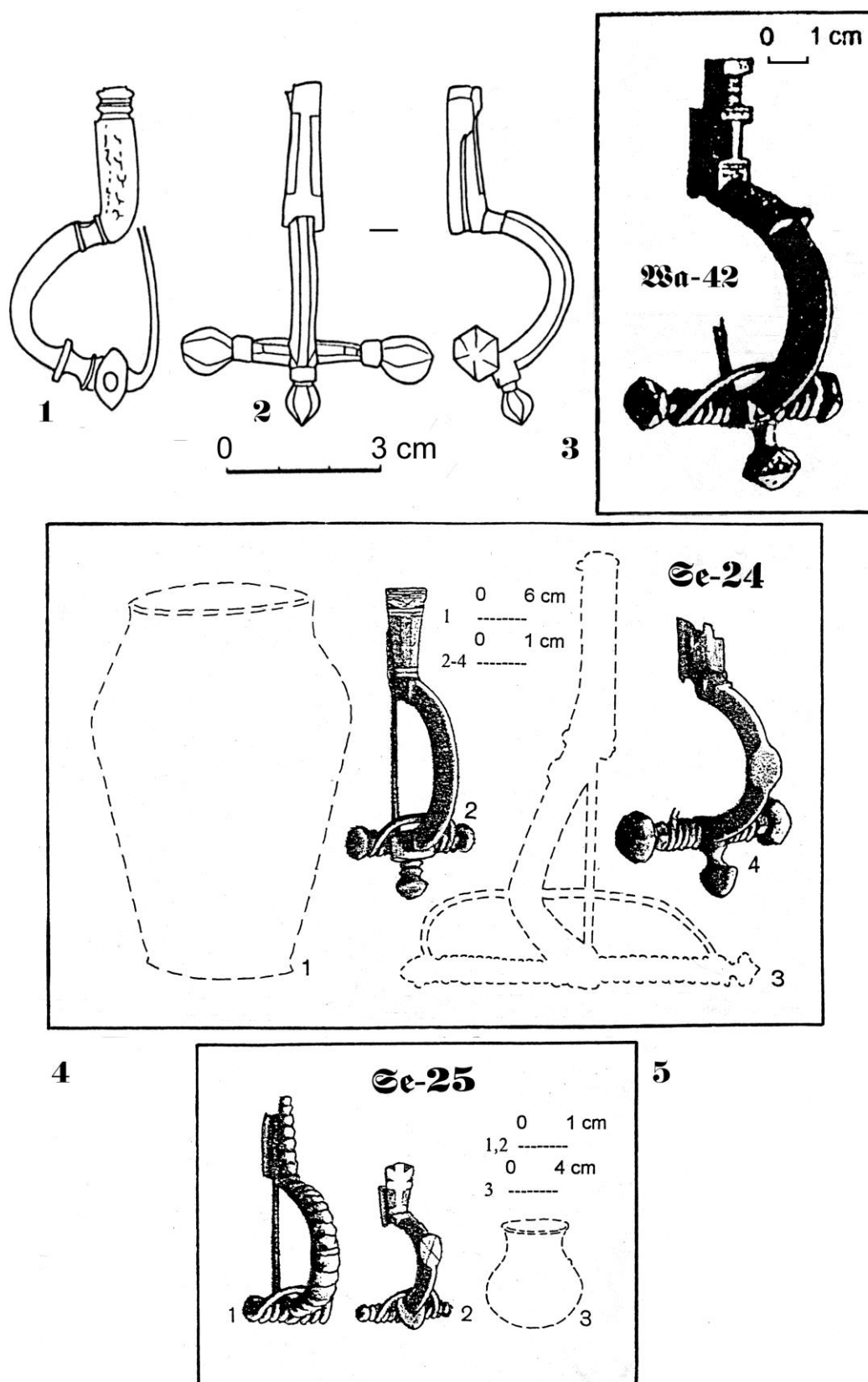

Рис. 47. Реплики фибул с «луковичными наконечниками» в исторической Пруссии (1, 2 – Nowakowski, 1995, Tab. XVII, 10, 11; 3 – Кулаков, 1997, рис. 9; 4, 5 - Tischler, Kemke, 1902, S. 36).

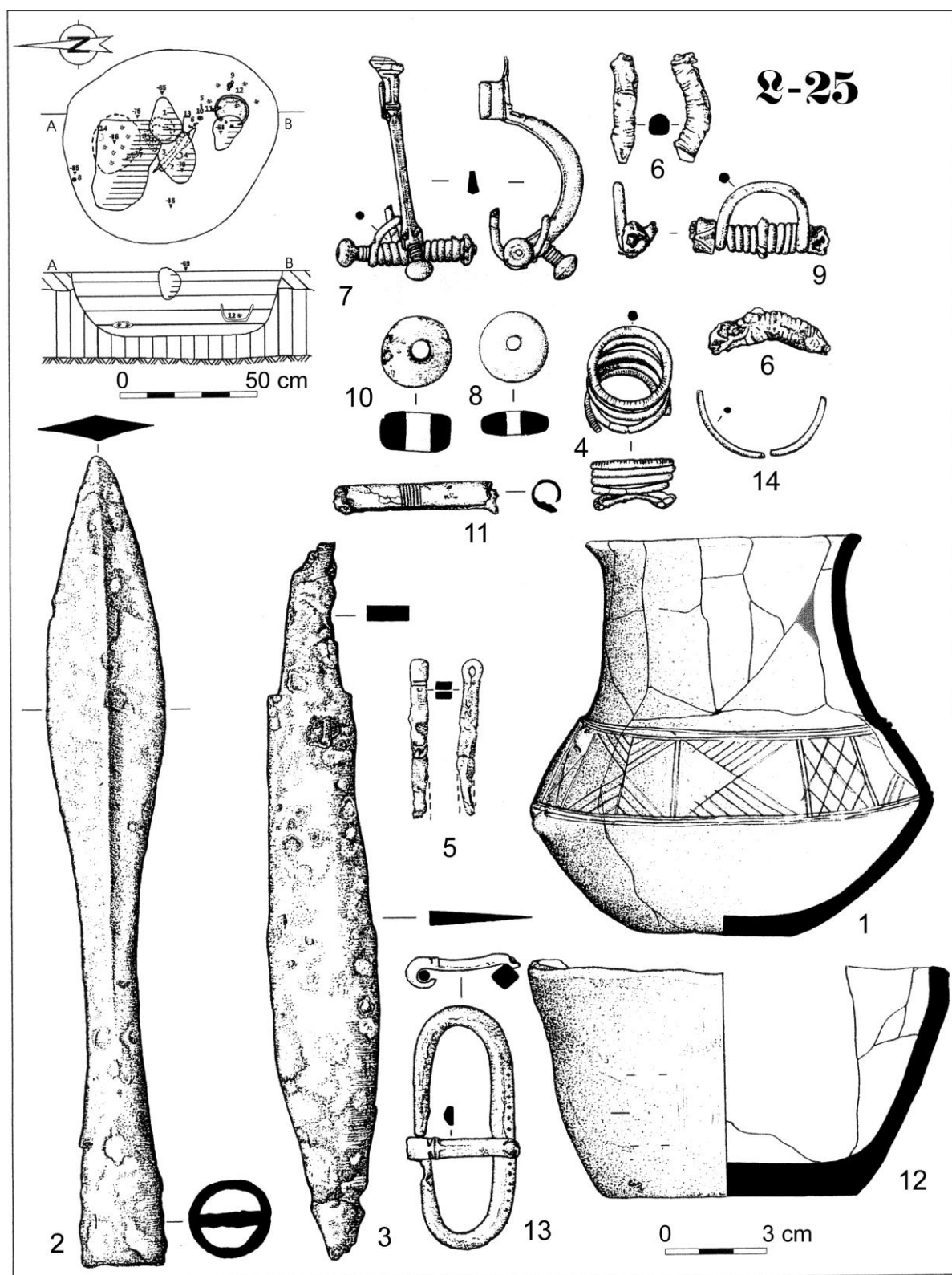

Рис. 48. План и вещевой комплекс погр. L-25 грунтового могильника Б.Исаково, Гурьевский р-н (бывш. Lauth, Kr. Königsberg) (рис. Скворцова К.Н. и Кулакова В.И.).

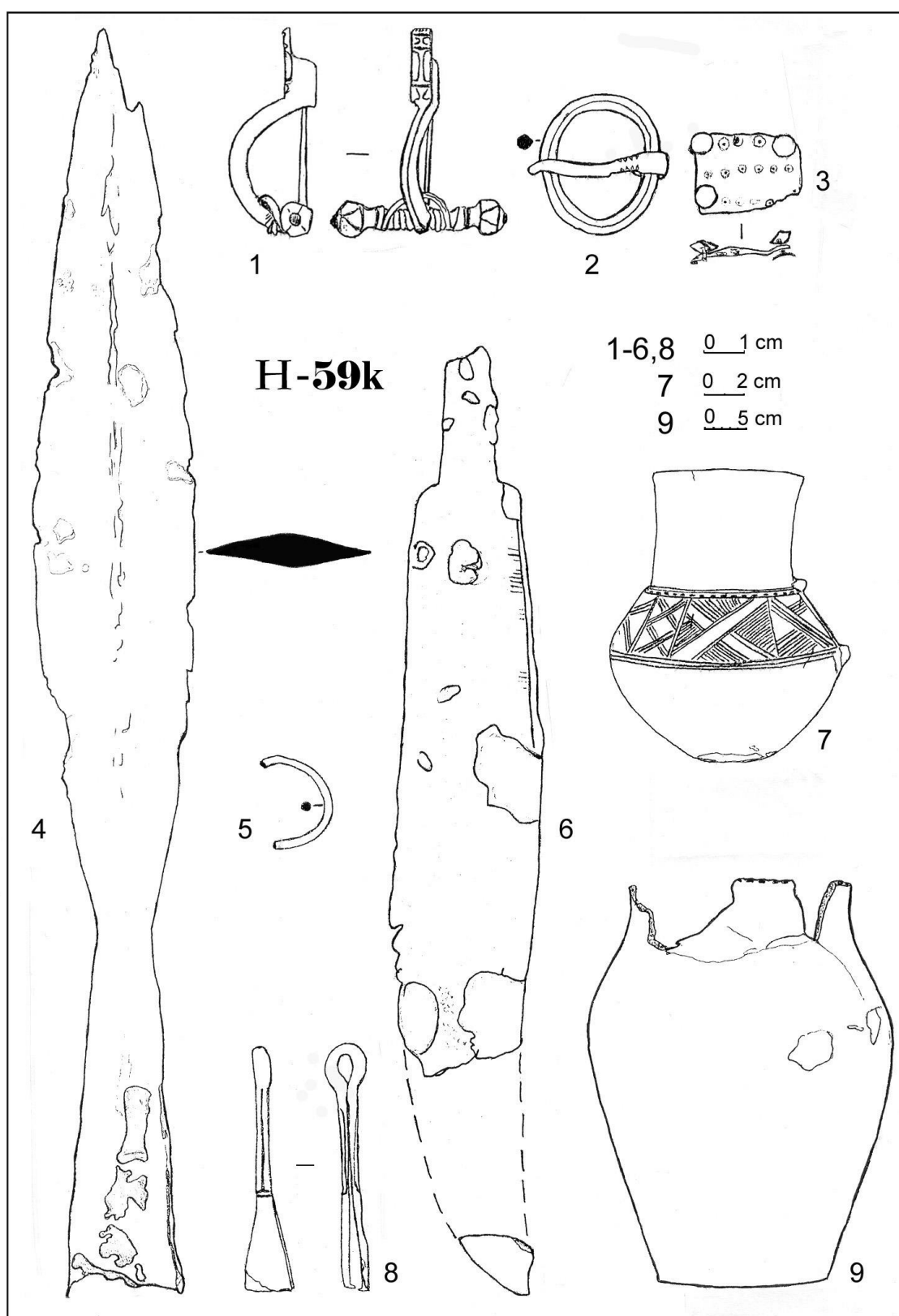

Рис. 49. Вещевой комплекс погр. H-59k грунтового могильника Гора Великанов, Зеленоградский р-н (бывш. Hünenberg bei Rantau-Neu Kuhren, Kr. Samland) (рисунок предоставлен К.Н. Скворцовым из его личного архива).

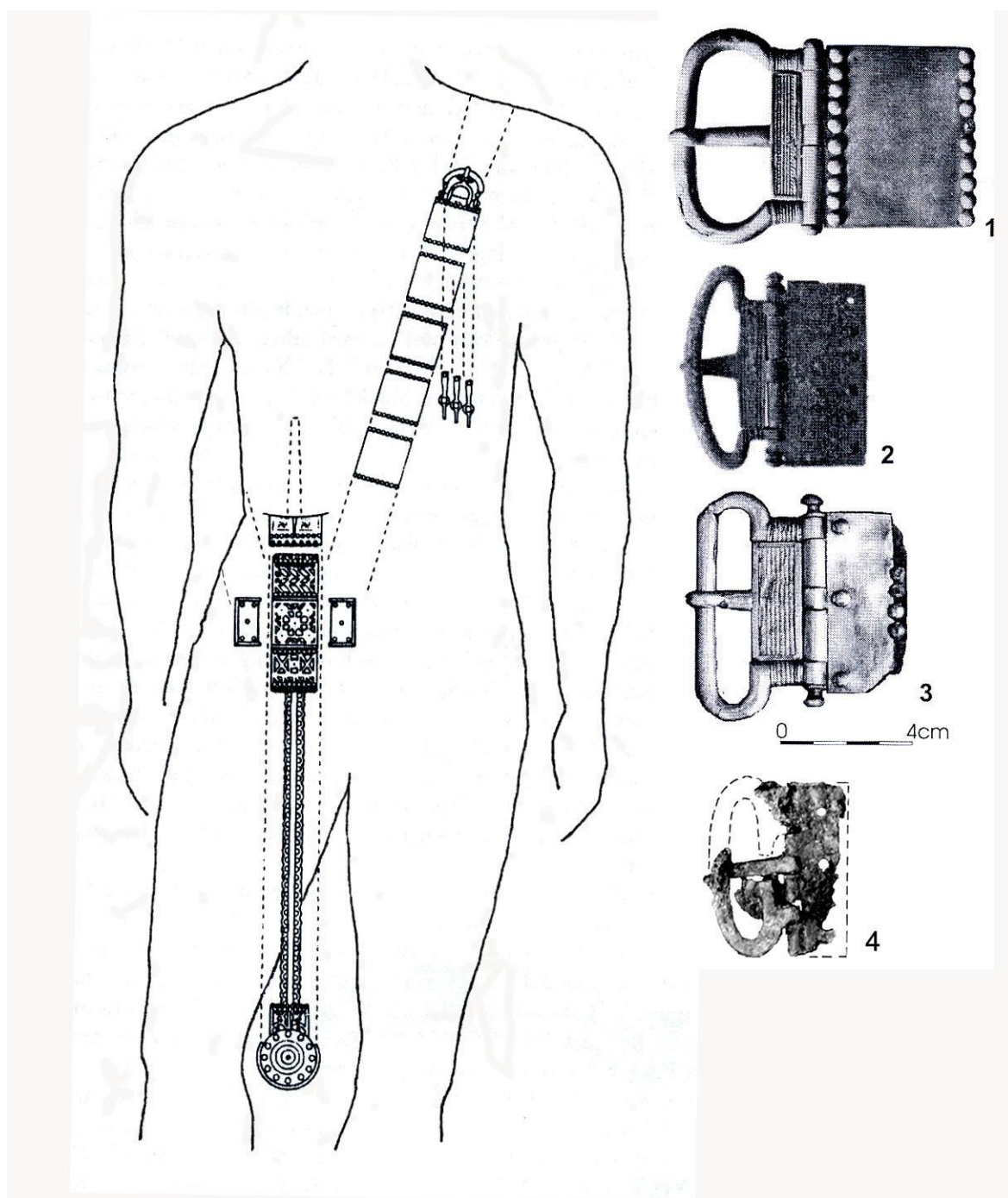

Рис. 50. Римская портупея типа balteus (слева - реконструкция К.фон Карнап-Борнхайм и Й. Илкера) и пряжки в виде Ω к ней (по: v.Carnap-Bornheim, Ilkjær, 1996, Tab. 13; 1-3 – Tamulinas, 2005, 4. pav., 4 – фонды КОИХМ).

Рис. 51. Распространение подвязных фибул типа AVII,172 с фасетками на спинке (по: Schuster J., 2004, Abb. 4 с добавлениями автора).

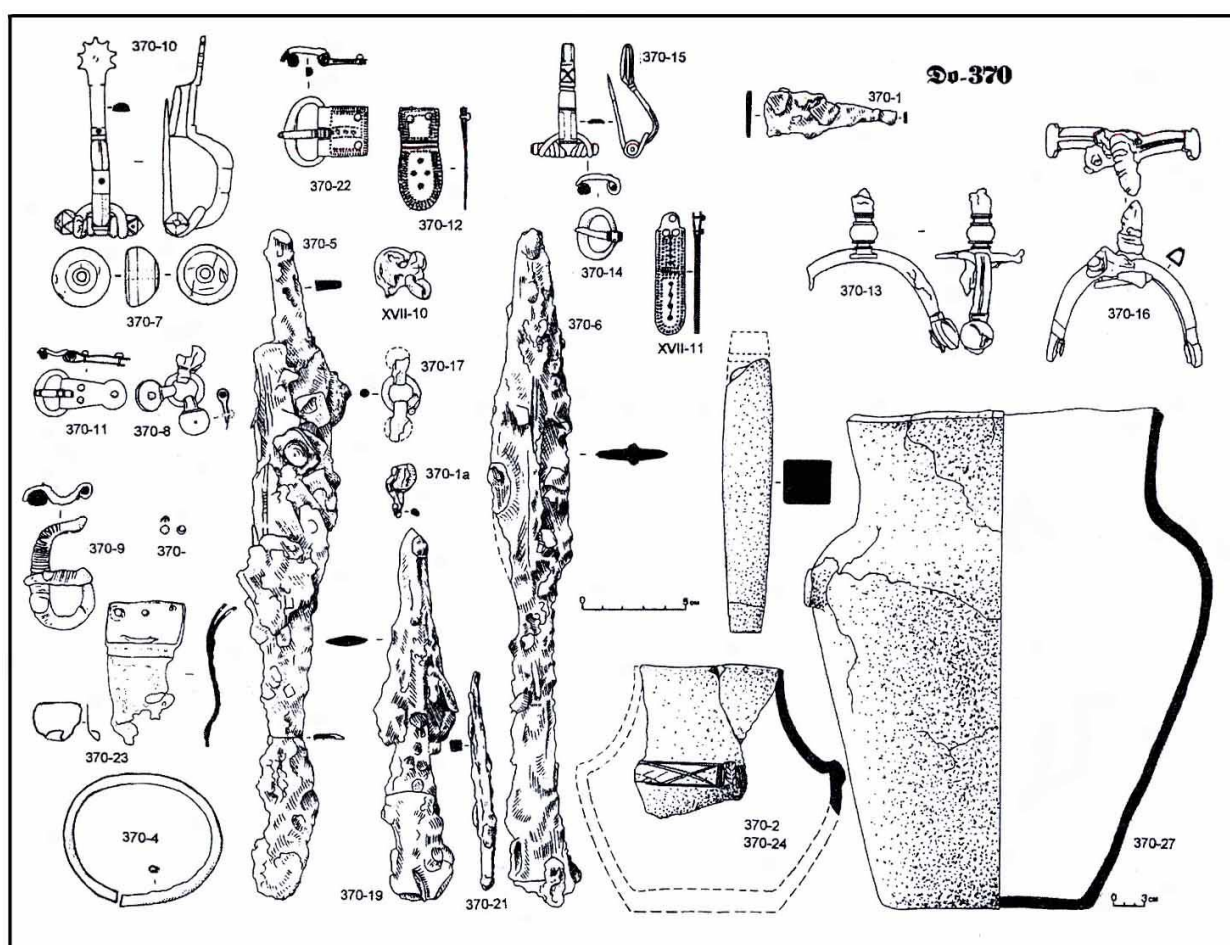

Рис. 52. Инвентарь погр. Do-370 (Кулаков В.И., 2007, рис. 219).

I. Terra sigillata T [1 - 4]

1. D a m b i t z e n , Kr, Elbing/Dębice, woj. warmińsko-mazurskie. [1]*

Фрагмент дна со штемпелем TARVAC F(ecit), найден в 1918 г. Музей в Эльбинге
Mus. Kat. Nr. 1054. E. F.

Elbinger Jahrbuch 1 (1920) S. 171—174 Ehrlich.

2. Domkau, Kr. Osterode/Domkowo, woj. woj. warmińsko-mazurskie. [2]

Глубокое, почти , полусферическое блюдо из тонкой, красной глины, на внешней стороне с орнаментальными и фигуративными изображениями, на одной и сторон видна надпись (клеймо? – К.В.).

EF. auf der Heidenburg; найдено в 1838 г. заполненным костями и остатками костра, иных сопровождающих находок нет.

В частной коллекции.

Altpr. Mon. 9 (1872) S. 598; Z. f. Ethn. Verh. 4 (1872) S. 240; S.-Ber. Prussia 21 (1896—1900) S. 76,

3. Kl. - Fließ, Kr. L a b i a u/Изобильное, Полесский р-н.. [3]

Красная, полусферическая чаша с низким кольцевым поддоном, ок. 15 см высотой, диам. ок. 25 см. Рельефный фриз, состоящий из 4 медальонов (с сатирами) и прилежащими прямоугольными картушами с фигуративными изображениями (Пан, голубь, дельфин и проч.). Глубоко углублённая надпись (клеймо – К.В.) CINNAMUS.

EF. Prussia-Mus. Inv. V S. 144 Nr. 7724.

S.-Ber. Prussia 21 (1896—1900) S. 73 ff.

4. Danzig/Gdańsk, из окрестностей. [4]

Сосуд (типа) Terra sigillata с изображением шествия Вакха. Находка в погребении вместе с бронзовым сосудом с 3 ножками. Собрание. Blell-Marienburg/Malbork.

U n d s e t , Eisen S. 146 Anm.; L i s s a u e r , Prah. Denkmaler S. 159 Nr. 1.

5. Dt.-Eylau, Kr. Rosenberg/Іława, woj. woj. warmińsko-mazurskie. [—]

Обломки 3 сосудов (типа) Terra-sigillata.

Найдены при строительстве казино. Точные обстоятельства находки неизвестны.

Музей Danzig/Gdańsk.

[6. B a b i e n t e n , Kr. S e n s b u r g / B a b e t y , woj. woj. warmińsko-mazurskie.

2 маленьких фрагмента с фигурными изображениями.

Из: Å b e r g , Ostpreußen 1918 S. 51, известно по F. P e i s e r .

Мне (т.е. – Максу Эберту) точнее не известны]

II. Стекланные сосуды ▲ [1 —14]

1. B r a u n s w a l d e , Kr. Stuhm/Gościszewo, woj. warmińsko-mazurskie. [14]

Фрагменты 3 или 4 стекланных сосудов.

Музей Danzig/Gdańsk IV 150.

L i s s a u e r , Präh. Denkm. S. 149.

2. C r o s s e n , Kr. Pr. –H o l l a n d / K r o s n o , woj. warmińsko-mazurskie. [1]

а) Кубок с кольцевым поддоном, украшен накладным декором. Диам. по венчику 7,2 см, по дну 3,6 см. Высота 14,8 см. Найден в погр. 6, вместе с: гребнем (как Blume Abb. 134; без орнамента), 2 серебряными ведёрковидными (?) подвесками (= Blume Abb. 121, первый слева), наконечник ремня (= Blume Abb. 58a), шпора (фрагмент); обломок железной пряжки. Провинциальный Музей Nr. 20955—60.

б) Блюдо с 9 вертикальными гранями на поддоне. Диам. 8,7—9,0 см, выс. ок. 5,2 см.

Обнаружено в погр. 34, с ним найдены: 2 сосуда-приставки, 1 бронзовая пряжка (= Blume Abb. 48), 1 бронзовая пряжка, как у Blume Abb. 53, 2 наконечника ремня (как у Blume Abb. 64), 1 серебряная

*) Цифры в скобках на каждой странице отражены на карте табл. 16.

арбалетовидная фибула с подогнутой ножкой (одинаковая в Blume Abb. 29; с кнопкообразным навершием), фрагмент гребня. Провинциальный Музей Nr. 20849—55-

с) Обломок зелёного стеклнного бокала.

Найден в погр. 44, вместе с ним: пряслице биконическое, 2 кубооктаэдрических цвета граната стекланных бусин, бронзовый наконечник ремня (как у Blume Abb. 58),

фрагмент костяного гребня, арбалетовидная фибула, фрагмент (?). Провинциальный Музей Nr. 20798—803. Обстоятельства находки не полностью ясны.

d) Стекланный сосуд.

Найден в погр. 27, с ним: 1 свинцовый сосуд, 2 шпоры с крючками (= Blume Abb. 150), бронзовая пряжка (такая же у Blume Abb. 52; с 5 заклёпками), прочие (находки). Провинциальный Музей Nr. 20840—48. Обстоятельства находки не полностью ясны.

e) „Лицевая урна." Бокалоподобный керамический сосуд выс. 10,3 см с 3 вставленными (в глину – К.В.) стеклянными обломками. Найдена в погр. 48, вместе с: пряслицем. Prov.-Mus. Nr. 20819.

v. Buttel-Reepen Über Fensterurnen. Oldenburger Jahrbuch 29 (1925) S. 361—362; Blume, Germ. Stamme, passim.

3. Deutsch-Eylau, Kr. Rosenberg/Hawa, woj. warmińsko-mazurskie. [—]

Обломок патинизированного стекла. Вместе с упоминавшимися фрагментами (сосуда типа) Terra-sigillata, найдены при строительстве казино. Музей Danzig/Gdańsk. Условия находки неизвестны, неясная находка, возможно, переотложенная в новейшее время.

4. Gr.-Lesewitz, Kr. Marienburg/Lasowice Wielke, woj. warmińsko-mazurskie. [2]

Блюдо зелёного стекла с 8 волнообразными, вертикальными рёбрами. Диамет. 9,3 см, выс. 6,7 см. Провинциальный Музей Nr. 4512.

Упомянуто в: Marschal, Heidnische Funde im Weichsel-Nogat-Delta. Schriften d. Naturf. Gesellsch. Danzig 5,3 (1882) S. 4 Tf. 1, 13; Lissauer, Präh. Denkm. S. 152.

5. Gr.-Schlāfken, Kr. Neidenburg/Ślawka Wielka, woj. warmińsko-mazurskie. [3]

Два кубка, обломки (форма, вероятно, как приблизительно у Kisa, Glas III Abb. 376). Prussia-Museum. V S. 350 Nr. 8497.

Sitzungsberichte Prussia 22 (1900—1904) S. 322ff., особенно S. 325 VII Tf. 51.

6. Hansdorf, Kr. Elbing/Janów Pomorski, woj. warmińsko-mazurskie. [13]

Кубок светло-зелёного стекла, выс. 12,5 см, с утолщённой низкой ножкой. Под венчиком – толстый стеклянный налп. Музей Danzig/Gdańsk.

Amtl. Ber. WPM. 18 (1897) S. 53ff. Abb. 32.

7. Kl.-Koslau, Kr. Neidenburg/Koźle Male, woj. warmińsko-mazurskie.

[4]

Из 40 трупосожжений 17 стеклянных сосудов найдены в погр.: 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 18, 21, 22, 29, 31, 32, 34, 38, 40. Лучшее всего сохранился кубок из погр. 6, Prussia-Museum IV S. 445 Nr. 6283.

Sitzungsberichte Prussia 17 (1891) S. 17iff. Tf. 17—21.

8. Kossewen, Kr. Sensburg/Kosewo, woj. warmińsko-mazurskie. [5]

Кубок с накладными деталями того же (какого ? – К.В.) нитями. Выс. 21 см. Диам. По венчику 11,2 см, внизу 4,4 см.

Найден в урновом погр. 14, при этом: пинцет, 2 наконечника ремня, 2 ременных накладки, 2 шпоры, фрагмент железного ножа, костяной гребень и обломки урны. Берлинская гос. коллекция.

Nachr. ü. d. Altertumsf. 1891 S. 20f. Abb. 12—17.

9. Nikutowen, Kr. Sensburg/Nikutowo, woj. warmińsko-mazurskie. [6]

Нижняя часть стеклянного питьевого ритона со светло-голубыми и молочно-белыми нитями. Длина. 7,0 см. (форма возможно как у Kisa III S. 909 Abb. 383.) Нижнее острие утрачено.

Найдено в группе (кальцинированных) костей (погр. Nr. 177), при этом: фибула с подогнутой ножкой. (как в ОА. Tf. 3, 25), фрагмент костяного гребня с бронзовыми заклёпками, красная эмалевая бусина. Prussia-Museum VII S. 76 Nr. 9282.

Bezenberger—Festschrift 1921 S. u8f. Abb. 3 Peiser.

10. Neustädter Feld, Kr. Elbing/Pole Nowomiejskie, Elbląg. [12]

а) маленький, округло выгнутый кубок, с глубоким канеллированием, зелёного стекла. Выс. 9 см. Музей Elbing/Elbląg.

б) Кубок с ножкой, бесцветный с голубыми и белыми нитями. Выс. 13,5 см. Музей Elbing/Elbląg.

11. Pollwitten, Kr. Mohrunen/Polowite, woj. warmińsko-mazurskie. [8]

Неорнаментированный кубок зелёного стекла со слабо отогнутым венчиком и полый ножкой. Выс. 9,6 см, диам.верху 6,2 см, внизу 2,7 см. Prussia Museum VII S. 95 Nr. 9416.

12. Popielnen, Kr. Sensburg/ woj. warmińsko-mazurskie. [7]

Чаша зелёного стекла, покрытая белыми и красными мазками. Выс. ок. 6,0 см, диам. ок. 13,8 см. Prussia-Museum. KAS. 806. Найдена как крышка урны у урны KAS. 65: „Большая урна шаровидной формы, с воронковидным горлом, (с) с троекратно пробитой ручкой. Содержание: 1 нижняя челюсть коня, фрагмент удила, 1 железный умбон (щита) с длинной заклёпкой." Находка имеет в Каталоге KAS. название: „der Popielner Fund 1821“ и включает также Nr. 51 — 53, 1296 и 1090—1101. (пряслице, удила, умбон.)

13. Siegesdicken, Kr. Fischhausen/Зеленоградский р-н. [9]

Часть венчика стеклянного сосуда (возможно как у Kisa, Glas III Tf. G

Abb. 383) с утолщением по краю сосуда и выступающими оттуда тонкими шипами. Светло-зелёный, почти бесцветный, трапецевидный. Выс. 2,3 см, длина. 1,1—4,3 см. Prussia-Museum. V S. 377, Nr 8627.

Найдена в урне, в остатках погребального костра, на глубине 60 см, вместе с: 2 арбалетовидными фибулами с кольцевой гарнитурой и острием (как в ОА. Tf. 3, 17); фрагментами 3 фибул с подогнутой ножкой (аналогичные в ОА Tf. 3, 8, Moythienen Tf. X 79a); железная пряжка, трёхчастная (аналогичная Bed. Phot. Alb. I Tf. 12, 497); серебряный перстень (как в Sitzungsberichte Prussia 22 S. 139 Abb. 135); сосуд-приставка (как в ОА. Tf. 23, 3; без выступа, меньше); сосуд-приставка (как в Sitzungsberichte Prussia 21 J1895 bis 1900} S. 119 Abb. 37); сосуд (как в Sitzungsberichte Prussia 23 Abb. 97).

Sitzungsberichte Prussia 23 (1914) S. 2 51 ff.

14. Warengen, Kr. Fischhausen/Зеленоградский р-н. {10}

Чаша зелёного стекла с 6 волнистыми вертикальными рёбрами. Дм. 9,8 см, выс. 6,4 см. Prussia-Museum V S. 154 Nr. 7842.

Найдена в урне (погр. 31), вместе с серебряной арбалетовидной фибулой с подогнутой ножкой, 1 бронзовой монетой Каракаллы, 1 золотым слитком, фрагментом серебряного дрота, 2 умбонами щитов (как в Moythienen Tf. 9, 75a м S. Muller Ordning II Abb. 354), ножницами (как в РК. II S. 19 Abb. 61); 2 шпорами (как в ОА. Tf. 17, 6 und 16, 12 u.a.).

Sitzungsberichte Prussia 22 (1900—1904) S. 22jff. Abb. 150, 151.

15. Warnikam, Kr. Heiligenbeil/Первомайское, Багратионовский р-н. [11]

Кубок с 7 накладными двойными нитями. Диаметр поверху 9,7 см. Высота ок. 18,0 см. Стекло светло-зеленоватое. Провинциальный Музей Nr. 7034. Найден в трупосожжении 65, вместе с: 1 сосудом-приставкой, полоской прессованной золотой фольги с фигурными изображениями, 1 арбалетовидной фибулой как в ОА. Tf. 4, 26, 1 большим копьем и проч.

Tischler-Kemke, Ostpr. Altert. S. 45.

III. Металлические сосуды, зеркала и оружие ✕ [I—9J]

1. Pischken, Kr. Wehlau/Гвардейский р-н.

Железный кинжал с таушированными серебром ножнами. Клинок треугольный, вытянутый. Рукоять имеет сверху рассечённое,

внизу полукруглое, плоское навершие, угловатую, тонкую рукоять, с утолщением в

центре und рукоять шириной 6,7 см. От железных ножен сохранилась лишь лицевая часть. Поверху она имеет ширину почти равную ширине перекрестия и книзу сужается. Нижний конец обломан. Ножны разделены тонкими серебряными линиями на четыре трапециевидные фигуры, которые украшены таушированным серебром орнаментом; в некоторых пунктах видны круги, полукружья, группы штрихов, ступенчатый декор и проч. На краю ножен имеется бронзовое кольцо с бронзовой обоймицей. Длина (общая – К.В.) 32,7 см, дл рукояти 9,2 см.

Кинжал обнаружен вместе со следующими предметами: 1 сильно профилированная фибула с шайбовидным утолщением (как в ОА. Tf. 2, 10), маленький железный наконечник копья, плоский (втулка отломана), двое железных кольчатых удил, двучастные (фрагм.); железный умбон щита с широким краем (центральная часть отсутствует). Prussia-Museum IV S. 402 Nr. 5944.

Sitzungsberichte Prussia, 16 (1891), S. 12.

2. Kirpehnen, Kr. Fischhausen/Поваровка, Зеленоградский р-н.

[2]

Наконечник ножен с круглой нижней частью, загнутым краем и веслообразной рукоятью. Фрагмент со слабо изогнутой нижней частью с концентрическими линиями, верхняя часть с пробитым в двух местах стержнем. Диам. 9,2 см, длина рукояти 13,7 см.

Найден в трупосожжении, при этом (найлены): фибула с двумя расширениями (Bezzenberger a. a. O. Abb. 99), углообразная фибула (Bezzenberger a. a. O. Abb. 100), браслет (как в ОА. Tf. 14, 10), два аналогичных браслета, браслет (как в Blume Abb. 90), пряжка (как в ОА. Tf. 11, 6; без держателя), янтарная бусина, литавровидная (диам. 2,6 см), гривна, тордированная, на концах видны крючки со сферическими наконечниками, и проч. Prussia-Museum III S. 188 Nr. 1047.

Bezzenberger, Analysen S. 79 Anm. 3 Abb. 98—100.

3. Lodehnen, Kr. Mohrunen/Porzecze, woj. warmińsko-mazurskie. [3]

Гофрированное бронзовое ведро, Prussia-Museum.

Elbinger Jahrbuch 3 (1923) S. 144—is 1 M. Ebert.

4. Wöklitz, Kr. Elbing/Weklize, woj. warmińsko-mazurskie. [4]

Устье бронзового кувшина. См. приложение III.

5. Willenberg, Kr. Stuhm/Wielbark, woj. warmińsko-mazurskie. [5]

Бронзовый наконечник ножен Prussia-Museum.

(Сейчас недоступен.)

6. Ladekop, Kr. Marienburg (jetzt Freistaat Danzig)/Lubieszewo, Gdańsk. [6]

- a) Черпак со вставкой. Museum Danzig/Gdańsk IV 307, 308.
 - b) Большая бронзовая дужка от ведра с 2 накладками. Museum Danzig/Gdańsk IV 303 a.
 - c) Маленький бронзовый венчик (?) ведра. Museum Danzig/Gdańsk IV 304.
 - d) Бронзовое блюдо, волнистое. Museum Danzig/Gdańsk IV 301.
 - e) Маленькое бронзовое ведро, gewellt. Museum Danzig/Gdańsk IV 302.
- La Baume in B e r t r a m - L a Baume-Klo e p p e l, Das Weichsel-Nogat-Delta 1923 S. 81—82; L i s s a u e r, Prah. Denkra. S. 152.

7. T i e g e, Kr. Marienburg/Tuja, Gdańsk. [7]

Обломок бронзового блюда. Museum Danzig/Gdańsk III 844.

8. Goldau, Kr, Rosenberg/Galdowo, woj. warmińsko-mazurskie. [8]

Фрагмент венчика бронзового сита. Museum Danzig/Gdańsk V S. 8812.

Находка в погребении (труположение). Вместе с: 1 янтарной бусиной, 1 многочастным костяным гребнем с круглой рукоятью, 1 двучастной бронзовой пряжкой, 1 маленьким керамическим сосудом.

9. Neustädter-Feld, Kr. Elbing/Pole Nowomejskie, Elbląg. [9]

Зеркало, бронза, посеребрено (?), круглое, диам. 9,2 см. Museum Elbing/Elbląg.
[добавление в корректуре]

10. Korjeiten, Kr. Fischhausen/Путилово, Зеленоградский р-н.

Погр 275. Обломок венчика серебряного сосуда. Высота 2,2 см; диам. 3,1—3,8 см. Найден вместе с.: 2 арбалетовидными фибулами с кольцевой гарнитурой, высоким иглоприёмником и иглой (как Almgren 211; бронза); такие же из серебра; пряжка (как в ОА. Tf. X 11, но с крылышками на игле), бронза; гривной mit концами в виде кольца и крючка (как в ОА. Tf. XV 2); серебро, фрагм.; с браслетом со змеиными головками (как в Blume 82 {?}), фрагм.; таким же, фрагмент, серебро; с керамическим пряслищем; с железным ножом.}

IV. Фибулы и эмалевые подвески

A. Норицко-Паннонские фибулы с двумя узлами на спинке тип Almgren 236/237

1. A l t j a h n, Kr. Marienwerder/ woj. warmińsko-mazurskie. [21]

Бронза. Длина 12 см. Museum Danzig/Gdańsk (без номера, с пометкой: 29/4 1911).

Возможно, обнаружена вместе с полусерповидным железным ножом с длинной железной, просверленной рукоятью.

2. Grebieten, Kr. Fischhausen/Зеленоградский р-н. [1]

Бронза. Повреждена (конец ножки отсутствует). Длина 6,5 см. Prussia-Museum 8017a.

3. Koszek II, Kr. Johannisburg/ woj. warmińsko-mazurskie. [2]

Погр. 67. Бронза. Длина 7,5 см. Обнаружена вместе с: пряжка высокой прямоугольной рамкой, двойная игла, железо; наконечник ремня профилированным концом, железо; железное кресало. Prussia-Museum.

4. Maciejewo b. Pelplin, Kr. Dirschau/ woj. warmińsko-mazurskie.

1 фрагмент. Almgren Beilage I 37.

5. Ronsden, Kr. Graudenz/ woj. warmińsko-mazurskie.

Погр. 360. Abg. Anger, Das Grbf. zu Ronsden, T1XII 18. Bronze. L. 5,5 cm. Найдена вместе с: позднелатенской фибулой (как Almgren 2), см. O. Tf. XIII 8, бронза, длина 5,5 см; булавка, железная.

Almgren Beilage I 37 и Beilage II 82.

6. Там же.

Погр. 32. Abg. Anger a. a. O. Tf. XII 19 (сравни S. 21). Бронза. Длина 5,5 см. Найдена вместе с: „иглой для письма” Железо. Abg. a. a. O. Tf. XIX 16. Almgren Beilage I 37.

В. Фибулы типа Almgren 19/20

1. Dirschau, Kr. Dirschau/ woj. warmińsko-mazurskie.

Как Almgren 20. Abg. Ossowski, Monum. prehist. de l'ancienne Pologne I. Tf. XLIII 10. Akad. Krakau. Almgren I Beilage I 37.

2. Kulm, Kr. Kulm/Chelm, woj. warmińsko-mazurskie.

Abg. Almgren 19a, vgl. Beilage I 37. Vorgesch, Staatsslg. Berlin lb 457.

3. Ronsden, Kr. Graudenz/ woj. warmińsko-mazurskie.

Погр. 6. Форма между Almgren 19 и 20. Abg. Anger a. a. O.

Taf. XII 16 (сравни S. 19) Обнаружена вместе с: серповидный нож, железо, длина 10 см.

Almgren Beilage I 37.

С. Сильно профилированные фибулы с охранной пластиной. Тип Almgren 69.

1. Окрестности Königsberg/ Калининград.

Двучастная, большая. Almgren, Fibelformen, Beilage 137. Museum Halle 306 V.

2. K i c k e l h o f, Kr. Elbing/Kikoly, Elbląg. [3]

Almgren, Fibelformen, Beilage I 37. Museum Elbing/Elbląg

3. M a c i e j e w o b. Pelplin, Kr. Dirschau/woj. warmińsko-mazurskie.

Погр. 11. Возможно как Almgren 68. Найдена вместе с: глазчатой фибулой (как Almgren 53), Almgren, Fibelformen, Beilage I 37 и Beilage II 66. Museum Danzig/Gdańsk.

D. Крыльчатые фибулы. Тип Almgren 238.

1. E i s l i e t h e n, Kr. Fischhausen/Зеленоградский р-н. [4]

Погр. 4. Бронза. Повреждена. Длина 14,5 см. Abg. Schriften Phys.-Okon. Gesellschaft 33 Tf. VII 26 und 37 Tf. II 6.

Найдена вместе с: глазчатой фибулой (как Almgren 58; пружина из круглой проволоки); с сильно профилированной фибулой с охранной пластиной (=Almgren 72); с бронзовой гривной с расширенными концами; с двумя браслетами (примерно как в Tischler-Kemke, Ostpr. Alt. Tf. XIV 10), с двумя браслетами (примерно как там же Tf. XIV 5). Schriften Phys.-Okon. Gesellschaft 33 S. 72; Bezenberger, Analysen S. 77; Hollack, Erläuterungen S. 31. Almgren Beilage I 37. Prussia-Museum. Slg. des Prov.-Mus. 14064—75.

2. R o d m a n s h o f e n, Kr. Königsberg/М. Исаково, Гурьевский р-н. [5]

Доисторическое гос. собрание Berlin II 6328. Almgren Beilage I 37.

3. R o n d s e n, Kr. Graudenz/woj. warmińsko-mazurskie.

Погр. 370 А. Abg. Anger a. a. O. Tf. XII 8. Бронза. Длина 10 см, фрагм. Найден вместе с: пряжкой с полукруглой рамкой, с профилированным язычком, бронза, диам. 3,5 см. Abg. Anger a. a. O. Tf. XIV 6; с браслетом, гладким, фрагм.; с булавкой, железной; 4 (?) фрагм. стеклянных бусин, 2 бронзовыми стержнями. Almgren Beilage I 37,

E. Шарнирные фибулы с бантообразной дужкой или пластиной на дужке

1. A n g e r b u r g (?)/Węgorzewo, woj. warmińsko-mazurskie. Тип Almgren 239. [6]

Бронза. Длина 10,2 см. Abg. L. v. Ledebur, Das Königliche Museum, Berlin 1831. Tf. I (II 548). Almgren Beilage 137. Vorgesch. Staatsslg. Berlin II 548.

2. K i r p e h n e n, Kr. Fischhausen/Поваровка, Зеленоградский р-н. [10]

Равноплечная, с маленькой, профилированной головкой и аналогичной норжкой.

Abg. Sitzungsberichte Prussia 22 S. 366 Abb. 213. Бронза, посеребрена. Длина 4,6 см. Найдены вместе (с ней): в одной урне: глазчатая фибула (как Almgren 61), с прилегающей тетивой, с широкой оконечностью ножки, бронза, длина 6,6 см; кольчатые удила с четырёхугольным (в сечении) грызлом, с изогнутой челюстной штангой, железо; бронзовые кольчатые поводья; декоративные накладки оголовья, бронза, плакированы серебром; детали второго оголовья; к этому относились: плоская бронзовая дужка (аналогична в S. Müller Ordnung II 77); такая же из железа; посеребрённые бронзовые накладки; наконечники ремня, из железа (как Tischler-Kemke OA. Tf. i2d (?); перстень (?) из тонкой бронзовой проволоки, сомкнутый; костяной гребень (аналогичный в Blume Abb. 131); бронзовая ложечка, длина 4,5 см; нож, железо, повреждён; резец, железо; железный полый струг; кресало; два огнива, два точила; 3 пинцета, железо.

В сосуде-приставке: пряжка, полукруглая, железо; умбон щита, сильно повреждённый, железо; оковка края щита, с прямым краем, фрагм., железо; наконечник копья без ребра, втулка сломана; пинцет с втулкообразно расширенной головкой, железо; полый струг, фрагм., железо; обоймица, железо; фрагменты железа. Сравни Sitzungsberichte Prussia 22 S. 366—68. Prussia-Museum 8506 III, IV.

3. Lehn dorf, Kr. Fischhausen/Зеленоградский р-н. [7]

Фибула с бантообразной дужкой, родственна с Almgren 242, широкая спинка. Бронза, посеребрена. Красная эмаль. Длина 4,7 см, ширина 2,5 см.

Найдена вместе с: сильно профилированной фибулой (как Tischler-Kemke OA. II 12), бронза, длина 8,1 см; пряжкой (типа OA. X n), бронза; с бритвой (полукруглой формы); ножом; втульчатым топором; втульчатым резцом (маленький); 2 наконечниками копий; стругом; 2 кусками янтаря. Prussia-Museum. Schriften Phys.-Ökon. Gesellschaft 27 S. 511 Tischler; Prah. Zeitschr. 5 S. 536 Anm. Ebert.

4. Umgegend von Lötzen/Giżycko, woj. warmińsko-mazurskie. [8]

Серебро, украшено эмалью. Длина ок. 4 см. С треугольной пластиной на дужке и с маленькой, полукруглой головной пластиной. Museum Lötzen/Giżycko.

5. Pruschinowken Wolka, Kr. Sensburg/Wólka Pruszyńska, woj. warmińsko-mazurskie. [9]

Погр.106. Круглая пластина на середине дужки. Бронза. Длина 4,6 см; Ширина 1,9 см. Железная игла. Найдены вместе (с ней): Бронзовый перстень ($2^{1/2}$ оборотов); такой же, той же формы; железное кольцо (от удил ?). Prussia-Museum 9336.

Ф. Пластинчатая фибула, украшенная эмалью, в основном как Almgren 222

1. Bartlickshof, Kr. Lötzen/Bartlikowo, woj. warmińsko-mazurskie.

[14]

Погр. 22, как Almgren 222, однако с двумя маленькими и с двумя большими накладками на края. Крестообразно друг напротив друга. Бронза. Найдены вместе (с ней): железная пряжка. *Schriften Phys.-Okon. Gesellschaft* 41 (1900) S. 113 Abb. Tf. III 7 und IV 25. Prussia-Museum.

2. Там же.

[15]

Погр. 241. Четырёхугольная, с вогнутыми сторонами, центральная кнопка и 8 боковых накладок. Бронза. Найдены вместе (с ней): бусины, остатки сожжённых бусин, половина бесцветной, маленькой стеклянной сферы. Prussia-Museum 9272.

3. Gauten, Kr. Fischhausen/Путилово, Зеленоградский р-н.

[13]

Рисунок в Prussia-Museum. Фибула ли это, проблематично, но возможно.

4. Graudenz/Grudziądz, woj. kujawsko-pomorskie.

Как Almgren 222, большая; Almgren Beilage I 37. Museum Czartoryski, Krakau/Kraków.

5. Greibau, Kr. Fischhausen/Зеленоградский р-н.

[16]

Погр. 156 (разрушен). Пластинчатая фибула ?, умбоновидная с маленькими выступами по краям. Бронза, остатки эмали в центральной головке. Диам. 3,1 см. Найдены вместе (с ней): 2 арбалетовидные фибулы с высоким иглоприёмником и кольцевой гарнитурой (как в Tischler-Kemke OA. Tf. III 6; одна целая, у другой отсутствует ножка, бронза; арбалетовидная фибула с иглой (примерно как в OA. Tf. III, 12, но тоньше), только одна (внешняя) тетива, бронза; перстень (OA. Tf. XV 4), бронза; бубенчик-подвеска, железо; два железных наконечника копий с ребром и ромбическим пером; клинок серпа; точило; римская монета. Tischler-Kemke OA. S. 31. *Präh. Zeitschr.* 5 S. 536 Anm. Prussia-Museum (Slg. d. Prov.-Mus. 9512—9521).

6. Moythienen, Kr. Sensburg/Мойтyny/ woj. warmińsko-mazurskie.[11]

Погр. 32. Круглая, с маленькими выступами по краям, без центральной головки. Abg. Hollack-Peiser, Moythienen Tf. VI 32, auch Farbentafel. Text S. 48.

7. Wiekau, Kr. Fischhausen/Хрустальное, Зеленоградский р-н.

[12]

Деревянный «саркофаг» 8. (Возможно, фибула как 6 Moythienen?). Сильно

повреждена. Бронза. Диамет. 2,4 см. Найдена вместе с: фибулой с двумя выступами (типа T i s c h l e r - K e m k e ОА. Tf. III 2), бронза, покрыта серебром, повреждена; фрагментирована.; 2 пряжки, бронза, сильно повреждены; 2 кнопочные шпоры, бронза, повреждены; удила, фрагм. с 2 цепями со звеньями, бронза; бронзовая пластина от оголовья, покрыта серебром; бронзовая пластина, тонкая, с орнаментом; фрагмент такой же. (выше названная abg. Sitzungsberichte Prussia 22 Tf. XXXVII); короткий меч, широкий, двулезвийный, с 4 маленькими кровостоками в середине (клинкa – К.В.), длина 53 см, ширина 6,3 см; умбон (как Jahn, Die Bewaffnung Tf. III 6 oder 7a), сильно повреждён; наконечник копья с мощным ребром; фрагмент такого же, с гладким, широким пером; втульчатый топор с изогнутым остриём; нож, повреждён (Abb. S.-Ber. Prussia 22 Tf. XXXVIII a~g; умбон щита не нарисован); две пряжки с прямоугольными рамками, железо, сильно коррозированы; наконечник копья с ребром, повреждено; 4 наконечника копий с плоским сечением пера, повреждены; втульчатый топор с слегка изогнутым вперёд углом лезвия, длина 12,9 см, пинцет (?), железо, фрагмент.; 5 неопределённых железных фрагмента. Sitzungsberichte Prussia 14 S. 275 и там же 22 S. 218—19 (Tf. XXXVII und XXXVIII) Prussia-Museum 5533/8.

[дополнение с корректурой:

8. L e h l e s k e n , Kr. Ortelsburg / L e l e s z k i , woj. warmińsko-mazurskie.

Погр. 44. Умбонovidная фибула с 6 маленькими, шайбовидными расширениями по краю. Без эмалевых украшений. Шарнирная. Бронза. Диамет. 3,3 см. Вместе найдена (с): арбалетовидной фибулой с полудлинным (?) расширением, Бронза; 3 пряжками с крестообразными язычками, почко-образной формы, бронза; 3 такими же с гладкими язычками, бронза; 2 прямоугольными поясными накладками, бронза; 7 наконечниками ремня с изогнутыми (?) сторонами, бронза; 2 пластинчатыми шпорами и 3 шпорами на заклёпках, бронза с железными остриями (повреждены); 3 стеклянными бусинами; ножом, железо (фрагм.).

О. Щипцеобразная фибула тина A U n g r e n 244

1. N e u - B o d s c h w i n g k e n , Kr. Goldap/Nowa Boćwinka, woj. warmińsko-mazurskie.

[17]

Бронза. A l m g r e n Beilage I 37; T i s c h l e r , Gräberfelder Tf. III 16; Berliner Phot. Album I Tf. X 451 Katalog S. 415/6; 401; Sitzungsberichte Prussia 22 (1909) S. 470. Prussia-Museum.

Н. Т-образная фибула с острием. Тип Almgren 190

I. 2. „Окрестности Königsberg/Калининград."

Almgren Beilage I 37. Museum Czartoryski, Krakau/Kraków.

3. Ostpreußen/Вост. Пруссия.

Almgren Beilage I 37. Доисторическое гос. собрание. Берлин Ia 46. (До сих пор не совсем ясная находка из Восточной Пруссии, поэтому 1—3 проблематичны.)

/I. Эмалированные предметы украшения

1. Lapsau, Kr. Königsberg/Заозерье, Гурьевский р-н. [19]

Фрагмент ожерелья или цепевидного пояса. Возможно найден совместно с накладкой на конец питьевого рога, бронза, и два маленьких четырехугольных точила. Prussia-Museum 107.

2. Moythienen, Kr. Sensburg/Mojtyny, woj. warmińsko-mazurskie. [20]

Погр. 66. Подвеска. Abg. Hollack-Peiser, Moythienen Tf. VI 66 und Farbentafel. (Возможно неримская работа.) Совместно найдены: наконечник ремня (примерно как у Blume Abb. 60), железо; 2 железных ведёрковидных подвесок; обожжённая эмалевая бусина; нож с искривлённой спинкой; узкий, округлая биконическая урна краем венчика, сверху заглаженным, внизу шероховатым, с остатками крышки; разбитый сосуд-приставка. Prussia-Museum 8472.

3. Oberhof, Kr. Memel/Aukštakiemis, Klaipėda raj. [18]

Бронзовая шайбовидная (фибула). Prussia-Museum.

К. Дополнение

„Позднелатенская фибула" с бантообразной дужкой, узкой ножкой. Типа Salin Tieroraamentik Abb. 7.

Салин называет форму полуримской и считает её (происходящей) из Италии, Боснии и Южной России; сравни также Bezzenger в Sitzungsberichte Prussia 22, S. 47 2/3; K. Stadie in Sitzungsberichte Prussia 23 S. думает об (источнике таких фибул) из Швейцарии и из Альтмарка.

1. Grzybowen, Kr. Lötzen/Grzybowo, woj. warmińsko-mazurskie.

Погр. 22. Сзади дужки - кнопка (примерно как Sitzungsberichte Prussia 22 Tf. LX 3, но больше); повреждена (конец ножки отсутствует, также – в пружине спирали),

длина 3 см. Найдена вместе (с): кресалом, rechteckig; 2 заклёпками, бронза. Sitzungsberichte Prussia 22 S. 472. Prussia-Museum 9281.

2. Kruglanken, Kr. Angerburg/Kruglanki, woj. warmińsko-mazurskie.

Погр. LVII. — С отверстием в иглоприёмнике и с маленькой, посаженной на конце ножки кнопкой. Abg. Sitzungsberichte Prussia 23 S. 406 Abb. 181. Бронза. Длина 7,6 см. Вместе (с ней) найдены: каремнёвое огниво, сбито (затуплено), прямоугольное. Sitzungsberichte Prussia 22 S. 472. Prussia-Museum 9073.

3. Rondsens, Kr. Graudenz / woj. warmińsko-mazurskie.

Погр. 568. Дужка „кувшинообразная“. Abg. Anger, Das Grbf. zu Rondsens Tf. XIII 17. Bronze. L. 4 cm, fragm. Найдены вместе (с ней): булавка, железо. Museum Danzig/Gdańsk.

4. Там же.

Погр. 215. Дужка парусовидная. Abg. Anger a. a. O. Tf. XIII 18. Бронза. Длина 5 см, фрагм. Вместе (с ней) найдены.: наконечник ремня с профилированным концом, abg. Anger a. a. O. Tf. XVII 29, бронза, длина 5 см; неясный бронзовый фрагмент. Museum Danzig/Gdańsk.

5. Возможно Heydekrug, Kr. Heydekrug / Šilutė.

Бронза. Sitzungsberichte Prussia 21 S. 55 Anm. и также 23 S. 472/3. Prussia-Museum.

6. 7. Ostpreußen / Вост. Пруссия.

Бронза. Собрание литовского литературного общества. Sitzungsberichte Prussia 21 S. 55 Anm. и также 23 S. 472/3.

Научное издание

Кулаков Владимир Иванович

**Провинциально-римские и германские фибулы в материальной культуре
населения Янтарного берега I в. до н.э. – IV в. н.э.**

**Издано информационно-издательским сектором
Калининградского института туризма – филиала РМАТ
Зав. сектором – С.П. Попов**

Подписано в печать: 22 января 2014 г.

Бумага для множительных аппаратов

Формат 60 x 84/16.

Гарнитура Таймс. Ризограф. Усл. печ. л. 8.0

Тираж 100 экз. Заказ №1

236029, Калининград, ул. Озёрная, 31а